

та должна быть въ Рыбинскѣ, и какъ все это пестрое, пришлое населеніе толкается, бѣгаетъ, кричитъ и кишитъ на обоихъ берегахъ Волги, и на берегахъ Шексны, и на разнообразныхъ пристаняхъ и на верфи — этой единственной по своему значенію пристани.

Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и подраздѣляется на нѣсколько отдѣленій или пристаней, въ которыхъ размѣщаются суда, смотря по ихъ грузу, по ихъ назначенію и по потребностямъ. Такъ напр., барки, застигнутыя здѣсь позднимъ временемъ, остаются на зиму въ Черѣмухинской пристани, нарочно для этого предназначенной. Такое систематическое размѣщеніе необходимо для сохраненія порядка въ пристани, гдѣ собирается иногда разомъ до 2,000 и болѣе барокъ.

Между судами, наиболѣе употребительными по верхней Волгѣ, по ея притокамъ въ этихъ частяхъ и по каналамъ, первое мѣсто занимаютъ барки и полубарки. Барки имѣютъ отъ 17 до 18 сажень въ длину и отъ 3—4 саж. ширины, подымая до 7,000 пудовъ груза; полубарки во всемъ схожи съ барками, но при той же ширинѣ имѣютъ 12 саж. длины, подымая отъ 4—5,000 пудовъ груза. Вообще должно замѣтить, что почти каждая значительная рѣка, каждая водяная система имѣетъ свои исключительно ей принадлежащія суда, какъ-то: вышневолоцкія суда, тихвинки, соминки, бѣлозерки и друг., хотя многія изъ нихъ, не смотря на свои особенныя названія, отличаются самыми незначительными особенностями другъ отъ друга.

Въ послѣднее время главная отправка грузовъ изъ Рыбинска въ С.-Петербургъ производится преимущественно по Маринской системѣ. Отправка судовъ Вышневолоцкимъ путемъ уменьшается потому, что судоходство встрѣчаетъ здѣсь препятствія отъ долговременнаго скопленія каравановъ въ Вышнемъ-Волочкѣ для спуска въ пороги, отъ чего провозная плата обходится дороже Маринскаго пути. Тихвинскій путь, хотя короче обѣихъ системъ, и по немъ доставляется кладь изъ Рыбинска въ Петербургъ въ 30 или 40 дней, но

за то большою помѣхой считается здѣсь мелководіе рѣкъ, вслѣдствіе чего кладъ можетъ доставляться только въ соминкахъ, маломѣрныхъ лодкахъ, поднимающихъ груза всего отъ 2—2¹/₂ тысячъ пудовъ. Маріинскій же путь болѣе безопасный и болѣе выгодный, такъ какъ менѣе мелководенъ, и провозная плата по немъ обходится дешевле.

Отъ Рыбинска вверхъ по Шекснѣ введена новая система пароходства. До сихъ поръ на нашихъ судоходныхъ рѣкахъ существовало для буксированія судовъ съ грузомъ два рода пароходовъ: 1) *буксирные* или *тяжелые*, на которыхъ преимущественно перевозятся цѣнные товары, грузимые или на самый пароходъ, или на находящіяся при нихъ баржи, и 2) *кабестанны*, т. е. суда съ полнымъ паровымъ приборомъ, сила котораго устремлена на воротъ или шпиль, на который наматывается канатъ отъ завознаго якоря, заброшеннаго на полверсты впередъ. Къ этимъ двумъ видамъ присоединился теперь третій—*туэры*, т. е. паровыя суда, движущіеся по желѣзной цѣпи, погруженной на дно рѣки. Система движенія та же, что съ завознымъ якоремъ коноводокъ и кабестанныхъ пароходовъ, но разница въ томъ, что точки опоры парохода находятся въ цѣпи, положенной на дни рѣки и укрѣпленной у Череповца почти за 200 верстъ. Эта цѣпь навивается и приводитъ въ движеніе пароходъ, тянущій за собой большія барки съ грузомъ. Компания этого цѣпнаго пароходства намѣрена вышеописаннымъ способомъ буксировать суда по рѣкамъ Шекснѣ, Окѣ и Москвѣ отъ Рыбинска до Бѣлозерскаго канала и отъ Нижняго-Новгорода до Коломны и Москвы. Эти туэры огажутъ благотельное вліяніе тѣмъ, что совершенно устраняютъ конную тягу, и неразлучную съ нею заразу, этотъ бичъ для нашего скотоводства.

Главную кладъ судовъ, подвозимыхъ къ Рыбинску, составляетъ *хлѣбный товаръ*: мука ржаная и крупчатая, рожь, овесъ, ячмень и т. д., доставляемая съ Волжскихъ и Камскихъ пристаней губерній: Казанской, Вятской, Симбирской и Нижегородской. *Пшеница* получается изъ Самар-

ской и Саратовской. Далѣ слѣдуетъ *сало*—изъ Самарской, Пермской, Оренбургской и Тамбовской; *корабельный лѣсъ*—изъ Вятской, Казанской и Пермской; *хлѣбный спиртъ*—изъ Пензенской, Тамбовской и Нижегородской; *мочальныя издѣлія*—изъ Вятской, Казанской, Костромской и Нижегородской; *жельзо, мѣдь и металлическія издѣлія*—изъ Пермской и Оренбургской. Само рыбинское купечество ведетъ торгъ: хлѣбомъ, колониальными товарами, судовыми припасами и постройкою судовъ. На верфи Николо-Абакумовской пристани строится ежегодно разнаго рода судовъ отъ 250 до 325; на канатной фабрикѣ братьевъ Журавлевыхъ изготовляется ежегодно канатовъ до 200,000 пудовъ, преимущественно для внутренняго потребленія.

Канатная фабрика братьевъ Журавлевыхъ заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Она существуетъ съ 1858 года, на берегу р. Шексны при Николо-Абакумовской пристани, и дѣйствуетъ паровою машиною низкаго давленія въ 60 силъ. Пенька, для этой фабрики закупается въ Орловской губерніи, которая по ровности и плотности волокна не имѣетъ себѣ подобной въ цѣломъ свѣтѣ; закупленная пенька треплется въ Орлѣ, потомъ грузится на суда, отправляется въ Рыбинскъ и тамъ складывается въ обширные каменные амбары. (Запасъ пеньки, на этой фабрикѣ, во всякое время бываетъ не менѣе 200,000 пудовъ.) Изъ амбаровъ бунты съ пенькою перевозятся на вагонахъ по желѣзно-конной дорогѣ на фабрику, поднимаются машиною въ четвертый этажъ, гдѣ ихъ развязываютъ и пеньку сортируютъ по качествамъ. Разсортировавши, кладутъ пеньку на вагонъ и везутъ по устроенной въ 4-мъ этажѣ желѣзной дорогѣ, съ которой спускаютъ прямо въ чесальни, находящіяся въ третьемъ и второмъ этажахъ фабрики. Тутъ она переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія: одни чешутъ, другіе прядутъ, третьи опускаютъ въ кипящую смолу, четвертые наматываютъ, пятые вытягиваютъ, скручиваютъ и и т. д., и все это совершается съ помощью машинъ. Тутъ же при фабрикѣ находятся лѣсопильный заводъ,

слесарное заведеніе и кузница, дѣйствующія силою той же фабричной паровой машины. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ людей, работающих на фабригѣ (числомъ до 850 чел.,) нѣтъ ни одного иностранца, кромѣ нѣмца механика, состоящаго при паровой машинѣ, — всѣ остальные русскіе, не исключая и мастера, заправляющаго всѣмъ канатнымъ производствомъ. Изъ большихъ паровыхъ машинныхъ фабрикъ Россіи извѣстны только двѣ въ Петербургѣ, Казалета и Гота, да третья Журавлевыхъ.

Канатная фабрика братьевъ Журавлевыхъ не можетъ не возбудить общей мысли о канатномъ дѣлѣ въ Россіи. Никакая страна въ мірѣ не производитъ пеньки такого превосходнаго качества, какъ Россія; и всеобщая потребность въ канатахъ прямо указываетъ на издѣліе, въ которомъ наша промышленность могла бы выдержать конкуренцію съ иностранными фабриками того же рода. А между тѣмъ, хотя въ послѣднее время вывозъ пеньки въ Англію значительно и усилился, но сбытъ канатовъ еще крайне затруднителенъ для русскихъ фабрикантовъ, не имѣющихъ своихъ торговыхъ домовъ за границей.

Годовой оборотъ мѣстной торговли Рыбинска доходитъ до 5—6 милліоновъ р. сер., доходы городскіе простираются ежегодно до 60 тыс. (43 тыс.) р. сер., а расходы до 27 тысячъ. Изъ этихъ остатковъ составился капиталъ, и эти средства дали возможность городу основать общественный банкъ и устроить купеческую биржу, съ цѣлью дать правильное движеніе торговымъ оборотамъ и поставить рыбинскую пристань на степень благоустроеннаго внутренняго порта. Но, къ сожалѣнію должно сказать, что большая часть Рыбинскаго и иногороднаго купечества, придерживаясь старины, ведетъ свои коммерческіе обороты въ тайнѣ и всѣ сдѣлки производятъ или на площади въ толпѣ чернорабочихъ, либо дома, либо въ гостиницахъ и харчевняхъ за чаемъ и закуской. При такомъ настроеніи торговаго сословія прекрасный биржевой залъ пусть и служитъ нерѣдко мѣстомъ сценическаго представленія какого-нибудь странствующаго арти-

ста! Въ этомъ же зданіи помѣщается судоходная расправа, и возлѣ него выстроена галлерей для лоцмановъ. Рыбинская биржа — это одно изъ лучшихъ зданій; оно выходитъ однимъ фасадомъ на берегъ, откуда открывается широкій видъ на Волгу и на Шексну.

Не смотря на то, что Рыбинскъ владѣеть богатыми средствами, онъ имѣеть тотъ же грязный видъ и тѣ же неудобства, какъ и всѣ наши города. Въ лѣтнюю пору на набережной осаждаютъ прохожаго толпы нищихъ, привлекаемые сюда купеческимъ обычаемъ обдѣлять въ праздники всю нищую братію; отъ скопленія чернорабочихъ невыносимая вонь и страшная нечистота. Внутри гостинаго двора поражаетъ васъ тоже убійственное зловоніе, на городскомъ бульварѣ душитъ васъ смрадъ печей, жгущихъ известку, которыми усѣявъ весь противоположный берегъ; нѣтъ ни хорошихъ мостовыхъ, ни хорошихъ гостиницъ, ни хорошей больницы. Всѣ эти неудобства происходятъ, конечно, вслѣдствіе отсутствія потребности у самихъ жителей чистоты и опрятности, такъ рѣзко кидющагося вездѣ въ глаза.

Рыбинскъ прежде былъ просто *Рыбною слободою*, которая по своему удобному географическому положенію съ открытіемъ искусственнаго водянаго сообщенія, получила новое значеніе и съ 1778 года переименовалась въ уѣздный городъ Рыбинскъ, значеніе котораго постоянно возрастало, и который теперь занимаетъ равное мѣсто съ Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью по объему своихъ оборотовъ, по числу судовъ и по своему огромному значенію въ Волжской торговлѣ, для которой онъ служитъ центромъ. Рыбинскъ, по средствомъ канала, Александра Виртембергскаго, соединяетъ область Волги съ Архангельскомъ и съ рѣчною областью Сѣверной Двины; вся торговля по Волгѣ и ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, въ Рыбинскѣ, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многоразличныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея. Рыбинскъ образовалъ собою особую торговую границу въ

вожскомъ судоходствѣ, это послѣдняя, но главная приволжская станція на пути въ сѣверную столицу.

Какъ ни выгодно положеніе Рыбинска въ торговомъ отношеніи, надо замѣтить, что еще не достааетъ ему одного и весьма важнаго предмета — это желѣзной дороги до Петербурга. При существованіи ея не было бы того застоя въ хлѣбной торговлѣ, который нынѣ случается и вводитъ въ убытки торговое сословіе, а слѣдовательно, вредитъ и пользамъ государства. Если бы существовала желѣзная дорога, тогда въ половинѣ мая хлѣбъ былъ бы въ Петербургѣ, а въ іюнѣ поспѣлъ бы на иностранные рынки, когда цѣны на него еще высоки; тогда какъ сплавляемый по водянымъ путямъ онъ доходитъ до Петербургскаго порта едва въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ. Въ это время цѣны на хлѣбъ за границей падаютъ, вывозъ становится невыгоднымъ, и хлѣбъ либо остается на рукахъ непроданнымъ, либо сбывается съ убыткомъ. Эти препятствія привели рыбинскихъ торговцевъ къ убѣжденію, что устройство желѣзной дороги отъ *Рыбинска* до *Бологова*, для соединенія его съ Николаевскою желѣзною дорогою, есть одна изъ насущныхъ потребностей нашей внутренней промышленности. Въ настоящее время эта вѣтвь желѣзной дороги, принявшая нѣсколько другое направленіе, подъ названіемъ Рыбинско-Осеченской, уже строится.

31. Великій Новгородъ.

«Померкла слава твоя, градъ великій, и великолѣпіе твое исчезло навѣки, стало баснею народною. Напрасно любопытный странникъ, среди печальныхъ развалинъ, захочетъ искать того мѣста, гдѣ соби-
ралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярослава, — никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: «Здѣсь былъ Новгородъ!»

Кларамзинъ.

Съ Именемъ Великаго-Новгорода соединяется исторія обширнаго сѣвернаго края Руси, то въ связи съ образова-

ніемъ государства, то въ значеніи самостоятельной области, которая пользовалась почти полными правами внутренняго распорядка и стояла въ особыхъ, независимыхъ отношеніяхъ къ остальнымъ областямъ Россіи, въ отношеніяхъ, успѣшно сохраняемыхъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Имя Новгорода встрѣчается на первыхъ страницахъ бытописанія сѣверной Руси; съ его основаніемъ соединяются первые успѣхи колонизаціи славянъ въ сѣверномъ краѣ государства, далеко внесшей съ собою свѣтъ вѣры христіанской, развитіе промышленности и торговли. Кромѣ того Новгородъ долгое время служитъ торговымъ рынкомъ, связывающимъ Русь съ Западною Европою.

Такое обширное значеніе Новгорода, возвысившагося изъ незначительной колоніи славянъ до могущественной метрополіи «*Господина и Государа Великаго Новгорода*,» объясняется прежде всего выгоднымъ его положеніемъ. Пространство, которое занимали новгородскія владѣнія, принадлежатъ къ области озерной, которая въ IX вѣкѣ была крайнею границею колонизаціи славянъ на сѣверѣ. Въ самой срединѣ этой области лежитъ озеро Ильмень, принимающее въ себя со всѣхъ сторонъ довольно значительные водные пути, каковы: рѣки Шелонь, Ловать и Волховъ. Тутъ же берутъ начало притоки Волги: Мста, Молога и Шексна. Такимъ образомъ, озерная область могла легко сообщаться какъ съ землями, прилегавшими къ берегамъ Финскаго залива, такъ и съ землями, лежащими по Волгѣ и ея притокамъ. Изъ оз. же Ладожскаго, по р. Свири и по Онежскому озеру, новгородцамъ былъ открытъ путь въ Занежье, въ землю кореловъ и далѣе на сѣверъ, въ предѣлы нынѣшней Архангельской губерніи. Не мало значенію Новгорода способствовало также и то, что онъ приходился въ сѣверной части великаго воднаго пути «*изъ Варягъ въ Греки*» т. е. изъ Балтійскаго моря или вообще изъ Западной Европы въ Черное или въ Византію, въ то время самую образованную страну на востокѣ. По этому пути издавна

двигались сѣверныя дружины на югъ Европы, и совершались древнія торговыя сношенія.

Побережье озера Ильменя было издавна заселено первобытными жителями сѣверной Европы, финнами и чудью. Утѣсняемые другими народами въ южной Европѣ, народы обширнаго славянскаго племени перешли на берега Западной Двины и Днѣпра, и отсюда заселили различныя мѣста нынѣшняго государства россійскаго. Нѣкоторые изъ нихъ двинулись къ сѣверу, пробираясь на озера Чудское и Ильмень. Превосходя образованіемъ финскихъ дикарей, ильменьскіе переселенцы легко подчинили ихъ своему вліянію и основали при истокѣ р. Волхова изъ оз. Ильменя свою колонію, которая сдѣлалась средоточіемъ поселеній сѣверныхъ славянъ. Утративъ свое первоначальное имя, они назывались новгородцами. Когда совершилось переселеніе славянъ на Ильмень, неизвѣстно. Первое извѣстіе нашихъ лѣтописей является не ранѣе IX столѣтія, когда лѣтописецъ повѣствуетъ, что на новгородскія области нападали отважные завоеватели — варяги, приплывавшіе изъ-за Балтійскаго моря и облагавшіе новгородцевъ данью. Полагаютъ, что первоначальное населеніе славянъ было на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ бѣдное рыбацкое селеніе, называемое *Городище* (въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода,) многократно упоминаемое въ нашихъ лѣтописяхъ почти до конца XIII вѣка. Мѣсто это, будучи окружено съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой топкими болотами, могло служить въ IX вѣкѣ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ нападений. Городище, такимъ образомъ, имѣло видъ острова, въ окружности не болѣе 1¹/₂ версты, особенно при разлитіи весенней воды. По этому понятно, что съ увеличеніемъ населенія жителямъ Городища становилось тѣсно, и они должны были искать другаго мѣста, болѣе удобнаго. Это, будто бы, обстоятельство вызвало потребность построить другой городъ, который, въ отличіе отъ стараго города (*городища*.) названъ *новымъ городомъ*, или *Новгородомъ*. По преданію, въ городищѣ жилъ Рюрикъ, и мѣсто это, находящееся вблизи Юрь-

ева монастыря, понынѣ называется *Князево*. Тамъ былъ и холмъ, на которомъ стояло требище Перуна, гдѣ нынѣ перковь и скитъ, принадлежащіе Юрьевскому монастырю. Какъ бы то ни было, время основанія Новгорода въ точности едвали можетъ быть опредѣлено. Впрочемъ, доказываютъ, что онъ положительно основанъ Рюриковъ, и ссылаются при этомъ на варианты лѣтописей, гдѣ говорится: «и *приидоша* (3 брата) *къ Словеномъ, первѣе срубиша* (862 г.) *городъ Ладозу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ..... и прія* (по смерти братьевъ, въ 864 г.) *Рюрикъ власть всю единъ и пришедъ къ Ильмену, и сруби городъ подъ Волховымъ и прозваша ѿ Новъ-городъ.»*

Преемникъ Рюрика Олегъ, пользуясь великимъ воднымъ путемъ, двинулся на югъ и перенесъ свою резиденцію въ Кіевъ, гдѣ жили славяне земледѣльцы — въ противоположность новгородскимъ — торговымъ. Кіевъ сдѣлался первопрестольнымъ городомъ *Русской земли*, а Новгородъ назвался *землею Новгородскою*. Такъ древнее сѣверное заселеніе славянъ, послуживъ основаніемъ Русскому государству, образовало отдѣльную, сильную городскую общину Новгородскую.

Географическое положеніе Новгородской земли давало возможность ея жителямъ совершать безпрестанныя плаванія во всѣ стороны. Характеръ этихъ плаваній былъ преимущественно торговый. На дальній сѣверо-востокъ они плавали потому, что ихъ тянули туда торговые интересы; ибо самые выгодные предметы торговли Новгорода съ европейскимъ Западомъ были произведенія звѣроловства и въ особенности мѣха. Но были путешествія новгородцевъ и съ другою цѣлью. Новгородскіе удалъцы, нетерпѣвшіе стѣсненія своего произвола, искали раздолья, простора, подвиговъ вдали отъ Земли Новгородской. Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ составились шайки *ушкуйниковъ* (отъ слова *ушкуй* — лодка особой постройки.) Они ѣздили, главнымъ образомъ, по Волгѣ, грабили и жгли по дорогѣ и наводили страхъ на востокъ нынѣшней Россіи. Слѣдствіемъ путеше-

ствій новгородцевъ было то, что вездѣ строились новгородскія селенія, и владѣнія Новгорода расширялись все болѣе и болѣе. Въ XIV вѣкѣ они уже занимали нынѣшнія губерніи: Новгородскую, Псковскую, С.-Петербургскую, болѣе или менѣе значительную часть Тверской и большія части Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и часть Пермской.

Основаніе власти и силы составлялъ городъ Новгородъ. Ему подчинялись всѣ другіе города, управляемые намѣстниками, опредѣляемыми Новгородомъ. Всѣ жители Новгорода, хотя и переселившіеся въ другой городъ или область, считались вольными людьми Новгорода, равными другъ другу, съ одинакими правами на участіе въ дѣлахъ государственныхъ, владѣніе имѣніемъ и господство надъ землями и народами, покоренными Новгородомъ.

Вся автономія Великаго Новгорода опиралась на *вѣче*—народное собраніе. По старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче, въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ. Подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище, законное-правосознательное и незаконное-мятежное. При такой неопредѣленности значенія слова вѣче, существовало однако въ Новгородѣ большое вѣче, т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго Новгорода. Созвать вѣче—значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой колоколъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, что созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно, имѣеть и поводы и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными зем-

лами, объявляло войны, заключало миръ, призывало на княженіе князей, избирало владыкъ; дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны; уступало въ собственность или кормленіе зѣмли; опредѣляло торговыя права и качество монеты; иногда ставило міромъ церкви и монастыри; устанавливало правила и законы: было, такимъ образомъ, законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Всѣ граждане, не только одного Новгорода, но и всей Новгородской земли, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣче дѣятельными членами. Обыкновенно большое вѣче собиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворницѣ, гдѣ стояла вѣчевая башня, съ возвышеніемъ со ступенями. Это возвышеніе служило трибуною; съ него говорили къ народу. На башнѣ висѣлъ колоколь, звонъ котораго имѣлъ, вѣроятно, что-нибудь особенное, почему его можно было узнать среди множества колоколовъ. Въ вѣчевой башнѣ помѣщалась вѣчевая изба, т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту.

Ежегодно вѣче избирало *посадника* или правителя Новгорода (бургмейстера.) Ему вручали печать и власть. Онъ управлялъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами, распоряжалъ жизнью и смертью гражданъ, съ отвѣтственностью за злоупотребленіе власти передъ вѣчемъ и заключалъ договоры отъ имени Новгорода. Помощниками ему были младшіе посадники, тысяцкіе, сотскіе, старосты, тиуны и совѣтъ людей степенныхъ или отличенныхъ богатствомъ и заслугою.

Духовное управленіе ввѣрялось владыкѣ, независимо правившему церковью, кромѣ того, что онъ былъ главнымъ совѣтникомъ посадника и засѣдалъ на вѣчѣ, какъ верховный пастырь. Онъ поставлялъ и смѣнялъ епископовъ и всѣхъ другихъ духовныхъ особъ.

Новгородъ имѣлъ постоянныя воинскія дружины, отчасти

изъ новгородцевъ, отчасти наемныя. По опредѣленію вѣча, всѣ новгородцы, кто былъ въ силахъ, принимались за оружіе. Предводителями войска въ походѣ были посадники и *Князь Новгородскій*, избираемый вѣчемъ, не изъ новгородцевъ, но изъ знаменитыхъ, русскихъ княжескихъ родовъ. Онъ занималъ первое мѣсто на вѣчѣ, жилъ въ особенномъ дворцѣ, имѣлъ почетную стражу, особенные доходы; но общественная власть его была весьма ограничена, и вѣче могло смѣнить его и даже удалить изъ Новгорода. Подобныя смѣны и удаленія князей были въ Новгородѣ нерѣдки. Призваніе и пріемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловать крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода, — только долженъ былъ явиться на вѣчѣ и сложить съ себя цѣлованье.

Упомянувъ выше о первомъ поселеніи славянъ на *городищѣ* и потомъ объ основаніи Новгорода, сообщимъ здѣсь нѣкоторыя сохранившіяся подробности объ его внутреннемъ расположеніи.

Городъ Великій-Новгородъ или *посадъ Новгородскій*, расположенный по теченію р. Волхова, въ двухъ верстахъ отъ его истока изъ озера Ильменя, посреди болотистой равнины, на небольшомъ возвышеніи, раздѣлялся на двѣ половины или стороны: *Торговую* на восточномъ и *Софійскую* на западномъ берегу Волхова. Первая имѣла также названіе *Купецкой*, потому что тамъ сосредоточивалась торговля; вторая называлась еще *Владычней*, ибо тамъ жилъ новгородскій владыка. Центромъ города былъ *дѣтинецъ* или собственно *градъ*, на Софійской сторонѣ. Это было просторное мѣсто, обнесенное стѣною съ башнями и воротами. Внутри находилась патрональная церковь *Св. Софїи премудрости Божїей* и дворъ владыки. Кромѣ того было тамъ

еще нѣсколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами. Дѣтинець новгородскій былъ обширнѣйшій между подобными срединными укрѣпленіями русскихъ городовъ. Дѣтинець былъ сначала деревянный и русскіе, живя просторно на посадкахъ, при городахъ и застѣнкахъ (т. е. за стѣнами города) въ дѣтинцѣ селились только въ случаѣ вѣшней опасности, не боясь тѣсноты, которая и была причиною сильныхъ пожаровъ. Въ 1049 году деревянный дѣтинець сгорѣлъ. О заложениі каменнаго города въ лѣтописяхъ говорится въ первый разъ въ 1032 году. На воротахъ дѣтинца, въ каменныхъ башняхъ устраивались церкви. Обычай этотъ совпадалъ съ понятіемъ о важности и святинѣ города. Городъ—мѣсто защиты противъ враговъ, долженъ быть всегда готовъ на отраженіе нападений и нуждался въ Божьей помощи. Церкви на входахъ какъ-бы осыняли его небесной благодатью. Городъ былъ мѣстопребываніемъ владыки и духовнаго управленія всей Новгородской Земли; городъ былъ глава земли; его первоначальное значеніе было то, что въ немъ должны укрываться жители въ случаѣ неприятельскаго нашествія; городъ былъ мѣстомъ верховнаго суда и храненія казны Великаго-Новгорода; все это вмѣстѣ давало особенную важность и требовало помощи и благословенія свыше дѣтинцу, называемому часто просто городомъ.

За предѣлами дѣтинца простирался городъ Новгородъ — городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, раздѣленный на *концы*. На Софійской сторонѣ полукружіемъ около дѣтинца располагались три конца: *Людинъ* или *Гончарскій*, *Загородный* и *Неревскій*. На торговой сторонѣ было два конца: *Словенскій* и *Плотницкій*. Названія концовъ указываютъ нѣсколько на древнюю исторію города. Такъ Словенскій, вѣроятно, былъ древнимъ мѣстомъ поселенія славянъ или менскихъ. Названія Гончарскій и Плотницкій указываютъ на древнія занятія жителей гончарнымъ и плотничнымъ ремеслами. Другое названіе Гончарскаго конца — Людинъ, должно, повидимому, происходить отъ сословія людей или

людиновъ, въ противоположность боярамъ и княжеской дружинѣ. Въ дѣтинцахъ или *градахъ* русскихъ обыкновенно помѣщались князья, бояре и дружина — военная сила; у стѣнъ града располагался посадъ, гдѣ жили невходившіе въ число бояръ и дружины и носившіе общее названіе людей или людиновъ. Такъ было вѣроятно и въ Новгородѣ: и Людинъ конецъ былъ посадомъ, въ древности примыкавшимъ къ дѣтинцу. Названіе Загороднаго конца показываетъ, что эта часть вошла въ составъ Новгорода позже остальныхъ и нѣкогда существовала, не составляя отдѣла города. Нѣкоторыя названія улицъ также указываютъ на ихъ древнее историческое значеніе. Такъ Волосова улица въ Людинъ концѣ напоминаетъ древнее божество Волоса, которому, вѣроятно, здѣсь въ языческія времена происходило поклоненіе и гдѣ впоследствии поставили церковь Св. Власія, по созвучію имени этого святаго съ именемъ языческаго божества. Варяжская, иначе Варецкая улица въ Словенскомъ концѣ названа такъ отъ близости Варяжскаго (Нѣмецкаго двора,) отъ построенной на ней римско-католической церкви и, вѣроятно, отъ того, что тамъ жили иноземцы, которыхъ въ Новгородѣ называли общимъ именемъ варяговъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Прусская улица въ Загородномъ концѣ, простиравшаяся отъ прусскихъ воротъ дѣтинца до прусскихъ воротъ во внѣшнемъ валѣ. Эта улица была мѣстомъ жительства бояръ, стояла какъ-то особнякомъ въ исторіи города, и нерѣдко на нее обращалась вражда черни изъ всего города. Названіе Пруссы, которое давалось постоянно обитателямъ этой улицы, само-собою указываетъ на ихъ первоначальное происхожденіе. Тамъ-то вѣроятно поселились первые пришельцы прусско-варяжскаго племени, явившіеся вмѣстѣ съ князьями, и къ нимъ-то должны относиться слова летописца о новгородцахъ изъ рода Варяжскаго, принесшихъ въ Новгородъ названіе Руси «отъ Варягъ бо прозвашася Русью.» Ихъ потомки, ослабяившись, продолжали, однакожъ, долго сознать свое особое происхожденіе, носить

племенное названіе своихъ предковъ, составлять въ извѣстной степени самобытную корпорацію въ отношеніи другихъ частей города и предковской памяти, проявлять аристократическія наклонности, вызывавшія, естественно, столкновенія съ массою прочаго населенія.

Тотъ отличительный характеръ соединенія русскихъ земель въ удѣльно-вѣчевой системѣ, которыя слагались на правахъ собственной самобытности, но въ связи съ другими землями, отпечатлѣлся рѣзкими чертами на составѣ Великаго-Новгорода. Каждый конецъ въ Новгородѣ, какъ каждая земля въ удѣльно-вѣчевой федераціи, составлялъ самъ по себѣ цѣлое; жители назывались *кончане*; въ общественныхъ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, каждый конецъ выражалъ себя своей корпораціей; во время переговоровъ съ чужеземцами, посылалъ отъ себя депутатовъ, слѣдовательно въ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, изъявлялъ свое участіе какъ часть, сознающая свое отдѣльное существованіе; внутри имѣлъ свое управленіе, свое дѣлопроизводство, свои собранія. Не только конецъ, но и улица, составляя часть конца, имѣла значеніе самобытной корпораціи. Жители улицъ носили названіе *уличанъ*, имѣли свое управленіе, выбирали своихъ уличныхъ старостъ и являлись въ общественныхъ дѣлахъ, какъ члены сознательно признаваемого общества. Такимъ образомъ нѣсколько улицъ, будучи каждая въ отношеніи къ другимъ до извѣстной степени самобытнымъ тѣломъ, всѣ вмѣстѣ составляли конецъ, а всѣ вмѣстѣ концы — составляли Великій-Новгородъ.

Торговая сторона, будучи, какъ показываетъ ея названіе, мѣстомъ торговли, была въ то же время мѣстомъ народоправленія. Въ Словенскомъ концѣ былъ торгъ—средоточіе торговыхъ оборотовъ, и въ немъ же мѣсто, называемое Ярославовымъ дворцемъ (т. е. мѣстомъ, гдѣ нѣкогда существовалъ Ярославовъ дворъ.) Здѣсь въ разныя времена построено было значительное количество церквей, и между ними стояла вѣчевая башня; на ней висѣлъ вѣче-

вой колоколь, созывавшій народъ для совѣщанія. Здѣсь собиралось вѣче на широкомъ майданѣ, вплоть до берега. Въ окрестностяхъ этого мѣста были расположены иностранные торговые дворы. Такимъ образомъ, Словенскій конецъ, будучи гнѣздомъ славянскаго элемента въ Новгородѣ, былъ до послѣднихъ дней центромъ вѣчевой и торговой жизни. Изъ Словенскаго конца отъ вѣча шель черезъ Волховъ, прямо въ Людинъ конецъ, мостъ, уставленный разными торговыми помѣщеніями.

Весь этотъ городъ изъ пяти концовъ былъ окруженъ землянымъ валомъ, а за нимъ рвомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на валу сдѣланы были каменные башни или костры. По всей линіи, сверху вала, поставленъ былъ деревянный частоколь, называвшійся *острогомъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, внѣшняя сторона вала была окаймлена болотами, озерами, ручьями и протоками. Но этотъ внѣшній валъ, который, какъ мы сказали, огибалъ весь Новгородъ, т. е. дѣтинецъ, также валомъ и пять концовъ, не оставлялъ послѣдней границы городскихъ построекъ. За валомъ, на значительное пространство, во всѣ стороны, простирались посады, принадлежавшіе къ монастырямъ, построеннымъ около Новгорода въ большомъ количествѣ. Они считались не въ Новгородской землѣ, а въ самомъ Новгородѣ. Определить съ точностью черту этого собственно городского пространства — невозможно. Окрестности Новгорода болотисты и въ сильные разливы покрывались водою, исключая высокихъ мѣстъ, гдѣ нынѣ стоятъ монастыри. Вѣроятно, посады строились на этихъ болѣе удобныхъ мѣстахъ. Посады съ дворами, разсѣянные тамъ-и-сямъ, съ огородами и садами при дворахъ, придавали Новгороду видъ огромнѣйшаго города, котораго части были въ разныхъ направленіяхъ разрѣзаны между собою пустыми мѣстами, протоками, рощами, а во время сильной весенней половоди казались выходящими изъ широкаго озера.

Какъ городъ Новгородъ дѣлился на пять концовъ, такъ новгородскія владѣнія дѣлились на пять частей, называв-

шихся *пятинами*, установленіе которыхъ относится ко временамъ глубокой древности. Пятины были слѣдующія: *Вотская* съ городами: Ладога, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ,) Корела (Кексгольмъ); *Шелонская* съ городами: Старая-Русса, Порховъ, Иванъ-городъ, *Деревская*: Курскъ, Холмъ; *Обонежская* и *Бѣжецкая*, гдѣ городовъ не было. Всѣ названные города, въ отношеніи къ Новгороду, назывались *пригородами*.

Какъ извѣстно, черезъ Россію лежалъ великій торговый путь изъ Скандинавіи въ Византію. По этому пути Скандинавія получала произведенія Востока и произведенія Греціи. Кромѣ того нѣтъ сомнѣнія, что древніе славянскіе прибалтійскіе города вели торговлю съ Россіею; послѣ паденія славянскихъ городовъ, возникли на южномъ побережьи Балтійскаго моря нѣмецкіе, которые получили отъ нихъ преемственно эту торговлю. Центромъ торговой дѣятельности въ XII вѣкѣ на всемъ балтійскомъ бассейнѣ былъ на островѣ Готландъ городъ Висби. Важнѣйшій источникъ его обогащенія была торговля съ Восточною Европою. Туземнымъ центромъ этой торговли, за предѣлами германскаго мира, былъ Новгородъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы посѣщали Готландъ и проживали тамъ для торговыхъ операцій, а готландцы жили въ Новгородѣ и имѣли здѣсь свою факторію, Готскій дворъ. О многочисленности тѣхъ и другихъ можно судить потому, что на Готландѣ существовала русская церковь, а въ Новгородѣ была варяжская. Торговья сношенія Новгорода въ XII вѣкѣ не ограничивались Готландомъ, но велись также съ южнобалтійскими нѣмецкими городами. Новгородцы посѣщали эти города и проживали тамъ, напр. въ Любекѣ. Вскорѣ нѣмцы вступили въ готландскую корпорацію, мало-по-малу стали брать первенство надъ туземцами и, наконецъ, совершенно ихъ вытѣснили. Разомъ съ этимъ и прибалтійская торготорговля Новгорода перешла въ руки нѣмцевъ, и въ Новгородѣ возникъ другой торговый дворъ, рядомъ съ Готскимъ—Нѣмецкій. Но въ исходѣ XII вѣка въ системѣ тор-

говыхъ отношеній совершился переворотъ: въ XII вѣкѣ безпорядки въ Германіи, вредные для торговли, побудили городъ для своей безопасности соединиться въ союзъ. Такъ образовалась *нѣмецкая ганза*. Городъ Любекъ быстро возвысился и сталъ во главѣ союза; нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ подчинился Любеку. Такимъ образомъ здѣсь началось соперничество двухъ торговыхъ дворовъ, и въ XIV вѣкѣ Готскій дворъ находился уже въ подчиненіи у Нѣмецкаго, т. е. сталъ въ полную зависимость отъ ганзы. Готскій или Готландскій дворъ былъ уже не особое торговое учрежденіе, а только зданіе, принадлежащее Нѣмецкому двору.

Нѣмцы старались держаться въ Новгородѣ особою колонию, которая управлялась собственными правилами. Внутреннія дѣла Нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства. Нѣмцы могли свободно пріѣзжать въ Новгородъ и проживать въ своемъ Нѣмецкомъ дворѣ на извѣстныхъ для нихъ условіяхъ: Новгороду до этого не было дѣла. Новгородъ обязывался принимать подъ свою отвѣтственность иноземныхъ купцовъ, когдѣ скоро они достигали острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской Земли. Доплывши до Котлина, иноземцы посылали передовыхъ до устья Невы и давали о себѣ знать. Тогда Великій-Новгородъ высылалъ пристава и отряжалъ купцовъ для принятія гостей, — они провожали ихъ до самаго Новгорода. Новгородъ ручался за безопасность гостей, но избавлялся отъ всякой отвѣтственности, если они не дали о себѣ знать и не просили содѣйствія новгородскаго правительства. Приставая къ берегу въ Новгородѣ, они платили незначительную пошлину, болѣе какъ благодарность за содѣйствіе къ благополучному прибытію судна. Иноземцамъ предоставлялась свободная торговля не только въ городѣ, но и по всей Новгородской Землѣ: позволялось торговать и съ иностранцами въ Ижорѣ и Корелѣ; но Великій-Новгородъ не при-

нималъ на себя отвѣтственности, если бы что-нибудь дурное случилось въ путешествіи съ иноземнымъ торговцемъ.

Внутренній бытъ и управленіе Нѣмецкаго двора опредѣлялось правилами, утвержденными отъ Ганзейскаго союза. Эти правила назывались *Скры* и были прибиты въ нѣмецкихъ дворахъ для всеобщаго свѣдѣнія. Духъ корпораціи, общій въ то время въ торговомъ мірѣ, какъ по трудности дѣйствовать единично, такъ и по причинѣ путевыхъ опасностей, требовавшихъ взаимнаго содѣйствія къ ихъ преодолѣнію, составлялъ главную черту нѣмецкой корпораціи въ Новгородѣ. Иноземцы прибывали въ Новгородъ артелями или «адмиралтействами,» которыя имѣли до нѣкоторой степени свою самостоятельность, и всѣ вмѣстѣ, по отношенію къ двору или факторіи, составляли цѣлое. Устройство Нѣмецкаго двора носило подобіе дорожной компаніи, и должностныя лица выбирались каждый разъ путешественниками, пріѣзжавшими только на время въ Новгородъ. Постоянныхъ иностранныхъ торговцевъ—жильцовъ въ Новгородѣ не было, его только посѣщали. Время пребыванія иноземныхъ купцовъ въ Новгородѣ было ограничено: лѣтніе (водопутные) жили до послѣдней навигаціи, зимніе (сухопутные)—до послѣдняго зимняго пути.

Всѣ проживавшіе въ Нѣмецкомъ дворѣ имѣли сословное дѣленіе на мейстеровъ, кнехтовъ и учениговъ. Мейстеры были хозяева; прибывавшіе на ихъ счетъ кнехты — ихъ прибащики или подручники. Мейстеры составляли совѣтъ, дѣйствовавшій сначала независимо, а потомъ подчинившійся ганзеатическому собранію. Ганзеатическое собраніе избирало альдермана двора, главнаго чиновника. Альдерманъ двора имѣлъ право суда и даже право казнить смертію, былъ блюститель порядка, велъ сношенія съ начальствомъ ганзейскаго союза и съ русскими; отпускалъ купцовъ, позволялъ и запрещалъ ввозъ и покупку товаровъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ все правленіе; власть его была почти деспотическая, такъ-что остальные должностныя лица были въ сущности его подручники. Кромѣ альдермана двора, бы-

ло еще два альдермана Св. Петра. На нихъ лежала экономическая часть и отчасти полицейская, потому что они смотрѣли за соблюденіемъ правилъ. Всѣ должностныя лица были выборныя, и никто не могъ отказываться отъ возлагаемой на него должности. Къ должностнымъ лицамъ принадлежалъ также священникъ: подобно альдерманамъ, онъ не былъ постояннымъ жильцомъ Нѣмецкаго двора, а прѣзжалъ и уѣзжалъ съ лѣтнею или зимнею компаніею. По малограмотности нѣмецкихъ купцовъ, священникъ исправлялъ должность секретаря.

Все купечество раздѣлялось на коллегіи или артели. Каждая артель помѣщалась въ особомъ отдѣленіи: онѣ назывались «дортсы.» Дортсы эти были внутри двора, двухъ-этажные дома, на подклѣтияхъ. Артель выбирала себѣ хозяина, завѣдывавшаго всею механизмомъ обыденной жизни. Кромѣ дортсовъ были еще во дворѣ другія зданія: клѣти, больница, пивоварня, мельница и церковь. Товары лежали въ клѣтияхъ, которыхъ было четыре. Церковь была сдѣлана на подвалѣ, гдѣ хранились товары; но нѣкоторые, по тѣснотѣ, были въ самой церкви, такъ что рядомъ съ алтаремъ стояли бочки вина; здѣсь же висѣли вѣсы; по стѣнамъ вѣшали тюки съ товаромъ; только на алтарь, подъ страхомъ наказанія, не было позволено класть товаровъ. То, что помѣщалось ни въ клѣти, ни въ церкви, хранилось въ особомъ магазинѣ. Каждый тюкъ или бочка должны были носить на себѣ значекъ хозяина, чтобы не перемѣшать товаровъ по ихъ принадлежности, и тотъ, кто нарушалъ это правило, подвергался пени. Такимъ образомъ Нѣмецкій дворъ составлялъ кучу отдѣльныхъ строеній, обнесенныхъ толстымъ заборомъ. Ворота вечеромъ наглухо запирались, а по двору спускались большія цѣпныя собаки.

Всѣ льготы и привилегіи, которыми новгородцы щедро надѣляли своихъ гостей—купцовъ нѣмецкихъ, наконецъ вѣковое ихъ торговое знакомство не произвели нравственнаго соединенія между туземцами и гостями. Контора нѣмец-

кая запрещала даже отдѣльнымъ членамъ своей общины вступать съ русскими въ торговое общество и давать имъ въ кредитъ товары и даже деньги. Сближеніе съ русскими дозволялось на столько, на сколько это могло быть полезно для общества. Такимъ образомъ контора сознавала необходимость знанія русскаго языка, и держала у себя переводчиковъ; для этой цѣли ихъ съ дѣтства отдавали учиться къ русскимъ людямъ. Удаляя всякую конкуренцію, община располагала цѣнами товаровъ, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ по своему произволу и потому продавала нѣмецкіе товары какъ можно дороже, русскіе — какъ можно дешевле. Чтобъ удерживать постоянно дорогія цѣны на свои товары, запрещалось въ разныя времена торговцамъ привозить отдѣльно товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы такимъ образомъ не было большаго изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ. Нѣмцы назначали цѣны русскимъ товарамъ сами: изъ русскихъ всегда были такіе, которые не могли упрямиться и выжидать, а должны были продавать потомъ, почему имъ даютъ, и такимъ образомъ низкія цѣны утвердились. Тѣ, которые хотя бы и не хотѣли продавать своихъ товаровъ по такимъ цѣнамъ, рано или поздно были къ этому принуждены: продать было некому, кромѣ нѣмецкаго двора. А какъ сырые продукты доставлялись купцамъ отъ сельскаго и рабочаго люда, мелкихъ торговцевъ, то богатые купцы должны были давать производителямъ и первоначальнымъ покупателямъ дешево. Такимъ образомъ, производительность края вознаграждалась слишкомъ скупю, а покупка чужихъ товаровъ обходилась, въ сравненіи съ своими средствами, слишкомъ дорого. Новгородская торговля была болѣе выгодна для нѣмцевъ, чѣмъ для благоденствія туземнаго края. Итакъ, не смотря на продолжительную торговлю, богатства края не увеличивались. Новгородская волость служила предметомъ эксплуатаціи для нѣмцевъ. Нѣмцы запрещали своимъ членамъ показывать русскимъ какую-нибудь технику, чтобы они не переняли чего-нибудь и не пустились сами на фаб-

ричное производство. Черезъ это ослабилосъ бы вліяніе иноземцевъ и перевѣсъ иноземныхъ гостей передъ туземцами. Въ торговыхъ сдѣлкахъ господствовало недовѣріе: нѣмцы часто обвиняли русскихъ въ недобросовѣстности и обманахъ. Словомъ, во всей торговлѣ имѣлись въ виду исключительно выгоды своего общества; поэтому новгородская контора старалась также вытѣснить всякое совмѣстничество другихъ иностранцевъ въ Новгородѣ. Не смотря, однако, на всѣ ея старанія, она не могла достигъ этого вполне, и въ Новгородъ пріѣзжали также фландрійцы и ломбардцы.

Изъ привозимыхъ нѣмецкими купцами товаровъ, болѣе всего въ расходъ были сукна разныхъ сортовъ, нидерландскія и вестфальскія полотна. Изъ лучшихъ сортовъ суконъ считались красныя, особенно любимыя русскими. Въ большомъ количествѣ привозили вина и пиво, которое продавали оптомъ, бочками. Вино было однимъ изъ главныхъ предметовъ и между прочимъ сладкое вино, тѣмъ болѣе, что Новгородъ снабжалъ имъ весь русскій міръ для церковныхъ службъ. Привозили металлическія вещи, наприкладъ, нѣмецкія иголки и металлы въ кускахъ: олово изъ Швеціи, изъ Богеміи желѣзо, свинецъ изъ Испаніи, шелкъ, пергаментъ, котораго расходилось очень большое количество, впоследствии писчую бумагу, стекло, копченое мясо, сушеную рыбу и хлѣбъ, въ случаѣ голода въ Новгородѣ или войнъ съ восточною Русью, когда нельзя было получать хлѣбъ изъ плодороднѣйшихъ русскихъ странъ. Привозъ металловъ вообще подвергался стѣсненіямъ со стороны сосѣдей. Серебро и золото возить не дозволялось, потому что благородные металлы считались преимущественно признаками богатства. Желаніе же ганзы было таково, чтобы Новгородъ держать побѣднѣе, и принуждать новгородцевъ брать за свои товары не деньгами, а нѣмецкими товарами. Новгородъ этого не понималъ и продавалъ иностранцамъ серебро, получаемое изъ-за Камы.

Уступая перевѣсъ нѣмцамъ въ торговлѣ съ Западомъ, Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю съ осталь-

ною Россією. Вездѣ и во всякое время можно было встрѣтить новгородскихъ купцовъ: одни направляли свою торговую дѣятельность на сѣверъ, въ Корелу, на Онегу и назывались обонежскими купцами. Другіе ѣздили на Двину и въ Пермь, третьи торговали въ Суздаль и Владимірѣ. Расширяя кругъ торговыхъ занятій на востокъ, новгородцы плавали по Волгѣ и составляли компанію подъ именемъ низовскихъ гостей. Поволжье привело новгородцевъ въ соприкосновеніе съ восточнымъ міромъ. Они вели торговлю съ хивинскими и персидскими купцами, получая восточныя произведенія, и передавали ихъ на Западъ.

Изъ товаровъ, которые Новгородъ получалъ изъ внутри материка, первое мѣсто занимаютъ мѣха и шкуры, и этотъ предметъ составлялъ главнѣйшее богатство Новгорода. Въ средніе вѣка мѣха повсемѣстно составляли щегольсто нарядовъ, и Новгородъ былъ, такимъ образомъ, поставщикомъ этого товара на цѣлую Европу. Мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ. Давьщики отправлялись туда отъ правительства, собирали съ подвластныхъ инородцевъ мѣха и доставляли ихъ въ новгородскую казну. Кромѣ мѣховъ, съ сѣвера новгородцы получали китовое и моржевое сало, морскихъ птицъ, а на берегахъ Ваги производили деготь и поташъ. Изъ Перми и Югры новгородцы получали серебро, которое, вѣроятно, доставалось изъ сибирскихъ рудниковъ, обрабатываемыхъ издавна на берегахъ Енисея, по изысканіямъ Палласа. Большія выгоды отъ добычи мѣховъ должны были побуждать торговцевъ поселяться по близости къ сѣверо-восточнымъ странамъ, и такимъ способомъ образовалось свое мѣстное купечество на Двинѣ и Заволочьѣ.

Кромѣ этихъ товаровъ вывозными статьями служили кожи, ленъ, конопля и воскъ. Кожи посылались за границу не только сырыя, но и обдѣланныя: юфть, сколько извѣстно, единственный фабричный товаръ, выпускаемый изъ русскаго міра. Ленъ и коноплю новгородцы частію получали

изъ своихъ владѣній, а также покупали въ Восточной Россіи. Воскъ, получаемый изъ странъ приволжскихъ, отправлялся за границу въ большомъ количествѣ; католическая набожность дѣлала этотъ матеріалъ предметомъ первой необходимости. Изъ предметовъ торговли, потребляемыхъ собственно внутри Россіи, первое мѣсто занимали хлѣбъ и рыба. Новгородская Земля не могла производить хлѣба достаточно для внутренняго потребленія и получала его изъ болѣе плодородныхъ краевъ Россіи. Сначала хлѣбъ получался изъ Приднѣпровья, а потомъ, послѣ его разоренія— изъ Приволжья. Рыбная торговля была весьма значительною въ Новгородѣ. Обычай хранить носты поддерживалъ эту торговлю; купцы нанимали рыболововъ, доставлявшихъ имъ рыбу, и возили ее на продажу въ города. Памятью о значительности рыбной торговли служатъ пѣсни о Садкѣ, богатомъ гостѣ, который свое баснословное богатство приобрѣлъ рыбными промыслами.

Купцы новгородскіе, въ торговомъ отношеніи, составляли компаніи или артели, сообразно или направленію своей торговли, напр., купцы заморскіе, купцы низовскіе,—или же по предметамъ торговли, напр., купцы—прасолы, т. е. торгующіе съѣстнымъ товаромъ, купцы—суконники, торгующіе сукнами, рыбники, хлѣбники и проч. Соединяясь между собою въ торговое товарищество, они принимали покровительство какой нибудь церкви и святаго патрона. Каждый членъ компаніи, вступая въ нее, обязанъ былъ давать вкладъ въ пользу своего товарищества и сверхъ того на церковь патрона. Это дѣлалось одинъ разъ и называлось *вложенье въ купечество*. Купецъ, сдѣлавшись такимъ образомъ членомъ товарищества, назывался, по отношенію къ этому товариществу, *пошлый купецъ* и оставался имъ до смерти;—дѣти его уже сами собою, безъ собственнаго личнаго вклада, были, какъ родители, членами товарищества. Это артельное устройство торговли, вѣроятно, имѣло вліяніе на то, что въ Новгородѣ торговый механизмъ носилъ особый отпечатокъ, отличный, напримѣръ, отъ московскаго; въ

Новгородъ не было рядовъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Москвѣ. Хотя въ Новгородѣ въ XVI вѣкѣ и были заведены торговые ряды по московски; но все-таки еще оставались и гостинные дворы, сохранившіе много особенностей, по которымъ можно нѣсколько угадывать старину. Это длинныя зданія съ отдѣленіями внутри, называемыми амбарами и лавками. Амбары были отдѣленія просторныя; тамъ помещалось нѣсколько пріѣзжихъ торговцевъ со своими товарами; лавки были маленькія отдѣленія для одного или двухъ: товары лежали въ коробьяхъ и висѣли на жердяхъ. Другіе амбары, обыкновенно внизу подъ описанными выше, назначались для громоздкихъ товаровъ: тамъ кучами лежали соль, сухая рыба, яблоки, шерсть въ рогозинахъ и пошевахъ, и прочая. Товары городскихъ купцовъ хранились въ церковныхъ подвалахъ, въ пристройкахъ около церквей и даже въ самыхъ церквахъ. Въ старину хозяева пріобрѣтали въ домъ необходимое въ большихъ запасахъ на продолжительное время; не было такихъ каждодневныхъ потребностей, какъ теперь; не было нужды устроить и мелочныхъ лавокъ; торговля не дробилась такъ, какъ теперь. Если кому нужно сдѣлать покупку, онъ отправлялся прямо къ купцу въ домъ; купецъ доставалъ ему товаръ или изъ своей домашней клѣтки, или шёлъ въ церковь и оттуда бралъ его. Нужды были не сложны, а роскошь обращалась къ немногимъ предметамъ, на примѣръ, посудѣ, платью; потребности комфорта не измѣнялись быстро и часто: то, что годилось отцу, годилось и сыну. Поэтому покупки большею частью были оптовые. Хозяинъ скорѣе могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ потребностей, чѣмъ удовлетворять ихъ мелочными покупками. Оттого-то, быть можетъ, и не видно существованія мелочныхъ лавокъ. Понятно, что гостинные дворы были необходимы въ торговомъ городѣ; пріѣзжій находилъ тамъ и пристанище своимъ товарамъ, и себѣ квартиру; а хозяинъ, жившій своимъ домомъ, могъ и торговать у себя въ домѣ, и лавка была у него скорѣе для хранения товара, чѣмъ для продажи. Съѣстные припасы и

разныя мелкія хозяйственныя статьи вседневнаго обихода продавались на торгу обыкновенно съ воевъ и саней, на которыхъ прѣзжали поселяне въ извѣстные недѣльные дни; городскіе прасолы выставляли свои снадобья на столицахъ, скамьяхъ и носильцахъ. Хлѣбы продавали хлѣбники и галачники передъ своими пекарнями. Лѣтомъ съ обѣихъ сторонъ Волхова пригоняли въ городъ къ большому мосту плоты съ разными сельскими произведеніями: тутъ были разнаго рода зерновой хлѣбъ, толокно, сухая рыба, хмѣль, орѣхи, воскъ, медъ, соль, ягоды (особенно клюква и брусника,) зола, солодъ. Торгъ происходилъ на берегу; богатые купцы и хозяева закупали у поселянъ оптомъ и свозили себѣ по дворамъ, иногда же выгружали товары на берегъ, сваливали ихъ у церквей, и тамъ происходила раскупка. Въ ряду пригоняемыхъ по Волхову на продажу предметовъ важное мѣсто занималъ древесный товаръ. Отъ большихъ и частыхъ пожаровъ эта торговля была развита въ Новгородѣ. Приплавляли во множествѣ строевой лѣсъ, доски, брусья, тесъ, дрова, лучину, уголья, мохъ для конопаченья стѣнъ и, наконецъ, готовые срубы для хоромъ, повалушъ, горницъ и клѣтей.

Въ Новгородской землѣ обычнымъ временемъ торговли были ярмарки; ихъ было множество по пригородамъ и погостамъ. Ярмарки отправлялись по поводу праздниковъ и продолжались по недѣлямъ и больше, смотря по важности торговаго пункта, такъ что купцу можно было цѣлый круглый годъ разъѣзжать по ярмаркамъ изъ одной жилой мѣстности въ другую; и это было въ обычаѣ у купцовъ. На такихъ ярмарочныхъ торжищахъ толпились купцы не только новгородскіе и новгородскихъ пригородовъ и волостей, но и другихъ земель: псковичи, москвичи, рязанцы, тверичане, бѣлозерцы, торосчане, смоляне и литвины. Торжища собирались близъ разныхъ монастырей на ихъ храмовые праздники; поѣздки туда совершались вмѣстѣ и для торговли, и на богомолье. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній: туда прѣзжали не только закуп-

щики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупаки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія: — тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками; тамъ скорморохи потѣшали народъ зрѣлищами. Поэтому, кромѣ тѣхъ, которые являлись туда поживиться, были и такіе, которые прѣзжали туда проматывать состояніе, — одни Богу молиться, другіе бѣса тѣшить. Сообщенія происходили по рѣкамъ, и потому торжки заводились въ такихъ мѣстахъ, которыя прилежали къ водному пути. Въ этомъ отношеніи Новгородская волость представляла большія удобства, потому что изъ Новгорода во всѣ стороны развѣтвлялся водяной путь. Переѣзжали съ торжка на торжокъ на учанахъ, ладьяхъ, стругахъ; гребцы стекались толпами на работу къ пристанямъ: этотъ промыселъ питалъ значительную часть чернаго народа. Другіе держали сухопутныя подводы на волокахъ между рѣками. Такимъ образомъ, торговля имѣла странствующій характеръ.

Мѣры и вѣсы въ Новгородской землѣ были своеобразны, и даже послѣ паденія независимости долго оставались особенностями, отличными отъ обычаевъ другихъ земель. Сыпучія тѣла измѣрялись коробьями, которые подраздѣлялись на зобни: каждый коробъ имѣлъ три зобня, зобень два ползобня. Другія болѣе массивныя мѣры сыпучихъ тѣлъ были пузь и пошевъ. Это были глазомѣрныя единицы. Болѣе опредѣленная мѣра была окова, дѣлившаяся на четыре четверти, а каждая четверть вѣсила до $8\frac{1}{2}$ пудовъ. Каждая четверть дѣлилась на двѣ осьмины. Соль продавалась пошевами. Для жидкихъ тѣлъ употреблялись бочки и ведра. Ведро дѣлилось на посадки. Для мѣры суконъ и матерій существовали локти, но эти товары чаще продавались кусками, носившими названіе матеріи; величина была разная. Вѣсъ въ Новгородѣ для тяжелыхъ товаровъ былъ капъ — 12 нынѣшнихъ пудовъ. Другой, болѣе меньшій вѣсъ былъ пудъ. Еще меньшій — гривна или фунтъ. Вѣсы назывались скалвы. Для предотвращенія недоразумѣній, въ Новгородѣ существовали скалвы, утвержденныя правительствомъ. Въ тор-

говлѣ съ нѣмцами въ употребленіи былъ нѣмецкій вѣсъ, который новгородцы неохотно принимали, и если случалось имъ продавать на него свои товары, то оставались въ потерѣ. Мѣры и вѣсы вообще существовали собственно только для предотвращенія споровъ. Обыкновенно торговля въ Новгородѣ рѣдко происходила на вѣсъ и мѣру, а чаще всего на единицы, имѣвшія неопредѣленное значеніе, въ родѣ пуза, пошева, короба, зобня, вѣника—для сѣна и соломы. Когда одинъ покупалъ у другаго, то размышлялъ, какой объемъ извѣстнаго товара можетъ удовлетворить его потребностямъ на извѣстное время и по этому дѣлалъ покупку. Такъ, на примѣръ, соль продавалась пошевами. Хозяинъ зналъ, на сколько ему, примѣрно, пойдетъ пошевь, и покупалъ такимъ образомъ. Точно также и покупающія тягучія тѣла, на примѣръ, сукно, покупщикъ смотрѣлъ на кусокъ и соображалъ, что изъ него можно сдѣлать.

О монетѣ въ древнія времена нашей исторіи есть достовѣрные свѣдѣнія. Послѣ открытія нѣжинскаго клада, послѣ разработки этого вопроса нашими учеными, нѣтъ возможности въ настоящее время признавать старую гипотезу о томъ, что у насъ встарину звонкой монеты не было, а замѣняли ее кожаные лоскутки. Въ Новгородѣ приготовленіе звонкой монеты было тѣмъ возможнѣе, что новгородцы издавна получали слитки закамскаго серебра изъ Перми и Югры. Но несомнѣнно то, что до XV вѣка въ общественномъ понятіи представленіе цѣнности соединялось неразрывно не съ выраженіемъ ея посредствомъ монетныхъ знаковъ, а съ предметами, составлявшими дѣйствительно драгоценную потребность жизни. Такими предметами преимущественно передъ другими были мѣха. Поэтому единица, выражавшая цѣнность, была куна, куница, т. е. понятіе о цѣнности извѣстной вещи слагалось такъ, что за эту вещь можно приобрести столько-то кунныхъ мѣховъ. Почему именно куница, а не другой мѣхъ получилъ это значеніе, указываетъ то, что куній мѣхъ былъ изъ всѣхъ мѣховъ средняго достоинства — не слишкомъ низкій, не слишкомъ

высокій. Для означенія болѣе низкихъ цѣнностей служили бѣлки или векши: то есть, примѣняя это названіе, выражали цѣнность вещи тѣмъ, что за нее можно приобрѣсть бѣличій мѣхъ.

Наибольшая монетная единица была *гривна*—слово, первоначально означавшее металлическое шейное украшеніе, кольцо, потомъ вѣсъ и наконецъ, монету, по отношенію къ вѣсу. Гривной, въ монетномъ смыслѣ, назывался отрубокъ металла въ гривну вѣсомъ. Но гривна была двоякая: большая и малая — фунтъ и полфунта; потому и отрубки были двоякаго рода — гривна въ фунтъ и гривна въ полфунта. Эти гривны выражали вѣсъ и повѣрялись вѣсомъ; для этого существовали городскіе денежныя вѣсы: *гривенка рублевая*, для взвѣса отрубковъ, называемыхъ, по причинѣ ихъ разсѣченія на части, «рублями.» Какъ отрубки были разны, то за отрубками большей величины удержалось названіе рублей, а половины ихъ называли полтинами. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть мелкія монеты новгородскія уже XIV и XV вѣка. Онѣ величиною въ гривенникъ; на одной сторонѣ изображеніе князя, сидящаго съ мечемъ въ рукѣ, а передъ нимъ стоящій челоувѣкъ подаетъ ему свитокъ; на иныхъ между ними крестъ; на нѣкоторыхъ встрѣчаются еще прибавленія, на примѣръ, буква С или три точки надъ головою князя или два обручиа за подающимъ свитокъ. По всей окраинѣ кругомъ точки. На другой сторонѣ надпись: *Великаго Новгорода*. Можно догадываться, что челоувѣкъ, подающій князю свитокъ, есть символическое изображеніе Новгорода, подающаго князю договорную грамоту.

Очеркъ торговли древняго Новгорода мы заключимъ пѣснейю о Садкѣ, гдѣ купецъ въ народномъ воззрѣніи принимаетъ образъ эпическаго богатыря — удалаго, рѣшительнаго.

«Садкѣ, иначе Садкѣ, былъ бѣдный гуслѣрь: — играть на почетныхъ пирахъ, тѣшить музыкой и пѣснейю веселую бесѣду богатыхъ людей—то его хлѣбъ и его утѣшеніе. Од-

нажды перестаютъ его звать на пиры. Проходитъ три дня. Пошелъ Садкò къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣль-горючъ камень и заигралъ въ свои гусельки. Вдругъ вода заколебалась въ озерѣ. Садкò изумился, пересталъ играть, воротается въ городъ. Идетъ день за днемъ и прошло три дня. Садка не зовутъ на пиръ. Садкò съ тоски пошелъ къ озеру; и опять сталъ наигрывать на своихъ гусяхъ; и опять видитъ—вода заколебалась въ озерѣ. Садко опять изумляется, перестаетъ играть и воротается въ Новгородъ. День прошелъ, другой прошелъ. Садкò въ уныніи идетъ къ озеру и опять играетъ на гусельцахъ. По прежнему вода заколебалась: но либо горе было уже такъ велико у Садка, что онъ не испугался, либо явленіе послѣдовало сейчасъ за колебаніемъ воды, такъ что Садкò не успѣлъ отойти отъ озера, только — выходить изъ озера молодець — это самъ Ильмень-озеро, божество озера. Молодцу Ильмень-озеру пришла въ утѣху игра Садкова. Онъ хочетъ наградить его: онъ посылаетъ его въ Новгородъ — предложить богатымъ купцамъ новгородскимъ удариться объ закладъ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба съ золотыми перьями. Купцы никогда не видывали такого дива и будутъ утверждать, что нѣтъ такой рыбы. Но на днѣ озера есть много диковинъ; никто ихъ не видитъ; ихъ откроетъ божество водное тому, кому само пожелаетъ открыть. Садкò возвращается въ Новгородъ и вдругъ его зовутъ на почетный пиръ; онъ гостей утѣшаетъ; они его угощаютъ виномъ. Когда Садкò подгулялъ, сталъ онъ тогда говорить: «Я знаю чудо-чудное — золотоперую рыбу въ Ильмень-озерѣ.» Купцы говорятъ ему: «Нѣтъ, и быть не можетъ такого чуда въ Ильмень-озерѣ!» Садкò предложилъ закладъ. Самъ онъ бѣдный гусляръ — нечего ему ставить на закладъ, кромѣ буйной головы: онъ ее и ставитъ на закладъ. «Вы купцы, люди богатые, говоритъ Садкò, поставьте три лавки красного товара.» Купцы такъ увѣрены, что золотоперой рыбки нѣтъ въ озерѣ, что согласились. Тогда Садкò поѣхалъ съ ними на озеро; закинули неводъ—золотоперая рыба; дру-

гой разъ закинули — другая золотоперая рыба; закинули третій разъ — тоже. Купцы отдали ему три лавки съ краснымъ товаромъ. Съ тѣхъ поръ Садко сталъ торговать — расторговываться, получать барыши; и сталъ Садко изъ бѣднаго гусляра богатый гость новгородскій.»

Такимъ образомъ, управляемые общимъ народнымъ советомъ, не стѣсняемые въ правахъ и занятіяхъ, пріученные къ отвагѣ своими путешествіями, легко подчиня дикарей хитростью, деньгами и силою противясь русскимъ князьямъ, новгородцы являлись сильными властителями сѣвера, посредниками князей, и отдаленностью и мѣстностью спаслись отъ гибели подъ игомъ монгольскимъ. Но обстоятельства измѣнились, и что возвело Новгородъ къ величію, сдѣлалось также причиною гибели его.

Новгородъ, утвердивъ, съ легкой руки Ярослава Мудраго, свою политическую независимость, могъ, подъ шумъ удѣльныхъ браней, легко усиливаться, возвышаться, распространяя съ успѣхомъ свою территорію. Это возвышеніе продолжалось до второй половины XIV вѣка, когда вмѣсто нѣсколькихъ безсильныхъ враждующихъ между собою княжествъ, сосѣдомъ новгородцевъ явилось одно сильное — Московское. Какъ море, все затопляющее, разливалась Москва, отнимая права и занимая области новгородскія. Такъ подрывалась мало по малу политическая сила Новгорода, и наконецъ, послѣ двухъ губительныхъ для Новгорода войнъ съ Іоанномъ III (въ 1471 и 1477 г.) Новгородъ совершенно лишился своей политической самобытности, своего самоуправления и само-суда и призналъ Іоанна III своимъ государемъ. Вотъ какъ говоритъ о паденіи Новгорода Карамзинъ:

«Паденіе Новгорода знаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ. Такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свобод-

ний отъ ига монголовъ, Новгородъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестью. Сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гладянской свободы, начинается со времени Іоанна Калиты. Богатые новгородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностью умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новгородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что, кромѣ неуройства и малодушнаго бѣгства, видимъ мы въ послѣднихъ, рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, Литовскаго или Московскаго. Къ счастью, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.»

Послѣ политическаго своего паденія, Новгородъ ненадолго сохранилъ и свое торговое значеніе, какъ рынокъ, связывавшій московское государство съ Западною Европою. Разоренія, претерпѣнныя Новгородомъ отъ Іоанна Грознаго во второй половинѣ XVI вѣка, и открытіе англичанами Бѣломорскаго (Двинскаго) пути нанесли значительный ударъ торговлѣ Новгорода. Онъ не могъ уже болѣе подняться, тѣмъ болѣе, что въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій, понявъ всю важность для Россіи Ладожско-Невскаго пути, построилъ на этомъ пути свой городъ. Этотъ городъ не только затмилъ Новгородъ своею торговлею, но сдѣлался еще столицею русскаго государства. Нынѣ Новгородъ — губернский городъ съ 18-ю т. жителей, тогда какъ при Іоаннѣ Грозномъ въ немъ было отъ 50 до 60 тыс. Не смотря на устройство въ 1837 г. Вишерскаго канала, когда суда уже стали обходить Новгородъ, не смотря на значительное разстояніе его отъ Московской желѣзной дороги, Новгородъ, находясь въ главномъ водномъ центрѣ Россіи, и въ настоящее время пользуется немаловажнымъ торговымъ значеніемъ.

Какъ самый Новгородъ, такъ и все пространство Новгородской губерніи можно назвать живою лѣтописью прошедшаго. Къ сожалѣнію, время и люди многое истребили, изгладили, стерли съ лица земли. И дивиться-ли? Скольго разъ огонь и мечъ ходили по новгородскимъ областямъ! Скольго разъ все было выжжено, попалено головнею, залито кровью! Теперь время гибели прошло, и на могилахъ отцовъ безопасно живетъ новый человѣкъ. Онъ не помнитъ и не знаетъ, что было до него на мѣстѣ его жилища. Потомки съ какимъ-то ожесточеніемъ уничтожаютъ послѣдніе слѣды былого. Ветшаетъ-ли древнее зданіе — мало того, что его передѣлываютъ—нѣтъ! его уничтожаютъ, и то, на чемъ лежала печать столѣтій, замѣняется бѣдною новизною, зависящею отъ нелѣпой прихоти новаго человѣка, зданіемъ на часъ, которое сломаетъ и замѣнитъ новою прихотью другое поколѣніе.

Вотъ бѣдный нынѣшній Новгородъ, среди лѣсовъ и болотъ выстроенный по плану, и похожій на кладбище, усыпанное памятниками. Неужели же это древній Новгородъ, Великій Новгородъ? Гдѣ святая Софія, вольное вѣче, Ярославовъ дворъ, гдѣ множество храмовъ и обителей новгородскихъ, гдѣ чудный дворъ Марѣы Посадницы и гостинный дворъ Ганзейскій?... Помергла слава новгородская, и почти ничего не осталось послѣ Новгорода. Нѣтъ древнихъ стѣнъ, валовъ и дѣленій новгородскихъ въ нынѣшнемъ Новгородѣ. Земляной валъ, окружающій городъ, насыпанъ въ новѣйшее время. Въмѣсто древняго дѣтинца видите ветхія, перестроенныя въ позднѣйшее время, стѣны Кремля, съ древнимъ Софійскимъ соборомъ. Кругомъ него на Софійской сторонѣ и на другомъ берегу по Торговой сторонѣ (имена ихъ сохранились донинѣ) расположены правильныя, прямыя улицы. (*) Вотъ кое-гдѣ возвышаются колокольни бѣдныхъ

(*) Нѣкоторыя улицы сохранили свои древнія прозванія: Чудлицова, Легоща, Холопья, Рогатица и пр.

старыхъ церквей и обителей, возобновленныхъ въ позднѣйшее время.

Св. Софія, можно сказать, единственный памятникъ, уцѣлѣвшій среди разрушеній времени, пожаровъ, разореній. Это соборъ съ шестью позолоченными главами, мрачный, тѣсный, съ древнимъ иконостасомъ, мѣстами царскимъ и святительскимъ, гробницами князей и владыкъ новгородскихъ. Новгородскій Софійскій соборъ основанъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ. Еще прежде того, на мѣстѣ нынѣшняго собора построена была церковь св. Іоакима и Анны первымъ епископомъ новгородскимъ Іоакимомъ. Лѣтописецъ, говоря о построеніи этого храма, прибавляетъ, что Іоакимъ въ сей же церкви *«служиша до Софіи»*, т. е. до построенія Софійскаго собора. Въ 989 г. Іоакимъ поставилъ церковь св. Софіи деревянную, дубовую, съ 13 верхами. Церковь эта стояла на Пискупли, улицѣ на берегу Волхова. Она славилась внутренними украшеніями, въ 1045 г. она сгорѣла, и въ этомъ-то году, при второмъ епископѣ, Лукѣ Жидятѣ, Владиміръ Ярославичъ положилъ основаніе каменной церкви, также во имя св. Софіи. Храмъ строился семь лѣтъ царьградскими архитекторами. Лѣтописецъ называетъ церковь эту *«весьма прекрасною и превеликою»* и рассказываетъ слѣдующее обстоятельство: когда призванные изъ Царьграда живописцы хотѣли находящейся въ главѣ или куполѣ собора образъ Спасителя написать съ благословляющею десницею, то три раза находили ее вновь сжатою. Наконецъ, въ четвертое утро послышался невидимый гласъ: *«не пишите Меня съ благословляющею рукою, ибо въ этой рукѣ Я держу Великій Новгородъ, и когда разожду ее, тогда и будетъ окончаніе.»* Изображеніе это въ такомъ видѣ сохранилось донинѣ.

Со времени основанія Софійскій соборъ часто подвергался опустошеніямъ отъ пожаровъ и непріятелей, но всякій разъ былъ возобновляемъ, безъ передѣлки стѣнъ. Поправки, измѣнившія нѣсколько его архитектуру, были сдѣланы въ 1688 и 1692 г., когда митрополитъ Корнелій приподнял

поль, прежнія узкія окна увеличилъ, нѣкоторыя окна пробилъ вновь и выломалъ три круглыя столба; остальные исправленія касались только кровли и иконописи. Въ соборѣ замѣчательны нѣсколько древнихъ иконъ, особенно образъ Софіи—Премудрости Божіей и образовъ апостоловъ Петра и Павла и Всемиловитаго Спаса, византійскаго стиля, древняя стѣнная живопись и остатки мозаики въ алтарѣ.

На *полатяхъ* собора находится бібліотека и ризница. Библіотека богата, но не описана и не осматрѣна ученымъ образомъ донынѣ. Въ ризницѣ показываютъ древнія облаченія новгородскихъ святителей, древнія и новыя церковныя утвари, вещи Петра Великаго, вериги святыхъ, знамена стрѣльцовъ и проч. Въ особенной кладовой хранятся рѣзные образа, свезенные сюда со всей Россіи, когда Петръ Великій, сообразно съ уставами церкви православной, велѣлъ вынести изъ церквей всѣ рѣзные образа, большею частію произведенія грубаго ваянія.

Особенную достопамятность составляютъ на паперти собора западныя двери, деревянныя, обитыя мѣдными досками, которыя соединяетъ рама. Ихъ называютъ корсунскими. Извѣстно, что такъ назывались у насъ произведенія византійскаго стиля, которыя въ первый разъ вывезены были Владиміромъ изъ Херсони (Корсуны.) Новгородцы вѣрили, что двери ихъ вывезъ изъ Корсуны Владиміръ и подарилъ Новгороду. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что корсунскія двери — есть памятникъ нѣмецкой литейной работы XII—XIII вѣка. Изображенія на нихъ разны и перемѣшаны съ эмблемами, портретами, мифологіею.

Тутъ же, въ Кремлѣ, подлѣ Софіи, на площади поставленъ въ 1862 г. памятникъ тысячелѣтія Россіи, исполненный по рисункамъ и моделямъ художника Мигѣшина на заводѣ Никольса и Плинке. Онъ состоитъ изъ верхней части — бронзовой и нижней — гранитной. Верхняя часть заключаетъ семь группъ съ 19 фигурами и державу; нижняя

составляет подножіе, заключающее облицованный бронзою постаментъ, карнизъ изъ сердобольскаго гранита надъ барельефами, самые барельефы и цоколь изъ того же гранита подъ ними. Самая верхняя группа состоитъ изъ двухъ фигуръ и изображаетъ православную вѣру, какъ главное основаніе нравственнаго возвышенія русскаго народа. Слѣдующія за тѣмъ шесть группъ, поставленныя вокругъ шара, изображающаго державу, олицетворяютъ шесть главныхъ эпохъ русской исторіи, а именно: Рюригъ — основаніе государства Россійскаго (862 г.), Владиміръ — введеніе христіанства въ Россіи (988 г.), Димитрій Донской — начальное освобожденіе отъ ига татарскаго (1380 г.), Іоаннъ III — основаніе единодержавія царства русскаго (1462 г.), Михаилъ Ѳеодоровичъ — возстановленіе единодержавія избраніемъ на престолъ дома Романовыхъ (1613 года); Петръ Великій — преобразование Россіи и основаніе имперіи россійской (1721 г.) Затѣмъ слѣдуетъ подножіе памятника, на средней части котораго находится сплошной барельефъ съ изображеніемъ замѣчательныхъ мужей и женщинъ. Изъ изображенныхъ на барельефѣ лицъ можно указать на слѣдующія: Кириллъ и Меѳодій, Ольга, Владиміръ, Несторъ, патріархъ Никонъ, Георгій Конисскій — какъ просвѣтители Россіи; Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ III, Сильвестръ и Адашевъ, царица Анастасія Романовна, Гермогенъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Филаретъ Романовъ, царь Алексѣй Михайловичъ, Артамонъ Матвѣевъ, Петръ I, Бецкій, Екатерина II, графъ Сперанскій — какъ государственные люди; Александръ Невскій, Димитрій Донской, Марѳа Посадница, Мининъ и Пожарскій, Ермакъ, Сусанинъ, графъ И. С. Салтыковъ, графъ Мининъ, князь Суворовъ, князь Кутузовъ-Смоленскій, князь Паскевичъ-Эриванскій, Нахимовъ — какъ люди военные и герои; Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Волковъ, Дмитревскій, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Пушкинъ, Гоголь, Глинка, Брюловъ, Шевченко, Бортнянскій — какъ поэты, художники и артисты.

Словомъ, весь памятникъ служить нагляднымъ изображеніемъ жизни Россіи въ теченіе ея тысячелѣтняго существованія.

32. МОСКВА.

«Кто хочетъ знать Россію—побывай въ Москвѣ.

КАРАМЗИНЪ.

Москва существуетъ болѣе семи столѣтій, если даже отнеси ея основаніе нѣ ранѣе какъ къ XII вѣку. Въ этотъ громадный промежутокъ времени она успѣла пережить столько событій, что самое топографическое ея положеніе должно было измѣниться и теперь едва можно указать на нѣкоторыя мѣста, сохранившія видъ тѣхъ отдѣльныхъ возвышенностей, на которыхъ, судя по преданіямъ, должны были появиться зачатки этого города; занявшаго, подобно Риму, семь холмовъ. Первый холмъ — *Боровицкій*, на вершинѣ котораго теперь находится колокольня Ивана-великаго. Съ этого, должно быть, холма, какъ съ самаго высокаго, сынъ Мономаха, великій князь Суздальскій Юрій Долгорукій, обозрѣвъ всѣ окрестности села Кучкова, велѣлъ заложить малъ древянъ градъ Москву. Второй холмъ на Покровкѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь Успенія Богородицы. Третій — занять Тверской частью, и на вершинѣ его помѣщается Страстной монастырь. Четвертый и пятый холмы извѣстны подъ названіемъ: Трехъ горъ и Вшивой горки. Лефортовская часть занимаетъ шестой холмъ, а послѣдній находится на правомъ берегу Москвы-рѣки.

Основаніе Москвы, какъ основаніе всѣхъ древнихъ замѣчательныхъ городовъ, теряется въ баснословныхъ преданіяхъ, изъ которыхъ можно заключить, что народъ нашъ съ давнихъ временъ видѣлъ въ Москвѣ свою избавительницу отъ междоусобій и разъединенія удѣльныхъ князей нашихъ и смирительницу крамольныхъ бояръ, что подтверждается слѣдующимъ сказаніемъ: Князь Кіевскій Юрій Владиміровичъ Долгорукій, проѣзжая въ 1158 году во Владимірѣ,

къ сыну своему Андрею, богатыми селами боярина Кучки, которыя находились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Москва, былъ оскорбленъ этимъ бояриномъ. Кучка, возгордившись зѣло, не только не почтилъ великаго князя, но даже поносилъ его. Князь, не стерпя такого посягательства, приказалъ предать боярина смерти, а дѣтей его отослалъ сыну своему Андрею.

Прекрасное мѣстоположеніе селъ, лежавшихъ по обѣимъ берегамъ Москвы-рѣки и за Неглинной, плѣнило князя, и онъ велѣлъ заложить тутъ городъ и прозвалъ его по имени рѣки Москвою. Приѣхавъ къ сыну своему Андрею, Юрій женилъ его на Улитѣ, дочери казненнаго боярина, и, заповѣдавъ сыну распространять городъ Москву и населить его людьми, возвратился въ Кіевъ.

Лѣтописи же въ первый разъ упоминаютъ о Москвѣ въ 1147 году, а именно въ нихъ говорится, что въ этомъ году Суздальско-владимірскій князь Георгій или Юрій Владиміровичъ Долгорукій угощалъ въ Москвѣ Святослава Ольговича Сѣверскаго и другихъ князей, бывшихъ его союзниками противъ великаго князя Изяслава Мстиславича.

Хотя сынъ Георгія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій и продолжалъ владѣть Москвою, но не жилъ въ ней: онъ любилъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и, сдѣлавшись великимъ княземъ, сдѣлалъ его стольнымъ городомъ, потому что великое княжество Кіевское было въ то время сильно разорено усобицами князей южно-русскихъ.

Первый князь, называвшійся московскимъ, былъ Михаилъ Храбрый, меньшей братъ Александра Невскаго, но ему досталась въ удѣлъ Москва совершенно разоренная, потому что одинадцать лѣтъ передъ этимъ, во время втораго нашествія татаръ подъ предводительствомъ Батая въ 1237 году, она была ограблена и выжжена ими. Впрочемъ Москва скоро оправилась отъ этого погрома и, въ 1282 году, князь ея Даниилъ, сынъ Александра Невскаго, участвуетъ уже въ дѣлахъ князей, вступаетъ съ ними въ союзъ противъ Литвы и черезъ три года празднуетъ побѣду надъ этими

сильными врагами; съ княженія Данила Александровича начинается усиливаться Москва и изъ бѣдной волости князей Владимірскихъ, управляемой воеводами, становится центромъ отдѣльнаго княжества Московскаго, не смотря на то, что въ 1293 году она опять была опустошена татарами. Князь Даниилъ Александровичъ, въ продолженіи всего княженія своего, хлопоталъ о сохраненіи и расширеніи своего удѣла. Такъ, онъ въ 1300 году обнесъ Москву крѣпкой деревянной стѣною и заставилъ братьевъ своихъ выѣхать изъ Москвы въ Тверь, то есть не далъ имъ удѣловъ. Такъ, онъ ходилъ съ ратью на Рязань, присвоилъ себѣ Коломну, волость князей рязанскихъ, а самого князя содержалъ плѣннымъ въ Москвѣ. Особенно усилилась Москва отъ присоединенія къ ней Переяславской области, которую Даниилъ получилъ послѣ смерти своего дяди князя Переяславскаго. Отъ этого приобрѣтенія Москва вдругъ стала на ряду съ первыми княжествами, и Георгій, сынъ Данила, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ еще Можайскъ, является уже соперникомъ князя тверскаго и объявляетъ свои притязанія на великокняжескій Владимірскій столъ. Это домогательство послѣ кровавыхъ междоусобій оканчивается наконецъ тѣмъ, что сынъ Данила, Іоаннъ Калита, дѣлается великимъ княземъ, послѣ чего не только самъ переѣхалъ жить изъ Владиміра въ Москву, но убѣдилъ и митрополита Петра переселиться въ нее, и съ тѣхъ поръ Москва стала считаться столицею великихъ князей, а затѣмъ и всей Россіи. Митрополиты, переселясь въ Москву, много помогали возвышенію московскихъ князей, ибо они отлучали отъ церкви цѣлые города, шедшіе противъ Москвы. Такъ, Псковъ, пріютившій врага Іоанна, Александра Тверскаго, долженъ былъ со слезами отпустить его въ Литву, потому что преемникъ митрополита Петра, Феогностъ, проявлялъ псковичей за ихъ покровительство князю тверскому.

Постоянно заискивая у хана и возя богатыя дары въ орду, Іоаннъ Калита выхлопоталъ себѣ позволеніе собирать подать со всѣхъ городовъ русскихъ. Это было большимъ об-

легченіемъ для народа, потому что татары страшно грабили русскихъ. Но не объ одномъ народѣ заботился Калита, онъ не забывалъ и себя при сборѣ и даже тѣснилъ жителей богатыхъ городовъ, какъ напр. Новгорода и Ростова, вслѣдствіе чего могъ приобрести и оставить дѣтямъ своимъ богатыя волости. Такъ, онъ большею частію посредствомъ денегъ присоединилъ къ своему княжеству: Звѣнигородъ, Рузу, Лопасну, Серпуховъ и Перемышль и помогъ старшему сыну Симеону, подаривъ оставленными богатствами татаръ, утвердиться на московскомъ престолѣ. Хотя Іоаннъ въ завѣщаніи своемъ и раздѣлилъ Москву и другія свои владѣнія между тремя сыновьями: Симеономъ, Іоанномъ и Андреемъ, но онъ положилъ конецъ раздробленію на удѣлы, давъ несравненно болѣе волостей Симеону и обязавъ меньшихъ его братьевъ завѣщать ему свои удѣлы, въ случаѣ если бы они умерли бездѣтными; а ханъ, подкупленный богатыми подарками Симеона, не только отдалъ ему великокняжескій столъ, но всѣхъ остальныхъ князей русскихъ *«далъ ему подѣ руку.»* Какъ воспользовался этимъ Симеонъ, можно видѣть изъ одного названія *Гордаго*, которое ему дали современники.

Политику Калиты продолжали и его дѣти, а духовенство сильно поддерживало ихъ. При внуцѣ Калиты, Димитріи Донскомъ, Св. Сергій, игумень и основатель Троицко-Сергіевской Лавры, ѣздилъ въ Новгородъ и Рязань уговаривать князей не идти противъ великаго князя, и когда князь нижегородскій не согласился примириться съ Димитріемъ Донскимъ, то Св. Сергій запретилъ церковную службу въ Нижнемъ и заперъ церкви этого города. При Димитріи Донскомъ Московское княжество увеличилось присоединеніемъ Стародуба, Галича и Ростова.

Въ то время, какъ Москва усиливалась, Золотая Орда сильно ослабѣла, такъ что Димитрій пересталъ платить даже дань татарамъ, вслѣдствіе чего Мамай двинулъ всѣ свои полчища на землю Русскую. Испросивъ благословеніе у Св. Сергія, помолившись въ Успенскомъ, и тогда уже

каменномъ, соборѣ, поклонившись мощамъ митрополита Петра, Дмитрій выступилъ изъ Москвы 20 августа 1380 года. Послѣ знаменитой Куликовской битвы, когда впервые русскіе побѣдили татаръ, великому князю доложили, что погибло въ этой битвѣ: 40 бояръ московскихъ, 12 князей Бѣлозерскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояръ коломенскихъ, 40 серпуховскихъ, 20 переславскихъ и т. д. (*) всего же войска погибло 133 тысячи. Но главное было сдѣлано, и русскіе почувствовали свою силу и татары не наводили болѣе на нихъ паническаго страха, хотя черезъ два года послѣ Куликовской побѣды, ханъ Тохтамышъ обманомъ овладѣлъ Москвою, разграбилъ и сжегъ ее, а Дмитрія принудилъ снова платить себѣ дань.

Но что была тогда эта Москва, столько разъ уже выдававшая враговъ, столица великихъ князей и мѣстопробываніе митрополитовъ русскихъ! Это было огромное, мало еще застроенное пространство, дѣлившееся на *городъ*, мѣсто, обнесенное стѣною, то есть Кремль или крѣпость, *Посадъ*, строенія внѣ Кремля, что мы теперь привыкли называть городомъ, *Загородье*, слободы московскія, примыкавшія къ посаду, гдѣ жили торговцы, промышленники и разные ремесленники, и *Замоскворъчье*, строенія за Москвой-рѣкой. Въ городѣ или Кремлѣ находилось три каменныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Преображенскій. Они были малы, тѣсны и освѣщались только узкими, щелевидными окнами со слюдою, вмѣсто стеколъ, и желѣзными рѣшетками, вслѣдствіе чего постоянный мракъ господствовалъ внутри зданій. Главы церквей тогда еще не золотились. Остальныя строенія Кремля: церкви, дворецъ князя, палаты митрополита и дома бояръ были все деревянные и не-

---

(*) Изъ этого перечня видно, какъ сильны были при Дмитріи Донскомъ князья Московскіе. Москвъ обязаны были помогать ратью слѣдующія области: Звенигородъ, Коломна, Можайскъ, Ржевъ, Серпуховъ, Волоколамскъ, Дмитровъ, Боровскъ, Переславль, Владимиръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Кострома, Нижній, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичъ, Бѣлозерскъ и Устюгъ.

многимъ отличались отъ теперешнихъ избъ крестьянъ нашихъ. Кремль занималъ самое возвышенное мѣсто, Боровицкій холмъ; за нимъ шли посады, то есть прежнія отдѣльныя села, вошедшія въ составъ города. Это были разновладѣльческія сельскія поселенія, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ, духовенству и богатымъ боярамъ; они состояли изъ небольшихъ избъ и были окружены не только садами, но цѣлыми рощами, куда красныя дѣвицы ходили за грибами. Преданіе говоритъ, что недалеко отъ Кремля, гдѣ теперь Газетный переулокъ, около церкви Успенія на Вражкахъ, былъ прежде лѣсной бугоръ, и рѣка Неглинная, при своемъ разливѣ, образовывала тутъ такое болото, что можно было легко утонуть въ немъ. Во время непріятельскаго нашествія, все, что было внѣ Кремля, предавалось грабежу и пламени, почему каждый спѣшилъ спастись въ Кремль, который и тогда уже представлялъ довольно сильную крѣпость. Димитрій Донской, послѣ Всесвятскаго пожара (1365 года,) истребившаго всѣ строенія въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дубовыми стѣнами Кремля, обнесъ его каменною стѣною: *тое же зимы (1367 года,) говоритъ летописецъ, повезоша каменья къ городу. Тое же весны начаша строить городъ каменъ, съ желѣзными стрѣльницами и воротами: Боровицкими, Флоровскими и Константино-Еленскими.* Изъ духовной Димитрія Донскаго видно, что городъ дѣлился на три части, изъ которыхъ только одна принадлежала великому князю Василию, другая—потомству князя Владиміра Андреевича, а третья раздѣлена была между князьями, Юріемъ, Андреемъ и Петромъ. Вообще Москва дѣлилась на участки, принадлежавшіе разнымъ лицамъ до Алексѣя Михайловича, и только съ изданіемъ его *уложенія* получила настоящее значеніе города.

При сынѣ Димитрія Донскаго, Василии I, два раза татары вторгались въ землю русскую, первый разъ подъ предводительствомъ Тамерлана въ 1395 году. Москва представляла въ это время необыкновенную, для нашего времени, картину: церкви были отворены день и ночь, народъ со сле-

зами молился о спасеніи отъ приближающагося врага, съ теплой вѣрою встрѣчалъ икону Владимірской Божіей Матери, которую великій князь велѣлъ перенести изъ Владиміра въ Москву. Молитва народа была услышана: Тамерланъ, направлявшійся къ Москвѣ, вдругъ остановился и вскорѣ отступилъ за предѣлы нашего отечества. Въ память этого событія великій князь Василій соорудилъ каменную церковь Благовѣщенія Божіей Матери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ народъ встрѣтилъ икону Владимірской Божіей Матери.

Второй разъ врагъ, подъ предводительствомъ Эдигея, былъ подъ самыми стѣнами московскими. Составитель «Историческаго путеводителя по Москвѣ» рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Слухъ объ неожиданномъ врагѣ достигъ до Москвы уже тогда, когда не было времени думать о явномъ сопротивленіи. Великій князь, оставя снова своего дядю въ Москвѣ, отправился въ Кострому для собранія войска. Ни стѣны кремлевскія, ни пушки, о которыхъ упоминается здѣсь въ первый разъ, ни извѣстное мужество защищавшаго Москву не могли успокоить московскихъ жителей: уныніе овладѣло всѣми, особенно когда князь приказалъ, для удобнѣйшей защиты Кремля, сжечь всѣ посады. Нѣсколько тысячъ домовъ запылало. Жители, лишенные крова и не выпускаемые въ Кремль, какъ тѣни, бродили на своихъ пепелищахъ, наполняя воздухъ воплями и рыданіями!» Но Эдигей съ 400,000 татаръ простоялъ три недѣли подъ стѣнами московскими, опустошилъ всѣ окрестныя области, но не рѣшился на приступъ и, взявъ съ великаго князя откупъ въ 3 тысячи рублей, ушелъ изъ Россіи.

Но, не смотря на эти бѣдствія, княжество московское все-таки было сильнѣе другихъ княжествъ и начиная съ Василія I, великокняжескій престолъ не оспаривается другими князьями у князей московскихъ, а сынъ его, Василій II Темный, послѣдній изъ князей ѣздилъ въ орду и былъ торжественно вѣнчанъ на великое княженіе не во Владимірѣ, какъ это было прежде, а въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ

и, еще при своей жизни, безъ всякихъ препятствій назначилъ преемникомъ своимъ сына своего Иоанна, впоследствии названнаго Великимъ, съ котораго начинается новая эпоха для всей Россіи: она изъ великаго княжества становится государствомъ московскимъ. Иоаннъ III во-первыхъ осуществилъ давнишнюю тайную мысль великихъ князей московскихъ, соединивъ въ одно цѣлое разьединенные удѣлы. Такъ онъ покорилъ Тверь и Новгородъ Великій съ колоніей его Вяткой, присоединилъ къ московскому государству удѣлъ Верейскій, подчинилъ своей власти князей Рязанскихъ, Суздальскихъ, Черниговскихъ, Рыльскихъ, Трубчевскихъ и другихъ. Во-вторыхъ не только пересталъ быть данникомъ татаръ, но и подчинилъ Казань, покорилъ Пермь и завоевалъ землю Югорскую. По словамъ лѣтописца всѣ Сѣверо-восточныя русскія земли были покорены *«съ большимъ насиліемъ московскимъ.»* Вслѣдствіе чего сложились старинныя пословицы: «Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала.» «Московская правда.» «Въ Москву идти—голову нести.»

Иоаннъ III распоряжался уже и князьями не какъ старшій въ родѣ, но какъ полновластный государь. Съ боярами онъ держалъ себя гордо, грозно, заставлялъ ихъ давать себѣ письменныя обязательства (записи,) что они не уѣдутъ ни въ Литву, ни къ государямъ братьямъ его и нигуда до самой ихъ смерти и совѣтовался съ ними рѣже, чѣмъ его предшественники. Съ Иоанна III титулъ великихъ князей московскихъ сталъ писаться: «Иоаннъ, Божією милостію, Государь всея Руси и великій князь владимірскій, и московскій, и новгородскій, и псковской, и тверской, и угорской, и болгарской.» При немъ же былъ измѣненъ государственный гербъ. До 1472 г. на гербѣ изображали ангела, держащаго въ рукѣ кольцо, и человѣка съ обнаженнымъ кинжаломъ, а съ 1472 г.—Льва, терзающаго змѣю. Иоаннъ велѣлъ замѣнить эти изображенія съ одной стороны греческимъ двуглавымъ коронованнымъ орломъ, съ другой—гербомъ Москвы: всадникъ, попирающій дракона, съ надписью

вокругъ: «великій князь, Божію милостію государь всея Руси.» Счастливіе этого символическаго сочетанія трудно выбрать: не нуждались болѣе наши государи ни въ князьяхъ для междоусобій, ни въ львахъ, грозно оборонявшихся отъ змѣй земли родной, государь московскій, подобно всаднику, уничтожилъ анархію удѣловъ въ видѣ лютаго змѣя и, подобно орлу, воспарилъ съ распростертыми крыльями, приводя въ трепеть враговъ своихъ.

Сдѣлавшись полнымъ властелиномъ государства московскаго, Іоаннъ III сталъ входить въ сношенія съ иностранными государствами, выписывать искусныхъ архитекторовъ и живописцевъ, и Москва, изъ ничтожнаго городка, о которомъ упоминалось вскользь еще въ половинѣ XIII столѣтія, въ концѣ XV дѣлается столицей царей русскихъ, первымъ торговымъ городомъ въ Россіи и застраивается многими каменными зданіями. Древній Успенскій соборъ, пришедшій въ такую ветхость, что его нужно было поддерживать деревянными столбами, совершенно перестраивается искуснымъ болонскимъ архитекторомъ, Фіоравенти, котораго Іоаннъ нарочно для этого выписалъ изъ Венеціи. Другой старый соборъ—Архангельскій тоже былъ перестроенъ Іоанномъ, который перенесъ въ него тѣла великихъ князей, начиная съ Іоанна Калиты. Съ этого времени стали хоронить въ этомъ соборѣ нашихъ государей съ Іоанна III до Петра Великаго. Іоанномъ же были воздвигнуты: соборъ Благовѣщенскій, церковь Іоанна Лѣствичника, Грановитая Палата, каменный великокняжескій дворецъ, посольскій домъ, и укрѣпленъ Кремль башнями и сръльницами съ тайниками, подземными ходами и слухами. Для расширенія города велѣно перенести за Неглинную церкви и дворы, чтобъ межъ городскихими стѣнами и строеніемъ оставалось полое мѣсто «Застѣнье» въ сто десять сажень. По этому случаю «церкви старыя, извѣчныя вынесены изъ города вонъ, да монастыри старинные съ мѣста переставлены и кости мертвыхъ выношены за Дорогомилowo, да на тѣхъ мѣстахъ садъ сажень.» Видя, что государь любитъ украшать свою столицу, митро-

полить и знатные бояре построили себѣ каменные палаты, и Кремль въ началѣ XVI вѣка принялъ видъ европейскаго города. Въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ Гербенштейномъ о Россіи въ началѣ XVI вѣка, встрѣчается и описаніе Москвы: «Москва, расположенная на равнинѣ, издали блестяла куполами своихъ безчисленныхъ церквей и бѣлыми кремлевскими стѣнами съ башнями. Каменные дома были рѣдки и окружены темною грудю деревянныхъ строеній среди садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались отдѣльными городками. Въ слободахъ жили купцы и ремесленники, селившіеся на просторѣ; они сѣяли хлѣбъ и косили траву передъ своими домами по обѣимъ сторонамъ улицы. Одинъ Кремль все еще считался городомъ; всѣ другія части Москвы, весьма обширной, назывались предмѣстіями, такъ какъ не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутыхъ берегахъ Яузы стояло множество мельницъ; Неглинная, будучи запружена, имѣла видъ озера и наполняла водою кремлевскій ровъ. Улицы были тѣсны и грязны, но сады очищали и освѣжали воздухъ; надо прибавить къ этому, что знатнѣйшіе бояре все еще жили въ Кремлѣ въ деревянныхъ хоромахъ, что гостинный дворъ, обнесенный каменною стѣною, отличался красотою своихъ лавокъ, а Москва-рѣка покрывалась въ зимнее время шалашами, въ которыхъ торговали хлѣбомъ, мясомъ, дровами, лѣсомъ, сѣномъ и т. п.»

При сынѣ Іоанна III, Василии III, была присоединена послѣдняя отдѣльная область Новгородъ-Сѣверская. Бояре при этомъ великомъ князѣ не имѣли почти голоса и писались холопьями государевыми. Сынъ Василія, Іоаннъ IV Грозный былъ уже вполне самодержавный государь Россіи съ титуломъ царя. При немъ уже прежнія татарскія царства Казанское и Астраханское сдѣлались владѣніями Россіи.

Уже изъ этого краткаго историческаго очерка видно, что Москва имѣетъ значеніе, какъ центръ, около котораго сосредоточилось и окрѣпло наше государство, какъ хранилища памятниковъ постояннаго усиленія его. Не видно

въ ней только слѣдовъ тяжелыхъ испытаній, которыя она такъ мужественно перенесла и отъ которыхъ такъ скоро оправлялась; до Иоанна IV она пять разъ выгорѣла до тла, 15 разъ болѣе половины ея было опустошено пожарами, 5 разъ она была опустошена врагами, изъ этого числа 3 раза татарами. При Иоаннѣ IV было тоже два ужасныхъ пожара въ 1547 году, слѣдствіемъ которыхъ былъ бунтъ и убіеніе дяди царя, Юрія Глицкаго. Карамзинъ описываетъ ужасы этихъ пожаровъ слѣдующимъ образомъ: «12 апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ-городѣ съ богатыми товарами, гостинные, казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію стѣны, пала въ рѣку и запрудила ее кирпичами. 20 апрѣля обратились въ пепель за Яузюю всѣ улицы, гдѣ жили гончари и кожевники; а 21 іюня около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинной, на Арбатской улицѣ, въ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай и Большой посадъ. Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма: деревянныя зданія исчезали, каменные распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство праведное и неправедное гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Ново-Спасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Маріи, писанный св. Петромъ митрополитомъ, и правила церковныя, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на

своёмъ мѣстѣ; къ счастью, огонь, разрушивъ кровли и паперги, не проникъ во внутренность церкви.

«Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Петровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли; деревья обратились въ уголь, дрова въ золу. Сгорѣло 1700 человекъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по словамъ современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили и выли, какъ дикіе звѣри. Счастливы кто, умиаясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо.» Утѣшителей не было.

22 іюля 1547 года кончился этотъ ужасный пожаръ, и 30 іюля этого же года ханъ крымскій съ 100 тысячнымъ войскомъ шель къ Москвѣ и хотѣлъ уже переправиться черезъ Оку, но былъ отраженъ русскими войсками. Въ 1571 году, татары, подъ предводительствомъ крымскаго хана, Девлетъ Гирея, подступили къ самой Москвѣ. Ханъ велѣлъ зажечь посады, и пламя такъ сильно распространилось, что не было возможности тушить огонь. Толпы полуобгорѣлыхъ жителей тщетно стремились къ Кремлю; ворота Кремля, по приказанію главнаго воеводы, были завалены, и несчастные гибли въ улицахъ. Въ три часа — посады, Китай-городъ и вся Москва до Кремля превратились въ кучу пепла. Множество воиновъ и жителей погибло. До 1584 года были видны въ Москвѣ слѣдствія этого опустошенія жителей; изъ 200 тысячъ осталось только 30 т. и встрѣчалось много еще развалинъ, пустырей, не смотря на то, что груды жемчуга и золота приводили въ изумленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Іоанна IV.

Еслибы не эти ужасныя опустошенія, можно было бы встрѣтить въ Москвѣ памятники всѣхъ почти важнѣйшихъ событій нашего отечества, но и теперь въ ней сохраняются

они, хотя не въ томъ видѣ, но большею частью на тѣхъ же дорогихъ для насъ, по воспоминаніямъ, мѣстахъ. Такъ, вы найдете тамъ: *Богоявленскій монастырь*, основанный еще въ 1302 г. Данииломъ Александровичемъ, отцомъ Іоанна Калиты, вѣроятно, въ память присоединенія Переславской области къ княжеству московскому; *церковь Іоанна Лествичника* въ колокольнѣ Івана Великаго, построенную Іоанномъ Калитою въ память побѣды надъ псковичами; *соборъ св. Архангела Михаила*, построенный имъ же въ благодарность за избавленіе отъ голода 1332 года. Начало успѣшной борьбы нашей съ татарами напоминаетъ намъ Кремль, такъ какъ каменные стѣны его были заложены Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ въ 1367 году. Памятниками заботливости первыхъ святителей московскихъ о Москвѣ, которую они избрали своимъ мѣстомъ жительства, служатъ монастыри: Андроніевскій, Чудовъ и Симоновъ, построенные митрополитомъ Алексѣемъ. Благовѣщенскій соборъ напоминаетъ намъ счастливое избавленіе отъ татаръ, шедшихъ на насъ подъ предводительствомъ Тамерлана въ княженіе Василія I, сына Дмитрія Донскаго. Василій II Темный, вышедши побѣдителемъ изъ борьбы съ Шемякою и отразивъ татаръ, построилъ церковь Іоанна Предтечи въ бору, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла, по преданію, древняя деревянная церковь, построеніе которой легенды относятъ къ временамъ отшельника Букола, жившаго тутъ еще до построенія Москвы. Гостунскій соборъ напоминаетъ удаленіе татаръ изъ Кремля: гордая дочь греческаго императора, Софія, супруга Іоанна III, не могла переносить близости татаръ, занимавшихъ зданіе въ самомъ Кремлѣ и слѣдившихъ за дѣйствіями великихъ князей нашихъ. Она послала богатые дары женѣ хана, прося ее выхлопотать дозволеніе перевести подворье ордынское, на мѣстѣ котораго она желаетъ построить храмъ, вслѣдствіе какаго-то видѣнія. Ханъ, склоненный просьбами жены своей, согласился, и татары были переведены изъ Кремля за Москворѣку, а на мѣстѣ подворья ихъ, около 1477 года, была соору-

жена деревянная церковь Николая Лынянаго, которую замѣнилъ Василій Іоанновичъ каменнымъ соборомъ во имя св. Николая Гостунскаго.

Одинъ изъ колоколовъ Успенскаго собора еще яснѣе говоритъ намъ о силѣ великихъ князей нашихъ во время Іоанна III. Онъ перевезенъ въ 1478 году изъ Новгорода Великаго, вслѣдствіе прекращенія вѣча и присоединенія города Новгорода къ московскому государству.

Церковь Спаса на болванкѣ построена Іоанномъ III на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ изломалъ басму ханскую, вмѣсто того чтобы принять ее съ честью, стоя на соболяхъ, какъ это дѣлали до него великіе князья наши. Разумѣется, ханъ Ахметъ хотѣлъ жестоко наказать такую дерзость и, заключивъ союзъ съ королемъ польскимъ, Казиміромъ, двинулся на Россію. Но сама природа родной страны нашей вооружилась на враговъ Россіи; морозы заставили удалиться плохо одѣтыхъ татаръ, и митрополитъ установилъ ежегодный крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь къ иконѣ Владимірской Божіей Матери въ память совершеннаго избавленія Россіи отъ ига татарскаго.

Дѣвичій монастырь построенъ за посадомъ, около Москвы Василіемъ III въ память возвращенія Смоленска.

Іоаннъ IV, празднуя въ день Покрова Богородицы въ 1558 году взятіе Казани и покореніе царства казанскаго (1552 г. октября 2,) заложилъ у Флоровскихъ воротъ храмъ во имя Покрова, который всѣмъ извѣстенъ теперь подъ именемъ Василія Блаженнаго и обращаетъ общее вниманіе своей пестротой и странной, но оригинальной архитектурой.

Въ царствованіе сына Іоанна Грознаго, Θεодора, Москва въ послѣдній разъ испытала нашествіе татаръ въ 1591 году. Но распорядительный правитель Годуновъ, братъ жены царя, не растерялся, не смотря на то, что большая часть войска нашего находилась въ Новгородѣ и Псковѣ. Онъ предоставилъ извѣстнымъ боярамъ защищать Москву, а войско расположилъ въ двухъ верстахъ отъ города, устроивъ тамъ подвижной, дощанный городокъ съ полотняной церковію во имя

св. Сергія, въ которой поставилъ икону, бывшую съ Дмитріемъ Донскимъ въ знаменитой куликовской битвѣ. Цѣлый день пушки гремѣли со стѣнъ кремлевскихъ, битва была упорная, и много татаръ погибло подъ стѣнами московскими; наконецъ Казы-Гирей долженъ былъ прекратить битву и бѣжать изъ Россіи.

Подъ распорядительнымъ правленіемъ Годунова, Москва скоро оправилась отъ этого нашествія. Сдѣлавшись правителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Россіи при слабомъ царѣ Ѳеодорѣ, онъ продолжалъ помогать народу въ его нуждахъ и послѣ страшнаго пожара московскаго, въ 1591 г., выстроилъ на свой счетъ цѣлыя улицы домовъ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ погорѣлыхъ. Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ продолжалъ тѣснить знатныхъ бояръ, въ которыхъ онъ видѣлъ искателей престола, имъ занимаемаго. Но для народа онъ оставался тѣмъ же мягкимъ и благоразумнымъ правителемъ, заботился, чтобы бѣдный классъ не былъ притѣсняемъ богатымъ сословіемъ, облегчилъ подати и хотѣлъ завести народныя школы; но послѣднему воспротивилось духовенство. Будучи самъ хорошо образованъ, онъ заимствовалъ много хорошаго у иностранцевъ и, заботясь постоянно обо всемъ государствѣ, Москвѣ придалъ видъ европейскаго города. «Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями,» говоритъ Карамзинъ, «но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ и менѣе прежняго грязныхъ. Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или три жила, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ ставили лѣтнія спальни и каменные кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане еще жили въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразцовыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ, чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ по изготовленіи кушанья гасить

огонь. Москва, то есть Кремль, Китай, (*) Царевъ или Бѣ-
 лый городъ, новый деревянный, (**) Замоскворѣчье и двор-
 цовыя слободы за Яузю имѣли тогда въ окружности болѣе
 двадцати верстъ. Между слободами за Яузю одна называ-
 лась Нѣмецкою слободою и населялась, кромѣ четырехъ или
 пяти тысячъ воиновъ, служившихъ Θεодору, нѣмцами, зани-
 мавшимися при Иоаннѣ продажею водки и меда. Въ Кремлѣ
 считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе
 четырехсотъ, кромѣ придѣловъ. Отъ пяти тысячъ колоко-
 ловъ шелъ такой гулъ по городу въ праздничные дни, что
 разговаривавшіе не могли слышать другъ друга. Главный
 колоколь, вѣсомъ въ тысячу пудовъ, висѣлъ на деревянной
 колокольнѣ, среди кремлевской площади; въ него звонили,
 когда царь ѣхалъ въ дальній путь, и возвращался въ сто-
 лицу, или принималъ знаменитыхъ иностранцевъ. Китай
 городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною и соеди-
 няемый съ Замоскворѣчемъ мостами: деревяннымъ или жи-
 вымъ и каменнымъ, всего болѣе украшался великолѣпною
 готическою церковью Василя Блаженнаго и гостинымъ дво-
 ромъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ
 продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ
 серебро и проч. На Красной площади лежали огромныя
 пушки. Въ городской же части находились дома богатыхъ
 бояръ, знатныхъ сановниковъ, дворянъ, именитыхъ купцовъ
 и богатый арсеналь или пушечный дворъ. Въ Бѣломъ-го-
 родѣ, названномъ такъ отъ выбѣленныхъ стѣнъ, Литейный
 дворъ, на берегу Неглинной, Посольскій, Литовскій, Армян-
 скій; площади: Конская и Сѣнная, мясной рядъ, дома дѣ-
 тей баярскихъ, людей приказныхъ и купцовъ. Въ деревян-
 номъ городѣ или Скородомѣ, т. е. наскоро выстроенномъ
 въ 1591 году, жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій
 зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга, у самаго дворца

(*) Или Красный городъ обнесенъ былъ рвомъ и стѣной во время правле-
 нія Елены Глинской, матери Иоанна IV.

(**) Стѣны его были построены Θεодоромъ Иоанновичемъ.

косили сѣно, и три сада государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы, одна на устьѣ Неглинной, другая на Яузѣ, представляли сельскую картину. Нѣмецкая слобода и Красное село, гдѣ жило семьсотъ ремесленниковъ, не принадлежали къ городу.

Такова была Москва, когда пронеслась по ней вѣсть, что Дмитрій, сынъ Іоанна Грознаго, живъ и идетъ съ большой ратью на Россію. Годуновъ объявилъ прямо боярамъ, что они подставили самозванца, и не ошибся: воеводы царскіе говорили народу, что трудно воевать противъ природнаго государя и пили на пирахъ за здоровье Димитрія. Народъ не зналъ чему вѣрить и за кого стоять, войско тоже сражалось нерѣшительно и, лишь только узнали о скоропостижной смерти Бориса Годунова, передалось на сторону самозванца, который торжественно въѣхалъ въ Москву 20 іюня 1605 года.

Погубивъ Годунова и все его семейство, бояре думали править государствомъ въ лицѣ поставленнаго ими царя; но Дмитрій окружилъ себя иностранцами и показывалъ явное пренебреженіе къ русскимъ вельможамъ. Этому они не снесли. Шуйскій, Голицынъ и другіе взволновали москвичей, увѣривъ ихъ, что новый царь еретикъ и хочетъ ввести латинскую вѣру въ Россіи. Шуйскій съ своими приверженцами двинулся 17 мая 1606 года къ Кремлю и ворвался въ дворецъ. Дмитрій былъ убитъ.

Съ этихъ поръ начинается самая страшная эпоха для Москвы. Она, съ начала существованія своего, хлопотавшая вмѣстѣ съ князьями своими о соединеніи въ одно цѣлое разьединенныхъ частей Россіи, подпадаетъ подъ вліяніе людей, дѣйствующихъ ради личныхъ своихъ выгодъ; бояре, желавшіе захватить въ свои руки правленіе, играли судьбою всего государства, а Москва помогала имъ. Такъ, они на царство выбрали безъ представителей другихъ городовъ Василія Шуйскаго, потомъ, недовольные его правленіемъ, подняли противъ него народъ во имя новыхъ самозванцевъ и, наконецъ, интригуя другъ противъ друга, и не желая ви-

дѣтъ на престолѣ котораго-нибудь изъ среды своей, рѣшились отдать престолъ московскій сыну короля польскаго. Подъ предлогомъ почетнаго посольства, они отослали къ Сигизмунду самыхъ честныхъ и дѣльныхъ бояръ, во главѣ которыхъ стояли: митрополитъ Филаретъ и Голицынъ. Первый былъ имъ опасенъ какъ отецъ молодаго Михаила Романова, второй самъ имѣлъ права на русскій престолъ. Съ удаленіемъ лучшихъ людей изъ Москвы, оставшіеся бояре стали тайно сноситься съ Сигизмундомъ и впустили поляковъ въ Кремль. Занявъ Москву, поляки стали грубо и жестоко обращаться съ русскими, а бояре продолжали враждовать между собою и выпрашивать себѣ милостей у короля польскаго. Подобно прежнимъ удѣльнымъ князьямъ, бояре хлопотали только о своихъ мелкихъ интересахъ, не думали о народѣ и готовы были продать полякамъ свою родину. Одинъ патриархъ Гермогенъ, по примѣру прежнихъ московскихъ святителей, крѣпко стоялъ за спокойствіе всего государства и за вѣру православную. Онъ, не смотря на угрозы Салтыкова, не подписалъ грамоты, въ которой бояре предписывали посламъ отдаться безусловно на волю Сигизмунда, за что и былъ посаженъ подъ стражу. Но, по счастью, не все жители Москвы забыли, что они русскіе. Какъ только подступилъ Ляпуновъ съ войскомъ къ Москвѣ, простой народъ безъ оружія сталъ биться съ поляками. Послѣдніе спаслись только пожаромъ города, который они зажгли въ разныхъ мѣстахъ. Вся почти Москва сгорѣла, уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ.

Въ это время въ разныхъ концахъ Россіи читались плачевныя грамоты разоренныхъ и угнетаемыхъ городовъ, отовсюду слышались неудовольствія на бояръ, желаніе идти очистить Москву отъ враговъ общихъ, и наконецъ, нижегородцы поднялись первые. Воодушевляемые Мининымъ, поддерживаемые грамотами духовенства, предводительствуемые искуснымъ полководцемъ, княземъ Пожарскимъ, они двинулись къ Москвѣ. Испуганные этою вѣстью, поляки послали бояръ уговаривать патриарха запретить нижегород-

цать идти далѣе; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!»

Ободренный примѣромъ нижегородцевъ, народъ русскій сталъ стекаться подъ знамена Пожарскаго, вытѣснилъ поляковъ изъ Москвы и приступилъ къ избранію царя.

Это было дѣломъ уже не одной Москвы, какъ при избраніи Шуйскаго, а большая часть областей прислала своихъ представителей, и Михаилъ Феодоровичъ Романовъ былъ избранъ сообща на русскій престолъ. Избавленная отъ крамоль боярскихъ, Москва является опять тѣмъ, чѣмъ была до Дмитрія, и съ юнымъ царемъ своимъ продолжаетъ трудиться и собирать для всего народа русскаго: она вмѣстѣ съ Михаиломъ присутствуетъ при казни врага спокойствія—Заруцкаго, умиряетъ казаковъ, борется съ поляками и шведами за русскія области.

Послѣ окончанія войны съ поляками, возвращенный изъ плѣна, Филаретъ Никитичъ былъ сдѣланъ патріархомъ и сталъ, вмѣстѣ съ молодымъ государемъ, заботиться объ устройствѣ государства, которое находилось въ самомъ плачевномъ состояніи, а Москва была выжжена поляками: Китай, Бѣлый и Земляной городъ были превращены въ пепель, все сгорѣло, кромѣ внутреннихъ строеній Кремля и слободъ за Яузою. Но, хотя Кремль не былъ выжженъ поляками, за то зданія были совершенно разорены и ограблены ими: золотая Царская и другія палаты остались безъ крышъ, половъ, лавокъ, дверей и оконъ. Храмы до того были разорены, что въ нихъ нельзя было служить. Михаилъ Феодоровичъ велѣлъ строить каменные дома вмѣсто деревянныхъ и завести богадѣльни при церквахъ и монастыряхъ. Тоже дѣлалъ и Алексѣй Михайловичъ. Но съ Петра Великаго Москва начинаетъ утрачивать свое значеніе какъ столица всей Россіи.

Государь, не находя сочувствія къ преобразованіямъ въ своей столицѣ, оставилъ ея каменные дворцы и палаты и перешелъ жить со всѣмъ дворомъ въ плохо выстроенный

деревянный дворецъ Петербурга, города безъ прошедшаго, но съ сильной надеждой на будущее. Оставивъ Москву, Петръ все таки заботился о древней столицѣ московскихъ государей. Отъ частыхъ пожаровъ появились опять скоромы, то есть неправильные, наскоро выстроенные дома, которые портили размѣръ улицъ не только Бѣлаго города, но самыхъ аристократическихъ частей города Москвы, какъ Китая — города и Кремля, въ которыхъ снова тѣснились шалаши, мазанки и печуры; беспорядокъ и тѣснота строеній давали пищу новымъ пожарамъ и мѣшали проѣзду экипажей. Петръ велѣлъ снести всѣ эти безобразныя постройки и придать болѣе правильный видъ улицамъ. Въ 1708 году онъ повторилъ указъ строить въ Кремлѣ и Китаѣ каменные зданія людямъ всякихъ чиновъ, а въ 1712 году дозволилъ строить желающимъ на земляхъ, принадлежавшихъ прежде стрѣльцамъ и оставшихся пустыми послѣ казней и выселенія послѣднихъ; также разрѣшилъ онъ въ Москвѣ вольный торгъ кирпичемъ, камнемъ, глиной и известью. Въ июнѣ 1714 года велѣлъ строить каменные дома даже въ земляномъ городѣ и отмѣнилъ этотъ указъ только снисходя къ недостаточности средствъ жителей этой бѣдной части города. Хотя каменные постройки были остановлены имъ въ Москвѣ и по всей Россіи въ концѣ 1714 года, вслѣдствіе недостатка каменщиковъ въ Петербургѣ, но въ 1718 году снова указано имъ строить вновь каменные дома въ Москвѣ, старыя строенія переставить по улицамъ въ линію и передъ домами частныхъ лицъ мостить мостовыя. Петръ же перемѣнилъ старую, тяжелую и грубую архитектуру на новую и удобнѣйшую, а въ 1722 году возобновилъ Кремль и построилъ новый дворецъ на Яузѣ.

Елизавета Петровна любила Москву и пріѣзжала часто жить въ ней, не смотря на то, что въ началѣ царствованія ея оставались ужасные слѣды Троицкаго пожара, испепелившаго въ 1739 году всю Москву до Москвы-рѣчки, и истребившаго въ ней множество древнихъ драгоценныхъ памятниковъ. Въ февралѣ 1742 года, во время коронованія Ели-

заветы, еще было много пепелищъ и пустырей не застроенныхъ, много казенныхъ и частныхъ зданій полуразрушенныхъ. Нѣкоторыя церкви стояли безъ кровлей, главъ и крестовъ, другія обгорѣли снаружи и треснули отъ пожара. Кремлевскія стѣны, имѣвшія лѣстницы, кровли и мосты деревянные, сильно пострадали отъ огня и мѣстами поросли травой и даже деревьями. Вообще видъ Москвы въ это время былъ не блестящъ. Въ Кремль все еще существовали каменные и даже деревянные дома, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, монастырскія подворья и даже кладбища около церквей. Отъ Ивановской колокольни шла каменная ограда съ желѣзными рѣшетками до Архангельскаго собора. Кромѣ каменной стѣны, Кремль былъ обнесенъ бастіонами и рвами. На улицахъ Китая, между великолѣпными и огромными строениями тѣснились опять мазанки съ завалинами и шалаша, покрытые лубьемъ и рогожами, а между каменными рядами находились кабаки, харчевни и выносные очаги. Площади и перекрестки были загромождены телѣжками, въ которыхъ вывозили изъ убогихъ домовъ подкидышей и мертвецовъ. Божедомы, сидя при нихъ, просили прохожихъ пожертвовать на гробы и саваны, да на содержаніе малышей. Тутъ же становились такъ называемые крестовые попы, нанимавшіеся для богослуженія по домашнимъ церквямъ и получившіе свое названіе отъ крестцовъ или перекрестковъ, на которыхъ стояли. Сюда же выводили колодниковъ изъ тюремъ и остроговъ выпрашивать себѣ подаваніе унылымъ и жалобнымъ пѣніемъ. Лобное мѣсто окружено было казенными и частными прилавками и ступенями; ниже его находился кабакъ и большія пушки. Подъ деревяннымъ мостомъ, ведущимъ въ Кремль, гнѣздились мелочные торговцы и нищіе. На Воскресенскомъ мосту стояли по обѣ стороны лавки и шалаша, гдѣ торговали на рогожахъ платьемъ, разной ветошью и желѣзной и оловянной посудой. Ветшавшія стѣны Бѣлаго города еще примыкали однимъ концомъ къ Кремлю, другимъ къ Китай-городу. Но не только въ Земляномъ городѣ, но и въ Бѣломъ — нахо-

дились еще на улицах колодези, кузницы и разныя другія мастерскія. Мѣстами видѣлись деревья, оставшіяся отъ прежнихъ рощей, глубокіе овраги, ручьи, пруды и слѣды болотъ, хотя тутъ находилось 103 церкви, артиллерійскій дворъ, комиссаріатъ и суконная фабрика. Вокругъ Землянаго города лежали предмѣстья съ слободами. Въ слободахъ были построены дворцы, Лефортовскій и Анненгофскій; въ саду послѣдняго находился оперный домъ. За Москвою рѣкою помѣщались загородные дворцы.

Елизавета обнесла Москву землянымъ валомъ и велѣла строить дома по плану. Пожары въ 1748 и 1753 годахъ дали случай расширить улицы и переулки. Для прекращенія пожаровъ, Елизавета велѣла уничтожить шалаши, харчевни и избы, очистить отъ строеній площади, перенести кузницы и мастерскія за городъ. Она возобновила и украсила многія зданія въ Москвѣ и основала тутъ университетъ въ 1755 году, съ двумя гимназіями: Дворянской и Разночинной.

Екатерина тоже немало заботилась объ Москвѣ; она издала въ 1766 году указъ межевать Москву и ея окрестности и велѣла построить разныя городскія зданія въ Кремлѣ, Китаѣ, Бѣломъ и Земляномъ городахъ. Въ 1771 году, послѣ мороваго повѣтрія, она приказала перенести всѣ кладбища за городъ. По плану 1775 года, улицы и площади въ Москвѣ сдѣлались прямѣе и шире. Красная площадь была очищена отъ лавокъ, прилавковъ, шалашей и тому под., и вся эта мелочная торговля перенесена въ Ильинскую улицу. Лобное мѣсто, бывшее прежде изъ кирпичей, перестроено было вновь изъ дикаго камня и остается до сихъ поръ въ этомъ видѣ. Наконецъ Екатерина оказала огромную услугу Москвѣ, велѣвъ провести водопроводы отъ селеній Мытищъ, славящихся своими ключами чистой и свѣжей воды.

Въ 1812 году Москва испытала послѣдній страшный погромъ. Вотъ какъ очевидцы рассказываютъ о занятіи Москвы французами. «Со взятія Смоленска (занятаго На-

полеономъ 6 августа) началось переселеніе русскихъ. Нельзя описать картины появленія въ Москвѣ изгнанныхъ врагами семействъ. Каждый часъ встрѣчались на улицахъ выслыавшіеся изъ Минска, Витебска и др. мѣстъ. Нѣкоторые русскіе чиновники шли пѣшкомъ съ женами и дѣтьми, другіе, выѣхавъ поспѣшно, не находили своихъ близкихъ. Сама Москва пустѣла съ каждымъ часомъ: изъ присутственныхъ мѣстъ, монастырей и церквей вывозили все, что можно было вывезть, не давъ замѣтить народу, что боятся вторженія непріятели. Вмѣстѣ съ выходцами смоленскими, привезенъ былъ въ Москву образъ Смоленскія Божія Матери. 26 августа въ день Бородинской битвы вынесли его изъ Успенскаго собора, чтобы отправить его изъ Москвы въ болѣе надежное мѣсто. Народъ, собравшійся на площадь передъ соборомъ, прикладываясь къ образу, восклицалъ: «И ты, наша заступница, покидаешь насъ!»....

Различные слухи пошли по городу, рождалось какое-то недовѣріе другъ къ другу, даже непріязнь. Болѣе двухъ столѣтій нога непріятели не была въ Москвѣ. — Грустное зрѣлище представляла столица послѣ Бородинской битвы, тысячи повозокъ тянулись съ окровавленными ранеными: лишенными рукъ, ногъ и обезображенными ранами. Москвичи старались всѣми силами помочь этимъ несчастнымъ и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, нисколько не думая, что сами подвергаются опасности. Всѣ были увѣрены, что Москву не выдадутъ врагамъ, и многіе изъ лагеря отправляли сюда свои пожитки. Еще 30 августа московскій градоначальникъ сдѣлалъ воззваніе московскимъ поселянамъ къ защитѣ города, а 31 числа конные чиновники появились изъ Драгомиловской заставы, крича народу: «Спасайтесь!» Все пришло въ смятеніе, военные обозы потянулись по Москвѣ, лавки запирались, улицы и дома пустѣли. Въ обширной Москвѣ нельзя было найти самаго необходимаго, а лошадей нельзя было нанять ни за какія деньги. Оставшіеся жители, припрятавъ все, что у нихъ было подороже, запирались въ домахъ своихъ и только украдкой выгляды-

вали на улицу. По многимъ церквамъ прекратилось богослуженіе, лавки и магазины запирались, все увозилось, а чего нельзя было увезти, закапывали въ землю или закладывали въ стѣны. Настала страшная для жителей ночь, ихъ приводили въ ужасъ вой оставленныхъ, голодныхъ собакъ и неистовые крики арестантовъ. Выпущенные изъ тюремъ и остроговъ, они разбивали кабаки и трактиры и пьяные буйствовали по улицамъ. Тревога распространилась по окружавшимъ Москву селеніямъ: внезапное появленіе по большимъ дорогамъ множества каретъ и разныхъ повозокъ взволновало жителей селъ и деревень; они называли покидавшихъ Москву измѣнниками, а сами, не зная, на что рѣшиться, бѣжали тоже въ лѣсъ.

1 сентября Наполеонъ двинулъ двѣ колонны къ Москвѣ, и нашъ военный совѣтъ рѣшилъ провести русскія войска чрезъ Москву. Повѣстили московское начальство, которое не знало, что дѣлать и какимъ способомъ предупредить оставшихся объ угрожавшей имъ опасности. Въ 11 часовъ вечера Растопчинъ увѣдомилъ только преосвященнаго Августина, что непріятель у самой Москвы, и совѣтовалъ ему поспѣшить удалиться по Владимірской дорогѣ; остальные жители ничего не знали о приближеніи враговъ; даже раненые, которыхъ было до 11 тысячъ, не были вывезены изъ Москвы и погибли отъ голода, холода и жестокости французовъ.....

Въ набатъ бить не рѣшились, и все было тихо въ Москвѣ, когда 2 сентября въ три часа по полудни въ толпѣ русскаго арьергарда, бѣжавшаго отъ Троицкихъ воротъ, раздался крикъ: «Православные, спасайтесь, французы идутъ за нами!» Настало общее смятеніе. Объятые страхомъ, москвичи бросились изъ Кремля къ Москворѣцкому мосту. Собиравшіеся защищаться побросали взятое ими изъ арсенала оружіе и бѣжали вмѣстѣ съ другими. Вскорѣ вѣстовая пушка французовъ повѣстила, что непріятель уже въ Кремль.

Не смотря на безпорядокъ спасавшихся, какая-то то-

мящая тишина господствовала нѣсколько часовъ въ городѣ, точно вступившій непріятель и оставшіеся жители Москвы замерли въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Вдругъ, къ ночи, по темному небу разлилось страшное зарево пожара, загорѣлись: москательный рядъ и гостиный дворъ въ Китай-городѣ, Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ и Винный дворъ за Каменнымъ мостомъ. Пламя, не находя себѣ преградъ, полилось потокомъ изъ улицы въ улицу и обхватило всю Москву. Изъ тучъ клубившагося дыма вылетали огненные языки пламени, раздуваемого сильнымъ вихремъ; горящія головни летали въ воздухъ и, падая на людей и зданія, осыпали ихъ огненнымъ дождемъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что камни мостовой раскалились, и металлы плавилась въ огнѣ. Огонь перешелъ и на Москву-рѣку и уничтожилъ на ней барки и суда съ сѣномъ, хлѣбомъ и дровами. Отъ дыма и жара народъ задыхался по улицамъ и, не зная куда укрыться отъ пламени, спасался въ церкви, рощи, огороды и погреба....

Солдаты русскаго аръегарда, расположившіеся на ночлегъ въ пяти верстахъ отъ Москвы, уныло глядѣли на пылающую Москву, грустно повторяя: «Горитъ матушка Москва, горитъ!»

Наполеонъ, тщетно прождавъ изъявленія покорности русскихъ и ключей города, въѣхалъ наконецъ 3 сентября въ опустѣвшую и пылающую Москву и велѣлъ тотчасъ принять мѣры къ прекращенію пожаровъ, поручилъ управленіе города своимъ приближеннымъ и предписалъ имъ заботиться о продовольствіи войскъ. Но, не смотря на всѣ старанія, французамъ не удалось ни созвать разбѣжавшихся окрестныхъ крестьянъ и жителей города, ни достать какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ. Оставшіеся жители укрывались въ подвалахъ и погребахъ, не появлялись на улицахъ, и городъ казался совершенно пустымъ. Видя, что никакими средствами не можетъ возбудить къ себѣ довѣрія русскихъ и убѣдить ихъ доставлять съѣстные припасы своимъ солдатамъ, Наполеонъ рѣшился принудить ихъ къ

тому силою и 20 человекъ крестьянъ, не соглашавшихся доставлять провіантъ французамъ, были обвинены ими въ зажигательствѣ и разстрѣляны на мѣстѣ нынѣшняго Александровскаго сада. Безъ признаковъ робости подходили несчастные къ роковому столбу, къ которому ихъ привязывали, и, перекрестясь, ожидали покойно своей смерти. Примѣръ этой казни только ожесточилъ оставшихся, и Наполеонъ не зналъ, что предпринять. Войска его, рассчитывавшія на огромную добычу отъ взятія Москвы, погибая отъ голода въ пустыхъ стѣнахъ все еще горѣвшаго города, принялись за грабежъ и разныя безчинства. Начались отвратительныя сцены по всемъ угламъ Москвы. Отъ грабившихъ не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни даже союзникамъ: они отнимали послѣдній кусокъ хлѣба, раздѣляли донага, мужчинъ употребляли вмѣсто вьючныхъ лошадей, заставляя ихъ возить на себѣ разныя тяжести и подгоняя ихъ фухтелями и шомполами. Трескъ горѣвшихъ деревянныхъ домовъ и грохотъ распадавшихся зданій вторилъ воплямъ несчастныхъ жертвъ.

Изъ Москвы успѣли вывезти только Патриаршую соборную ризницу; большая же часть богатствъ церковныхъ оставалась по монастырямъ и церквамъ; французы грабили ихъ и превращали въ казармы, хлѣбныя магазины, конюшни и бойни. Кремль былъ занятъ бивуакомъ, большіе образы употреблялись вмѣсто кроватей и дровъ, церковная утварь — вмѣсто посуды, а изъ ризъ французы дѣлали себѣ одежду и одѣяла.

Мародеры разбрелись по окрестнымъ селеніямъ и грабили народъ, который сталъ наконецъ отбиваться: не только мужики, но и бабы вооружились дубинами, косами и цѣпами. Казаки, гоняясь за французами, врывались даже въ улицы Москвы.

Видя, что невозможно оставаться на зимнихъ квартирахъ въ Москвѣ, и получивъ вѣсть о пораженіи своихъ войскъ, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы 7 октября въ пять часовъ утра, приказавъ Мортье взорвать Кремль, въ зданія

котораго было натаскано много разныхъ горючихъ матеріаловъ. Но французамъ удалось взорвать только немногія строенія: Филаретовскую и Среднюю колокольни и Рождественскую церковь, причемъ высокая колокольня Ивана Великаго треснула, и одинъ изъ самыхъ большихъ ея колоколовъ сорвался и разбился. Груды камней завалили всю Ивановскую площадь. Кромѣ того былъ взорванъ арсеналь и сожженъ императорскій дворецъ. Два дня длились пожары послѣ выхода непріятели и наконецъ угасли, не находя себѣ пищи среди выжженныхъ пустырей. Казалось, долго не оправится Москва послѣ такого погрома, но вышло иначе, и въ 1813 году праздновали уже освященіе Кремлевскихъ зданій, при отдѣлкѣ которыхъ придерживались прежняго ихъ стили. Воскресла Москва, похорошѣла, застроилась многими зданіями, расширила свои улицы, продолжаетъ пользоваться почетомъ. Государи наши коронуются въ ея Успенскомъ соборѣ и являются по попрежнему народу на знаменитомъ Красномъ крыльцѣ; но прежняго своего мѣста Москва все-таки не могла занять и остается на второмъ планѣ, уступая первенство Петербургу, не знающему азіатскихъ привычекъ и зорко глядящему на Европу въ окно, прорубленное Петромъ Великимъ. Но почему же Москва сохраняетъ названіе сердца Россіи? Мы, привыкшіе повторять изрѣченія мудрецовъ, не только не усвоивъ ихъ мысли, но часто даже не понявъ всей глубины ея, повторяемъ и это сравненіе, не придавая ему большаго значенія, между тѣмъ какъ трудно подобрать что-нибудь болѣе подходящее для опредѣленія Москвы. Не говоря уже о прежнихъ ея заслугахъ, о которыхъ мы только что упомянули въ нашемъ краткомъ очеркѣ, о томъ времени, когда каждое движеніе въ нашемъ отечествѣ заставляло биться это сердце отъ радостныхъ или горестныхъ ощущеній, сравненіе это вѣрно до сихъ поръ, въ отношеніи ея фабричныхъ производствъ и торговли. Москва составляетъ центръ нашей торговли, какъ сердце—центръ нашего кровообращенія. Какъ къ сердцу вѣны доставляютъ

кровь, которая, пройдя черезъ легкія и получивъ надлежащій цвѣтъ, расходится по артеріямъ для питанія всѣхъ частей тѣла и поддержанія жизненныхъ силъ въ человѣкѣ, такъ и къ Москвѣ всѣ наши губерніи шлютъ большую часть своихъ необработанныхъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы та, обработавъ ихъ, разослала снова по всѣмъ городамъ и селеніямъ.

Начиная съ XIV столѣтія, Москва была уже важнымъ торговымъ городомъ и главнымъ складочнымъ мѣстомъ внутреннихъ произведеній и иностранныхъ товаровъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ Великимъ—союзникомъ Ганзы, вела торговлю съ Литвою, Польшею, Царь-градомъ, Азовомъ и даже съ Азіей, посредствомъ татарскихъ купцовъ. Торговля съ татарами не всегда была безопасна, но не смотря на это, русскіе постоянно торговали съ ними, доставляя татарамъ европейскія шерстяныя матеріи, а отъ нихъ получая лошадей. Венеціанецъ Барбаро говоритъ, что русскіе въ XV вѣкѣ посылали свои суда по Волгѣ въ Астрахань за солью. Въ концѣ XV вѣка, въ царствованіе Іоанна III, между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествія эти были очень затруднительны по недостатку пристанища, продовольствія и по частымъ разбоямъ, а потому купцы старались везти свои товары въ то время, когда астраханскій царь посылалъ подарки великому князю Московскому. Съ этимъ посольствомъ ежегодно отправлялись до 300 русскихъ и восточныхъ купцовъ съ товарами, а татары гнали за караваномъ цѣлыя стада лошадей. Лошадей этихъ вели татары не только для продажи, но кормились ими на пути, такъ какъ они не брали съ собою хлѣба. Путь каравана шелъ на Рязань и Коломну. По словамъ венеціанскаго посла Кантарини, дороги почти тутъ не существовало, негдѣ было укрыться отъ дождя или зноя и путникамъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, ограждаясь повозками въ видѣ укрѣпленія. Въ этой безбрежной пустынѣ путешественники не встрѣчали ничего, кромѣ верблюдовъ, растерянныхъ лошадей и татаръ съ повозками.

Вообще пути сообщенія въ Россіи находились въ самомъ дурномъ состояніи, и какъ трудны были переходы на востокъ, вслѣдствіе пустынной мѣстности, такъ на сѣверѣ служили препятствіемъ густые лѣса и топкія болота. По словамъ Павла Ювія, Россія XVI стол. представляла непреодолимыя препятствія лѣтомъ по причинѣ грязи и дурныхъ дорогъ: весной отъ таянія снѣговъ, поля превращались въ болота, и лужи часто стояли до осени. Одна изъ главныхъ торговыхъ дорогъ, изъ Новгорода въ Иванъ - городъ, шла по узкимъ невыносимымъ тропинкамъ, среди лѣсовъ и степей; не было ни гостинницъ, никакого пріюта для путешественниковъ. Не лучше была и дорога отъ Новгорода къ Москвѣ, а путь изъ Москвы въ Литву на Смоленскъ былъ непроходимъ лѣтомъ, такъ что одна только дорога изъ Пскова въ Ригу была нѣсколько удобнѣе и населеннѣе. Этого достаточно, чтобы понять, почему наша торговля шла успешнѣе зимою и отчего преимущественно въ это время сѣзжалось въ XV столѣтіи въ Москву множество купцовъ изъ Польши и Германіи для покупки мѣховъ, — товара, занимавшаго первое мѣсто между вывозными товарами московскаго государства.

Въ XV столѣт. въ Россіи было три торговые пункта: чрезъ Новгородъ и Псковъ шла торговля съ Ганзейскими городами; чрезъ Кіевъ привозились товары: Персія, Индіи, Аравіи и Сиріи; чрезъ Нижній-Новгородъ было сообщеніе съ Астраханью, которая вела торговлю съ Сибирью, Хивой и Бухарой.

Когда въ концѣ XV вѣка московскіе государи, освободясь отъ татарскаго ига, сдѣлались самостоятельными и присоединили къ своимъ владѣніямъ Новгородъ и Псковъ, то Москва стала средоточіемъ обширной заграничной торговли, а въ 1488 году вся почти торговля разореннаго Новгорода перешла въ Москву, потому что Іоаннъ III выселилъ въ Москву, Владиміръ и другіе города, около 18,000 самыхъ богатыхъ семействъ Новгорода и захватилъ товаръ у 50 ганзейскихъ купцовъ. Съ этихъ поръ Москва вступаетъ въ

прямые сношения съ Ганзою чрезъ Нарву и Лифляндію и въ половинѣ XVI столѣт. лавки обширнаго московскаго каменнаго гостинаго двора поражали иностранцевъ разнообразіемъ и богатствомъ своихъ товаровъ. Несмотря на широкіе размѣры торговли, не все иностранцы въ XVI вѣкѣ пользовались правомъ торговать въ Москвѣ и обязаны были показывать все привозимые ими товары чиновникамъ, которые отбирали все лучшее въ казну, платя купцамъ по цѣнамъ мѣста отправки ихъ, что было очень не выгодно для нихъ, такъ какъ они большею частью продавали свои товары втрое дороже въ Россіи. Во второй половинѣ XVI вѣка, чрезъ покореніе Казани и Астрахани, русскіе стали торговать непосредственно съ Хивою и Бухарою, и Москва стала средоточіемъ азіатской торговли, а съ открытіемъ Вѣломорскаго порта, вошла въ прямые сношенія съ англичанами, которые тщетно пытались захватить всю торговлю Россіи въ свои руки. Іоаннъ IV дозволилъ имъ торговать только въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ внутреннихъ городахъ, а въ Казань и Астрахань они не могли ходить безъ особеннаго царскаго дозволенія. При царѣ Феодорѣ, Борисъ Годуновъ дозволилъ англійской компаніи продолжать торгъ беспошлинно оптомъ, и дозволилъ имъ держать подворья въ Москвѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Вологдѣ и у морской пристани. Вступивъ на престолъ, онъ продолжалъ оказывать покровительство англичанамъ, но не давалъ имъ большихъ льготъ передъ другими иностранными торговцами, такъ что голландцы, не смотря на все происки англичанъ, пользовались при немъ значительными правами и, хотя устье Сѣверной Двины находилось еще исключительно въ рукахъ англичанъ, торговали вмѣстѣ съ фламандцами и датчанами чрезъ Ревель, Ригу и Дерптъ. Въ XVII вѣкѣ Вѣломорскій портъ сталъ открытъ и для другихъ иностранцевъ, и въ Архангельскѣ приходило ежегодно отъ тридцати до сорока англійскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ; бременскихъ и другихъ иностранныхъ кораблей.

Въ этомъ же столѣтіи русскіе, чрезъ покореніе Сибири,

вошли въ торговыя сношенія съ китайцами. Главный пунктъ этой торговли былъ Тобольскъ, потому что китайцамъ не позволено было ѣздить въ европейскую Россію. Часть вымѣненныхъ или купленныхъ у китайцевъ товаровъ отправлялась въ Москву; другая, чрезъ Архангельскъ, за границу.

Вообще Москва была средоточіемъ всей торговой дѣятельности Россіи. Значеніе ея еще увеличивалось тѣмъ, что само правительство занималось торговыми операціями: самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, современникъ Алексѣя Михайловича, былъ первый купецъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорчатые товары, металлическія вещи, всякія драгоцѣнности, словомъ, все, что европейцы привозили лучшаго въ Россію. Русскіе купцы обязаны были туда же доставлять лучшіе сибирскіе мѣха, моржевую кость и другіе дорогіе продукты сѣвера. Изъ своихъ сокровищницъ цари жаловали приближенныхъ и продавали товары своимъ подданнымъ и иностранцамъ. Въ Москвѣ жили знатные и богатые бояре, слѣдовательно, большая часть привезенныхъ товаровъ сбывалась въ столицѣ. Изъ Москвы отправлялись въ провинцію на службу важные сановники и дѣлали передъ отъѣздомъ разныя закупки. Въ Москвѣ жили богатѣйшіе оптовые торговцы, гости и гостиные люди, а потому значительная часть вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ собиралась здѣсь для отправки къ Архангельскому порту.

Сильное стремленіе князей московскихъ соединить вокругъ Москвы раздѣленные части Россіи отразилось и на торговлѣ. Вся торговля Россіи управлялась Москвою, которая давала ей вѣсь, мѣру, монету и направленіе. Московскіе купцы и торговые люди были ближе къ правительству, чѣмъ торговцы другихъ городовъ, вслѣдствіе чего переходъ въ московскіе купцы считался почетнымъ, и согласіе на это правительства принималось за милость.

Круглый годъ велась дѣятельная торговля въ Москвѣ, но особенно она оживлялась зимой, послѣ привоза свѣжихъ заграничныхъ товаровъ изъ Архангельска. Греки, персы,

армяне, шведы, поляки, англичане и другіе иностранные купцы посѣщали столицу, а нѣмцы составляли даже значительную часть ея народонаселенія. Вслѣдствіе мѣноваго характера нашей торговли, въ Москвѣ можно было купить произведенія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи и т. д. почти за ту же цѣну, какъ на мѣстѣ ихъ производства. Всюду въ Москвѣ встрѣчались лавки и для каждаго рода товаровъ были тутъ особенные ряды и рынки. Весь Китай-городъ, обнесенный красною стѣною, наполненъ былъ однѣми лавками, большею частью каменными. Однѣ изъ нихъ, принадлежа казнѣ, отдавались въ аренду, другими владѣли частныя лица.

Въ Москвѣ находилось три большихъ гостиныхъ двора: Старый, Новый и Персидскій. Новымъ дворомъ называлось большое каменное четырехъ-угольное зданіе въ два этажа, выстроенное Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году. Верхъ и низъ этого зданія заняты были лавками, а въ срединѣ находился большой дворъ, занимавшій почти четыре квадратныхъ сажени. Дворъ этотъ игралъ роль биржи и торговые люди сходились сюда для разныхъ сдѣлокъ. Тутъ помѣщались огромные городскіе вѣсы и зимою трудно было пробраться между санями, наполненными товарами, загромадившими весь дворъ. Лавки этого двора принадлежали казнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были заняты товаромъ, принадлежавшимъ государю, и открывались только въ извѣстные дни, другія отдавались отъ казны въ оброчное содержаніе по 18 и 25 рублей въ годъ. Старый гостиный дворъ, тоже казенный, не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ новый, вслѣдствіе чего лавки его отдавались казною дешевле первыхъ.

Двѣсти сводообразныхъ лавокъ Персидскаго гостинаго двора были наполнены произведеніями Персіи; въ нихъ торговали: персіяне, армяне и русскіе. Прежде продажа персидскихъ товаровъ принадлежала исключительно казнѣ, но потомъ разрѣшено было торговать ими всѣмъ нашимъ купцамъ.

Кромѣ этихъ большихъ гостиныхъ дворовъ въ Москвѣ на-

ходило еще много другихъ, какъ на примѣръ: шведскій, на берегу рѣки Неглинной; литовскій и армянскій, на Срѣтенской; греческій, у Богоявленскаго монастыря и наконецъ англійскій, у св. Максима Исповѣдника (на Варваркѣ.) Послѣдній существовалъ только до уничтоженія привиллегіи англійской компаніи. Кромѣ этихъ дворовъ, специально предназначенныхъ для торговли, шелъ торгъ и на Посольскомъ дворѣ: въ свитѣ иностранныхъ пословъ пріѣзжали купцы съ товарами и вели торговлю на этомъ дворѣ. Къ этому надо прибавить еще множество рядовъ, устроенныхъ для розничной торговли, потому что въ гостиныхъ дворахъ дозволено было торговать только оптомъ. Ряды эти получили свои названія отъ продаваемыхъ въ нихъ товаровъ и назывались: вѣтошный, охотный, пряничный, птичій, харчевный, крашеный, суконный, свѣчной, житный, мучной и т. д. и помѣщались въ разныхъ частяхъ города. Два послѣднихъ находились въ Царь или Бѣломъ городѣ, гдѣ помѣщались хлѣбники и калачники съ своими мастерскими и казенные питейные дома. Тутъ же продавалось мясо и пригонялся скотъ, назначенный на убой. Всѣ ремесленники, серебряники, мѣдники, скорняки и тому подобные имѣли свои ряды, не были забыты даже продавцы кнутовъ и тростей. Улица отъ персидскаго двора до Москвы-рѣки шла мимо овощнаго ряда, гдѣ торговали всякаго рода овощами, лѣтомъ — въ лавкахъ, а зимою — въ погребахъ; въ концѣ ея находился рыбный рынокъ, тянувшійся къ Москвѣ-рѣкѣ, противъ Козьяго болота. Зимою тутъ лежали груды замороженной рыбы, доставляемой изъ Новгорода, Ярославля, Астрахани и другихъ мѣстъ. Лѣтомъ запахъ тутъ былъ до того нестерпимый, что иностранцы не могли ходить, не зажимая себѣ носа; впрочемъ въ самомъ торговомъ центрѣ Москвы, въ Китай-городѣ, грязь и зловоніе были тоже невыносимы.

Торговая дѣятельность была разлита по всей Москвѣ, рынки ея два раза въ недѣлю (въ базарные дни) кипѣли народомъ; лѣтомъ большой привозъ бывалъ на большомъ рынкѣ, у церкви Василя Блаженнаго, гдѣ происходила про-

сто давка отъ множества собиравшагося тутъ народа. Постоянный торгъ шелъ на Красной площади; тутъ можно было закупить все для домашняго хозяйства, и было даже отведено особое мѣсто для женщинъ, продававшихъ издѣлія домашней работы, а около самаго Кремля мелочные торговцы продавали всякую всячину въ шалашахъ, рундукахъ и т. под. Близъ Красной площади шелъ рядъ винныхъ погребовъ, которыхъ иностранцы насчитывали до двухсотъ; въ нихъ, кромѣ нашего вина и медовъ, продавались и иностранныя вина. Нѣкоторые рынки имѣли свое спеціальное назначеніе: тагъ на Ивановскомъ рынкѣ шелъ торгъ людьми; тутъ продавались плѣнники и совершались подъячими купчія крѣпости: остальные рынки носили названіе продаваемаго на нихъ товара: рыбный, дровяной, хлѣбный, сѣнной, конскій и т. д. На послѣдней площади продавались преимущественно татарскія лошади, которыхъ пригоняли ежегодно въ Москву изъ Астрахани тридцать шесть тысячъ.

Не смотря на благочестіе русскихъ, купцы наши торговали и по праздникамъ, но зато въ полдень лавки ежедневно запирались, и вся Москва спала мертвымъ сномъ, послѣ сытнаго русскаго обѣда. Передъ небольшими лавками торговцы укладывались спать на улицѣ.

Къ Москвѣ шло шесть торговыхъ путей. *Вологодскій* или *архангельскій* шелъ на Вологду, Ярославль, Ростовъ и Переславль; *новгородскій путь* на Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ и Валдай; *поволжскій путь* шелъ Москвою-рѣкою до Коломны, отъ Коломны до Нижняго Окою, и далѣе по Волгѣ; *сибирскій путь* шелъ водою до Соликамска, а оттуда сухимъ путемъ въ Тобольскъ; *смоленскій путь* направлялся въ Литву и Польшу, *украинскій путь* на Кіевъ. По этимъ путямъ доставляли въ Москву фабричныя и колоніальныя товары, иностранныя и сырыя произведенія русскія, и по этимъ же путямъ Москва разсылала товары во всѣ концы Россіи.

Сообщеніе между Москвой и другими городами происхо-

дило посредствомъ ямовъ, то есть небольшихъ селеній, въ дворахъ которыхъ жили ямщики, обязанные содержать извѣстное число лошадей, за что освобождали ихъ отъ прочихъ повинностей и надѣляли участкомъ земли. Ямы эти строились по большимъ дорогамъ отъ важнѣйшихъ пограничныхъ пунктовъ; такихъ селеній при Іоаннѣ Грозномъ было до трехсотъ. Дворы эти ставились на разстояніи 6, 10 и даже 12 миль. Ямскія лошади предназначались собственно для государевыхъ гонцовъ и людей, ѣхавшихъ по службѣ, но ими могли пользоваться частныя лица, только они должны были имѣть видъ изъ приказа и платить прогоны. Обыкновенно ѣздили въ одну лошадь, зимой—въ саняхъ, лѣтомъ—въ небольшой телѣжкѣ. Ызда была очень быстра, особенно зимой. Отъ Архангельска до Вологды ѣздили въ саняхъ восемь сутокъ, отъ Вологды до Москвы пять сутокъ, а изъ Новгорода въ Москву шесть или семь сутокъ.

Съ основаніемъ Петербурга, хотя вся заграничная торговля обратилась къ Петербургскому порту, Москва однако же не потеряла своего коммерческаго значенія, ибо, находясь въ срединѣ самаго населеннаго и промышленнаго края Россіи, сдѣлалась главнымъ складочнымъ мѣстомъ для иностранныхъ товаровъ, которые развозятся изъ нея по внутреннимъ ярмаркамъ и отправляются отсюда даже въ Азію. Изъ Петербурга Москва стала получать европейскія и колоніальныя произведенія. Съ сухопутной границы идутъ къ ней преимущественно мануфактурныя товары, для закупки которыхъ московскіе купцы стали посѣщать лейпцигскія ярмарки. Восточная торговля осталась въ рукахъ московскихъ купцовъ; изъ Турціи и Персіи доставляются въ Москву: шелкъ, хлопчатая бумага, бумажная пряжа, шали и другія тамошнія ткани. Изъ Бухары и Хивы получаютъ: хлопчатая бумага сырцомъ и пряденая, бумажныя ткани, шали и проч. Изъ Китая чрезъ Кяхту: чай, китайка или нанка и шелковыя матеріи. Почти вся кяхтинская и сибирская торговля сосредоточивается въ рукахъ московскихъ

купцовъ, которые отправляютъ въ Сибирь разные товары нужные сибирякамъ и китайцамъ, и закупаютъ сибирскіе мѣха для продажи въ Европѣ, Турцію и Персію, а чай и китайку сбываютъ внутри Россіи.

Обратимся теперь къ фабричной дѣятельности Москвы. Въ исходѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій основались въ Москвѣ и окрестностяхъ первыя суконныя, полотняныя, шелковыя, бумажныя, стеклянныя, фаянсовыя и фарфоровыя фабрики. Петръ I построилъ пушечный дворъ въ Бѣломъ-городѣ и литейный заводъ въ Земляномъ-городѣ. Въ продолженіи XVIII столѣтія развилась и усовершенствовалась въ Москвѣ выдѣлка шелковыхъ, бумажныхъ и набивныхъ тканей, кожевеннаго товара, фаянса, волоченаго и пряденаго золота и серебра, и другихъ произведеній, которыми теперь славятся московскія фабрики

Въ третьемъ и четвертомъ десятилетіяхъ нынѣшняго столѣтія, благодаря охранительной тарифной системѣ, развитіе мануфактурной промышленности Московской губерніи было такъ значительно, что теперь находится въ ней болѣе тысячи значительныхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ вырабатывается издѣлій на сумму около 40 милліоновъ руб. сер., а въ самой Москвѣ до 600 фабрикъ, вырабатывающихъ товару на 20 милліоновъ.

Въ Москвѣ болѣе 90 шерстяныхъ и суконныхъ фабрикъ, на которыя идетъ въ огромномъ количествѣ шерсть, добываемая съ овецъ, верблюдовъ и другихъ домашнихъ животныхъ южной Россіи. Болѣе 70 фабрикъ приготавливаютъ разные шелковыя ткани, на которыя идетъ, кромѣ иностраннаго шелку, весь шелкъ Кавказа. Болѣе 20 кожевенныхъ заводовъ занято выдѣлкою кожъ нашихъ домашнихъ животныхъ: бычачьихъ, бараньихъ, козловыхъ, верблюжьихъ, телячьихъ и тому подобныхъ. Болѣе 50 табачныхъ заводовъ, на которые идетъ табакъ, разводимый въ южной и юго-восточной Россіи.

Фабрики салотопенныя и свѣчныя (болѣе 15) обрабатываютъ сало, доставляемое нашими степными губерніями.

Около 70 фабрикъ занимаются выдѣлкою разныхъ вещей изъ металловъ, получаемыхъ съ нашихъ горныхъ заводовъ. Около пятидесяти изъ нихъ дѣлаютъ мѣдную и накладнаго серебра посуду, булавки, крючки, золоченыя и простыя пуговицы, золоченыя и мишурныя украшенія, позументъ, бахраму, блески, канитель, проволоку и тому подобное.

На 13 заводахъ обрабатываютъ воскъ, идущій изъ южной и средней Россіи. До 20 и болѣе мебельныхъ и до 30 экипажныхъ заведеній потребляютъ не малое количество лѣса, сплавъ котораго идетъ по верхнему теченію Москвы-рѣки. Въ Москву сплавляется одного строеваго лѣса до 2 милліоновъ брусевъ и бревенъ; 10 солодовенныхъ и 8 гончарныхъ заводовъ употребляютъ много ржи и глины. Наконецъ 30 разныхъ фабрикъ употребляютъ въ дѣло различные матеріалы, доставляемые нашими внутренними губерніями, напримѣръ: ленъ, пеньку, горчицу, картофель, поташъ, различное тряпье, кости и т. д.

Кромѣ этихъ фабрикъ, занимающихся преимущественно обработкой внутреннихъ произведеній Россіи, въ Москвѣ находится около 170 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, 14 заведеній приготавливаютъ помаду и духи, болѣе 10 дѣлаютъ рояли, фортепяно и органы, болѣе 10 заняты химическимъ и до 25 часовымъ производствомъ.

Такое огромное количество фабрикъ значительно увеличиваетъ народонаселеніе Москвы: въ ней около 40 тысячъ фабричныхъ, и 30 тысячъ ремесленниковъ, что составляетъ нѣсколько болѣе 5 части всего ея народонаселенія, такъ какъ по отчетамъ 1867 года показано въ Москвѣ 368,103 жителя. Огромное это народонаселеніе требуетъ множество съѣстныхъ припасовъ, которыми не могутъ снабжать ее одни ея уѣзды, не отличающіеся особеннымъ плодородіемъ, и въ Московскую губернію идетъ огромный сбытъ продуктовъ нашихъ плодородныхъ губерній. Однихъ быковъ пригоняется въ Москву изъ Воронежской губерніи и Земли Донскаго войска до 100 тысячъ головъ. Полтавская губернія и Земля Донскаго войска доставляютъ въ нее 20 ты-

сячь барановъ. Кромѣ того зимой привозится до 500 тысячъ пудовъ мерзлаго мяса и множество разной живности, доставляемой губерніями: Нижегородской, Рязанской и Тульской. Рыба съ Оки, Волги и Дона получается водою и сухимъ путемъ болѣе чѣмъ до 250 тысячъ пудовъ. Постнаго коноплянаго масла доставляетъ преимущественно Орловская губернія, болѣе ста тысячъ пудовъ. Соли привозится съ Нижегородской пристани до 600 тысячъ пудовъ. Изъ петербургскихъ заводовъ сахару 300 тысячъ пудовъ. Иностранныя вина идутъ изъ Петербурга, а крымскія съ Нижегородской пристани.

Все это, разумѣется, не уничтожается одной Москвой: быковъ отправляютъ отсюда въ Петербургъ, болѣе 20 тысячъ головъ, сахаръ идетъ въ другія губерніи чрезъ Москву, а для чая, котораго привозится до 50 тысячъ ящиковъ, Москва давно служить складочнымъ мѣстомъ.

Устройство желѣзныхъ дорогъ усилило торговую дѣятельность Москвы и пророчить ей прочную и блестящую будущность. Чрезъ нихъ она приблизилась къ Петербургу и Западной Европѣ, и продолжаетъ болѣе и болѣе соединяться со всѣми отдаленными частями Россіи, интересы которыхъ все сильнѣе соединяются съ ея интересами. Отъ Москвы идетъ 5 желѣзныхъ дорогъ: на сѣверо-западъ Николаевская. На сѣверъ отъ Москвы строится Ярославская дорога. На сѣверо-востокъ проведена Нижегородская и строится Шуйско-ивановская. На югъ:—Воронежская и Курская. Воронежская дойдетъ до Азовскаго моря, а Курская чрезъ Кіевъ и Одессу до Чернаго моря съ вѣтвью къ Австрійской границѣ.

Такимъ образомъ Москва въ скоромъ времени сдѣлается средоточіемъ всѣхъ нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, посредствомъ которыхъ она войдетъ въ прямыя сношенія съ самыми отдаленными странами Россіи, Востока и Запада, и тогда вполнѣ исполнится ея настоящее значеніе— быть посредницей между рынками Европы и Азіи.

Какъ же послѣ этого назвать Москву, какъ не сердцемъ Россіи!

Прошло болѣе семи столѣтій, а Москва остается все тѣмъ же своеобразнымъ, чисто русскимъ городомъ съ своими кривыми улицами, затѣйливыми домами и множествомъ церквей, часовень и колоколенъ, съ колоколами всевозможныхъ размѣровъ и голосовъ, которые такъ удивляютъ пріѣзжихъ иностранцевъ. Откуда бы вы ни посмотрѣли на Москву, прежде всего васъ поразитъ въ ней безчисленное множество церквей съ позолоченными, посеребряными, зелеными, голубыми и разноцвѣтными куполами самаго разнообразнаго вида. Самыя церкви отличаются не менѣе разнообразной архитектурой. Тутъ вы встрѣтите всевозможныя: и квадратную, и овальную, и круглую.... и все это выкрашено самыми яркими цвѣтами: свѣтлоголубымъ, зеленымъ или украшено пестрыми фресками огромныхъ размѣровъ. Между этими, господствующими своей высотой и размѣрами зданіями тѣснится каменная и деревянная стройка всевозможной архитектуры, носящей на себѣ большую часть отпечатокъ барской прихоти и желанія щегольнуть какими-нибудь колоннами, фронтономъ или портикомъ въ древнегреческомъ вкусѣ, не разбирая, на сколько это вяжется съ остальнымъ зданіемъ; и часто изъ-за портика съ бѣлыми колоннами выглядываетъ домъ, выкрашенный красной краской или деревянный домишко съ зелеными ставнями. Но такъ какъ все это окружено садами, дворами и даже огородами, то представляетъ издали живую и разнообразную картину. За каменной стѣной съ бойницами расположенъ Кремль съ его общенародными зданіями; а подлѣ него, отдѣленный только Красной площадью, помѣщается чисто торговый Китай-городъ, огромный гостиный дворъ котораго ясно указываетъ назначеніе торговой Москвы. Купечество скупило и большую часть домовъ отживающаго свой вѣкъ барства, нѣкогда кичливо строившагося въ Бѣломъ-городѣ, опоясывающемъ Кремль съ Китай-городомъ. Далѣе, отдѣленный широкимъ бульваромъ, тянется Земляной-городъ съ

своими незавидными, большею частью, одно-этажными строениями, а тамъ далѣе пойдутъ пустыри и рощи съ довольно большими прудами. Всюду просторъ, зелень, говорящія о непривычкѣ и неумѣньѣ москвичей стѣснять себя въ чемъ бы то ни было.

«Раскинулась и растянулась Москва, говоритъ В. Бѣлинскій, кажется куда огромный городъ! А походите по ней и вы увидите, что ея обширности много способствуютъ длинныя, предлинныя заборы. Огромныхъ зданій въ ней нѣтъ: самыя большіе дома не то чтобы малы, да и не то чтобы велики были и не щеголяютъ архитектурнымъ достоинствомъ. Въ архитектуру ихъ вмѣшался гений древняго Московскаго царства, который остался вѣренъ своему стремленію къ семейному удобству. Стоитъ часъ походить по кривымъ и косымъ улицамъ Москвы, и вы тотчасъ же замѣтите, что это городъ патриархальной семейности: дома стоятъ особнякомъ, почти при каждомъ есть довольно обширный дворъ, поросшій травой и окруженный службами. Самый бѣдный москвичъ, если онъ женатъ, не можетъ обойтись безъ погреба и, при наймѣ квартиры, болѣе заботится о погребѣ, въ которомъ будутъ храниться его съѣстные припасы, нежели о комнатахъ, въ которыхъ онъ будетъ жить. Нерѣдко у самаго бѣднаго женатаго москвича является мечта: когда-нибудь перестать *шататься* по квартирамъ и зажить своимъ домкомъ. И вотъ, съ горемъ по поламъ, призвавъ на помощь родное «авось,» покупаетъ онъ или нанимаетъ на извѣстное число лѣтъ пустопорожнее мѣсто въ какомъ-нибудь захолустѣ и, лѣтъ пять, а иногда и десять, строитъ домишко о трехъ окнахъ, покупая матеріалы то въ долгъ, то по случаю, изворачиваясь такъ и сякъ. И наконецъ наступаетъ вождеденный день переѣзда въ собственный домъ. Домишко плохъ, да за то свой, и притомъ съ дворомъ, стало быть, можно куръ водить и теленка есть гдѣ пасти; но главное при домишкѣ есть погребъ, чего же болѣе? Такихъ домишекъ въ Москвѣ безчисленное множество, и они

то способствуютъ къ ея обширности, если не къ ея великолѣпю. Мудрено ли послѣ того, что принцу де-Линь показалась Москва не городомъ; а сборищемъ четырехъ сотъ или пяти сотъ замковъ съ окружающими ихъ деревнями. Домишки эти попадаются на лучшихъ улицахъ Москвы, между лучшими домами; также какъ каменные большіе дома попадаютъ въ самыхъ отдаленныхъ и плохихъ улицахъ. Для русскаго, который родился и жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, Москва точно также изумительна, какъ и для иностранца, и, въѣзжая въ первый разъ въ Москву, онъ въѣдетъ въ новый для него міръ. Тщетно будетъ онъ искать главной или лучшей московской улицы, которую могъ бы онъ сравнить съ Невскимъ проспектомъ Петербурга. Ему покажутъ Тверскую, и онъ съ изумленіемъ увидитъ себя посреди кривой и узкой, по горѣ тянущейся улицѣ, съ небольшою площадкой, прилегающей къ ней съ одной стороны; самый огромный и красивый домъ, который считался бы въ Петербургѣ весьма скромнымъ въ отношеніи величины и изящества. Съ страннымъ чувствомъ увидѣлъ бы онъ, привышій къ прямымъ линіямъ и угламъ, что одинъ домъ выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ на улицу, какъ будто для того, чтобы посмотреть, что дѣлается; а другой отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ будто изъ спѣси или изъ скромности, смотря по его наружности; что между двумя довольно большими домами скромно и уютно помѣстился ветхій деревянный домишко и, прислонившись боковыми стѣнами своими къ стѣнамъ сосѣднихъ домовъ, кажется, не нарадуются тому, что онъ не даютъ ему упасть и защищаютъ отъ снѣга и дождя; что, подлѣ великолѣпнаго моднаго магазина, лѣпится крохотная табачная лавочка или грязная харчевня, или таковая же распивная. И еще болѣе удивился бы нашъ петербуржецъ, почувствовавъ, что въ странномъ гротескѣ этой улицы есть своя красота. Все тоже встрѣтилъ бы онъ и на Кузнецкомъ Мосту, за исключеніемъ деревянныхъ домишекъ, вмѣсто которыхъ онъ увидѣлъ бы каменные дома съ модными, до того миниатюрны-

ми магазинами, что ему пришло бы въ голову: ужъ не захалъ ли онъ въ царство лиллипутовъ.....

Лучшее украшеніе Москвы это ея бульвары, которымъ Петербургъ имѣеть полное право завидовать. Тутъ, то спускаясь подь гору, то подымаясь въ гору, онъ бы увидѣлъ со всѣхъ сторонъ амфитеатры крышъ, перемѣшанныхъ съ зеленью садовъ, и будь при этомъ вмѣсто церкви минареты, счелъ бы себя перенесеннымъ въ какой-нибудь восточный городъ, о которомъ читалъ въ Шехеразадѣ. Многія улицы въ Москвѣ, какъ то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская и обѣ линіи по сторонамъ Тверскаго и Никитинскаго бульваровъ, состоятъ преимущественно изъ *господскихъ* (московское слово) домовъ. И тутъ вы видите больше удобства, чѣмъ огромности или изящества, во всемъ и на всемъ печать семейственности: удобный домъ, обширный, но тѣмъ не мейѣ для одного только семейства, широкой дворъ съ многочисленной дворней въ лѣтніе вечера у воротъ; вездѣ разьединенность, особность; каждый живетъ у себя дома и крѣпко отгораживается отъ сосѣда.

Москва гордится своими историческими древностями, она сама историческая древность и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи! Но, какъ она сама, такъ и ея допетровскія древности представляютъ странное зрѣлище смѣси стараго съ новымъ: отъ Кремля остался одинъ чертежъ, потому что его ежегодно поправляютъ и въ немъ возникаютъ новыя зданія. Духъ новаго вѣетъ и на Москву и стираетъ мало-по-малу ея древній отпечатокъ.»

33. Троицко-Сергіевская Лавра.

«Много монастырей поставлено отъ князей, отъ бояръ и отъ богатства; но, не таковы они, каковы поставленные слезами, пощеніемъ и молитвою.»

Слова летописца.

До XVIII столѣтія монастыри имѣли громадное значеніе въ нашемъ отечествѣ. Монахи являются первыми миссіонерами христіанства въ Россіи. Они борются съ волхвами и

обличаютъ народъ въ остаткахъ язычества. Уважаемый нашъ профессоръ Соловьевъ говоритъ: «Въ людяхъ описываемаго времени (во второй половинѣ XI столѣтія) нетрудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это приобрѣли по праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіево-печерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полуязыческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ, встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли собою высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывались не словомъ, а дѣломъ. Въ стѣнѣ монастырскихъ грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ стѣнахъ монастыря: одинъ ѣстъ черезъ день просфору, носитъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, но вздремнетъ иногда сѣдя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плечи въ землю, чтобы убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью молоть его, чтобы заглушить въ себѣ корыстолюбивые помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, мірянинъ переселялся въ другой, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнесся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Θεодосій (преемникъ основателя Кіево-печерской Лавры, Св. Антонія) поддержалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновеніе съ ве-

дигимъ княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на св. Антонія за расположеніе его къ Всеславу Полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ.»

Владѣя большими участками земли, пожалованными и за вѣщанными нашими князьями и царями, и получая огромные вклады отъ частныхъ лицъ, монастыри раздѣляли свои доходы съ бѣдной и страждущей братіей, для чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были устроены особенные дворы для нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Монастыри обносились обыкновенно крѣпкими стѣнами, служившими убѣжищемъ для окрестныхъ жителей при нападении непріятеля, и монахи часто кормили въ стѣнахъ своихъ цѣлыя населенія деревень. Обиженный бѣднякъ нерѣдко шелъ съ жалобой на неправильный судъ къ какому нибудь весьма уважаемому настоятелю, по просьбѣ котораго судья долженъ былъ перерѣшить дѣло. Помогая народу въ его нуждахъ, монахи заслужили любовь, довѣріе и уваженіе его. Какъ общество уважало духовенство, видно изъ похвальныхъ рѣчей князьямъ нашимъ при ихъ погребеніи: между разными похвальными подвигами князя обыкновенно упоминалось, что онъ почиталъ, снабжалъ и утѣшалъ духовенство. Когда санъ посла не ограждалъ еще вполне его личности отъ смерти или заточенія, то выбирались обыкновенно въ послы лица духовныя, и уваженіе народное къ сану ихъ спасало не рѣдко ихъ отъ смерти. Настоятели монастырей были по большей части люди умные и, по тогдашнему времени, хорошо образованные. Они имѣли постоянныя сношенія съ важными лицами въ государствѣ и съ самыми князьями нашими, которые совѣтовались съ ними въ дѣлахъ своихъ, и нерѣдко видимъ мы иноковъ посредниками въ спорахъ княжескихъ. Отрѣшившись отъ міра и не боясь сильныхъ князей, они часто говорили имъ

горькую правду и укрощали иногда ихъ необузданные характеры.

Монастыри помогали своими богатствами государямъ въ трудное время войны, а сами государи нерѣдко искали успокоенія отъ трудовъ своихъ въ монастырскихъ кельяхъ.

Монахи были первыми нашими писателями, и труды спасавшихся въ Кіево-печерской лаврѣ составляютъ почти всю литературу нашу XI вѣка. Хотя по нѣкоторымъ памятникамъ и видно, что образованіе въ этомъ вѣкѣ стало уже проникать въ высшіе слои нашего общества, но все-таки оно больше всего сосредоточивалось въ лицахъ духовныхъ. Лѣтописи наши велись духовенствомъ, преимущественно монахами; такъ дошли до насъ двѣ сѣверныя лѣтописи: Новгородская и Суздальская, и двѣ южныя: Кіевская и Волынская. И мудрено ли, что лѣтописи удобнѣе всего было писать въ монастыряхъ, когда монахи имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и приобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него; въ монастырь же онъ являлся съ вѣстью объ окончаніи предпріятія. Такъ какъ большею частью духовныя лица отправлялись послами, то имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ, въ которыхъ они участвовали вслѣдствіе своего умѣнія убѣждать словами писанія и хорошаго знанія принятыхъ формъ и умѣнья написать договоръ. Должно предполагать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей.

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства, и духовныя лица имѣли возможность знать подробности отношеній князя къ другимъ князьямъ и къ своимъ подданнымъ. Сопровождая войско, они могли подробно знать о всѣхъ походахъ, и будучи посторонними наблюдателями и находясь между при-

ближенными князя, могли сообщить извѣстія вѣрнѣе, чѣмъ сами ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ.

Монастыри способствовали также развитію торговли въ нашемъ отечествѣ. Народъ, стекаясь въ извѣстный день для поклоненія какой-нибудь чудотворной иконѣ, приносилъ съ собою разныя домашнія произведенія, которыя, разумѣется, хорошо сбывались при многочисленномъ стеченіи народа. Такъ устроились ярмарки: Макарьевская (впослѣдствіи Нижегородская) при Желтоводскомъ монастырѣ, Коренная при Знаменскомъ, около Курска, и другія. Доходы съ подобныхъ ярмарокъ поступали въ монастырь, и въ XVI и XVII столѣтіяхъ монастыри вели обширную торговлю, пользуясь разными преимуществами. Такъ Троицкая лавра получила въ XVI вѣкѣ привиллегію торговать беспошлинно солью и разными другими товарами. Соловецкій монастырь, владѣвшій соляными промыслами, имѣлъ право продавать беспошлинно до 130,000 пудовъ соли въ Казань, Нижній, Москву или промѣнивать ее на хлѣбъ, масло, медъ, сукна, мѣха, овчины, лошадей и тому подобное. Другіе монастыри пользовались правомъ беспошлинно торговать извѣстнымъ количествомъ хлѣба, рыбы, масла, скота и покупать разныя фабричныя производства для монастырскаго обихода.

Во многихъ городахъ и въ разныхъ торговыхъ пунктахъ, напримѣръ, по волокамъ, монастыри имѣли свои подворья, которыя пользовались разными льготами въ торговомъ отношеніи и бывали иногда очень обширны, какъ напримѣръ монастырскій дворъ въ Вологдѣ, который имѣлъ шестьдесятъ сажень въ длину и восемь поперекъ. Монастырскою торговлею занимались довѣренные старцы, купчины, т. е. комиссіонеры и монастырскіе слуги. Наконецъ въ монастыряхъ извѣстны были и разныя искусства: монахи занимались живописью и мозаикою, умѣли и олово лить и церкви покрыть и выбѣлить.

Самыми замѣчательными монастырями были, разумѣется, помѣщавшіеся недалеко отъ столицъ. Такъ до XII столѣтія

была знаменита Кіево-печерская лавра, а потомъ Троицко-Сергіевская.

Основаніе Сергіевского монастыря близъ Москвы было счастливымъ предзнаменованіемъ для Московскаго княжества, постоянно старавшагося стать во главѣ прочихъ княжествъ. Хотя Москва и была столицей и мѣстопребываніемъ митрополитовъ нашихъ, но ей не доставало лавры, которую она могла бы сопоставить пещерамъ древней столицы — Кіева. И вотъ явился Св. Сергій и олицетворилъ въ себѣ Св. Антонія и Феодосія Печерскихъ.

Во время княженія сына Іоанна Калиты, Симеона Гордаго (1340 — 1353,) Стефанъ и Вареоломей, дѣти одного богатаго и знатнаго ростовскаго дворянина, пожелали удалиться отъ мірскихъ заботъ и, найдя для себя удобное мѣсто въ глухомъ лѣсу въ 64 верстахъ отъ Москвы, очистили въ чащѣ небольшое мѣсто и принялись строить себѣ общую келью. Находясь еще въ мірѣ, Вареоломей отличался кротостью, терпѣніемъ, любовію къ родителямъ. Онъ съ юношескихъ лѣтъ желалъ сдѣлаться отшельникомъ, но не рѣшался оставить своихъ старыхъ родителей и жилъ съ ними даже тогда, когда они перешли въ Хотьковъ монастырь, въ которомъ постриглись. Овдовѣвшій братъ Вареоломея, Стефанъ, постригся тоже въ этомъ монастырѣ и когда скончались родители, мощи которыхъ находятся подъ спудомъ въ Хотьковѣ, братья оставили этотъ монастырь и удалились въ пустыню.

Настоящіе труженники, они трудомъ и молитвою желали заглушить въ себѣ всякія грѣховныя побужденія и, работая цѣлые дни и питаясь корками чернаго хлѣба, размоченнаго въ водѣ, они преодолѣли уныніе и страхъ, не разъ овладѣвавшіе ими въ этомъ глухомъ мѣстѣ, окруженномъ на нѣсколько верстъ дремучимъ лѣсомъ, и не только поставили свою келью, но выхлопотали позволеніе у митрополита Θεогноста, поставить маленькую церковь во имя Св. Троицы, которую вскорѣ и соорудили на самой вершинѣ занимаемой ими горы.

Кончивъ постройки, жизнь отшельниковъ стала еще разнообразнѣе; Стефанъ не вынесъ ее и, оставивъ брата, ушелъ жить въ московскій Богоявленскій монастырь. Много испытаній перенесъ Варѳоломей, оставшись одинъ среди дремучаго лѣса, наполненнаго дикими звѣрями. Кругомъ него на цѣлыя десятки верстъ не было никакого жилья и ему часто приходилось бороться съ голодомъ, холодомъ и жаждою; но онъ все преодолѣлъ и, убѣдившись, что можетъ переносить отшельническую жизнь, принялъ на 23 году постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Сергія. Какъ не уединенно жилъ Св. Сергій, но слава о его подвигахъ стала распространяться и много явилось къ нему желающихъ раздѣлить труды его; долго не соглашался Святой принять къ себѣ сподвижниковъ, но наконецъ, склонившись на ихъ мольбы, позволилъ имъ построить себѣ келью и нѣкоторыя кельи срубилъ и поставилъ самъ для братій. Долго мѣсто это сохраняло характеръ пустыни и даже не было проложено пути удобнаго къ жилищамъ отшельниковъ, а вела къ нимъ только одна узкая тропинка.

Братья жили безъ устава, руководствуясь однимъ примѣромъ Святаго. Въ храмѣ ежедневно отправлялись полунощница, утренняя, часы, вечерня и часто еще сходилась туда братія на молитву; литургія же служилась тогда только, когда приходилъ въ монастырь какой нибудь священникъ, такъ какъ между спасавшимися не было іереевъ, а Св. Сергій не считалъ себя достойнымъ принять на себя ни санъ священника, ни игумена. Онъ хотѣлъ оставаться просто однимъ труженикомъ: кололъ самъ дрова для братій, носилъ на своихъ плечахъ на гору воду въ двухъ водоносахъ, готовилъ кушанье, пекъ просфоры, словомъ, исполнялъ всю тяжелую монастырскую работу. Иноки, будучи не въ состояніи убѣдить Св. Сергія принять игуменство и не желая видѣть у себя кого нибудь другаго настоятелемъ, хотѣли разойтись. Страхъ быть причиной уклоненія отъ воздержной жизни заставилъ Св. Сергія принять наконецъ священство и игуменство, и онъ былъ посвященъ въ Переяславль Во-

линскимъ епископомъ Афанасіемъ. Три года игуменства Св. Сергія братія не превышала числа Апостоловъ, а когда одинъ изъ 12 умиралъ или оставлялъ монастырь, то былъ тотчасъ же замѣняемъ вновь поступавшимъ. Это число нарушилъ архимандритъ Симонъ, оставившій свое настоятельство въ Смоленскѣ и пришедшій спасаться въ обитель Св. Сергія. На его деньги соорудили новую церковь, обширнѣе первой, и вскорѣ число братій стало увеличиваться мало по малу и окрестности монастыря заселились земледѣльцами, которые по словамъ Св. Епифанія, «исказиша пустыню и не пощадиша и состиши села и дворы многи.»

Путь къ обителямъ сталъ шире, и скоро проложена была около самаго монастыря большая дорога изъ Москвы въ сѣверные города. Но окрестныя мѣста еще были тагъ дики, что во время преемника Св. Сергія, Преподобнаго Никона (отъ 1392—1428 года) въ нихъ ловили бобровъ по рѣкамъ.

Не смотря на окружавшія монастырь селенія, жизнь спасающихся была очень тяжелая, ибо монастырь не имѣлъ никакихъ доходовъ и существовалъ подаяніемъ. Св. Сергій не позволялъ братіи ходить за сборомъ, не желая, чтобы иноки были въ тягость обществу и жили на чужой счетъ, но, трудясь самъ, заставлялъ и ихъ трудиться. Случалось монахамъ съ игуменомъ не ѣсть по нѣскольку дней, и самъ Св. Сергій работалъ изъ-за куска гнилаго хлѣба и носилъ сермягу всю въ заплатяхъ. За неимѣніемъ воска часто братія сходилась въ церковь при свѣтѣ лучины; нерѣдко недоставало вина для совершенія таинства и еиміама для кажденія, а за недостаткомъ пергамента, книги церковныя писались на березовой корѣ.

Кротость и смиреніе Св. Сергія являлась наружу при всѣхъ важныхъ случаяхъ его жизни; онъ не повѣрилъ, что грамота патріарха константинопольскаго прислана ему, и принялъ ее вмѣстѣ съ присланными: крестомъ, парамономъ и схимой только съ разрѣшенія митрополита Алексѣя. Впоследствии, когда митрополитъ Алексѣй, умирая, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, онъ смиренно отказался, ска-

завъ: «Прости меня, Владыко, я отъ юности моей не былъ златоносцемъ, а въ старости моей хочу въ ниществъ пробыть.» Какъ ни уговаривалъ его митрополитъ и другіе, Святой отклонилъ отъ себя эту почесть. Часто голодавшая братія роптала на Св. Сергія, но онъ переносилъ все съ кротостью и терпѣніемъ, и мало-по-малу довольство водворилось въ его обители, и онъ сталъ дѣлиться съ бѣдными, получавшими пріютъ и пищу въ монастырѣ. Но, удалившись отъ мірскихъ почестей, онъ продолжалъ сочувствовать своему народу и возникающему государству Московскому.

Много есть преданій о помощи, которую онъ подавалъ больнымъ тѣломъ и душою. Не разъ примирялъ онъ враждовавшихъ князей; такъ по порученію Дмитрія Донскаго Св. Сергій ходилъ въ Нижній-Новгородъ съ цѣлью примирить враждовавшихъ братьевъ Бориса и Дмитрія Константиновичей, и склонить ихъ къ повиновенію великому князю, желавшему, чтобы Нижній принадлежалъ старшему, Дмитрію. Не успѣвъ достичь своей цѣли убѣжденіемъ, онъ съ разрѣшенія митрополита велѣлъ прекратить службу въ церквахъ Нижняго и тѣмъ помогъ великому князю смирить неповинующихся князей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ снова оставилъ свое уединеніе и ѣздилъ въ Рязань увѣщевать Олега Рязанскаго прекратить враждебныя отношенія свои къ Дмитрію Донскому. Наконецъ въ самую рѣшительную минуту для Россіи, когда Мамай двинулъ всѣ свои полчища на нашу землю, Св. Сергій убѣдилъ Дмитрія вступить въ бой съ Мамаемъ. «Должно тебѣ, Государь, сказалъ онъ, пещись о врученномъ тебѣ отъ Бога Христоименитомъ стадѣ и съ помощію Его получить побѣду!» Два схимника, бывшіе въ мірѣ воинами и отличавшіеся своею тѣлесною силою, Александръ Пересвѣтъ и Андрей Ослабя были отпущены Св. Сергіемъ въ войско великаго князя, и когда Дмитрій, выступивъ противъ татаръ, былъ смущенъ множествомъ Мамаевыхъ полчищъ и не рѣшался вступить въ бой, то Св. Сергій послалъ ему съ борзоходцемъ въ лагерь хлѣбъ Богородичный и письменное посланіе, въ которомъ

увѣщеваль его не бояться сильнаго врага, а съ Божіей помощію вступить съ нимъ въ бой.

Дмитрій подумаль и велѣль переправляться своимъ войскамъ за Донъ. Это было вечеромъ 7 сентября 1380 года, а утромъ на другой день все было готово къ битвѣ, и до 200,000 русскихъ ратниковъ занимало Куликово поле. Великій князь ѣздилъ по рядамъ войска и ободряль ратниковъ. Но не одно ободреніе княжеское дѣйствовало на нихъ: они знали, что благочестивой и праведной жизни Сергій благословиль его на битву и предрекъ побѣду. Между ними находился воинъ, покрытый схимой, безстрашно глядѣвшій на татарскую рать и готовый во имя Бога пожертвовать собою для спасенія своей родины.

Ободренные благословеніемъ Святителя и примѣромъ своего князя, находившагося въ рядахъ ихъ, наши полки шли рѣшительно и безстрашно на встрѣчу безчисленной татарской рати, толпы которой, какъ туча, густо и тѣсно двигались на нихъ. Наконецъ изъ рядовъ непріятельскихъ отдѣлился огромнаго роста татарскій богатырь, Телебей, и сталъ громко похваляться своею силою и удалію, и вызывать себѣ поединщика. Тогда выступилъ Пересвѣтъ. Онъ былъ нѣкогда бояриномъ Брянскимъ и отличался своимъ мужествомъ; теперь же шлемъ его покрывала схи́ма, возложенная на него с. Сергіемъ. Принявъ благословеніе священника, онъ сѣлъ на боеваго коня и съ громкимъ крикомъ: «Отцы и братія, простите меня грѣшнаго!» во всю лошадиную прыть понесся на татарина. Оба богатыря налетѣли другъ на друга и разомъ ударили въ копыя. Кони отъ сильнаго удара присѣли на заднія ноги, и богатыри оба мертвые свалились на землю. Тогда затрубили трубы, возвѣщая общій бой, и обѣ рати двинулись другъ на друга. Въ то время какъ наши войска мужественно бились съ татарами, св. Сергій стоялъ съ братією на молитвѣ въ своей обители, и утѣшалъ иноковъ, предсказывая побѣду. Преданіе говорить, что онъ называль по имени убіенныхъ и приносилъ молитвы за упокой души ихъ. Такъ народъ вѣрилъ въ сочувствіе святыхъ

иноковъ и дорожилъ молитвами ихъ. Всѣмъ извѣстенъ исходъ Куликовской битвы, многихъ пришлось помянуть св. Сергію, но побѣда осталась за нами, и Дмитрій Донской пріѣхалъ вскорѣ благодарить св. Сергія за помощь, оказанную ему совѣтомъ и воодушевленіемъ войскъ, и далъ монастырю нѣсколько селъ во владѣніе.

Не смотря на дружбу великаго князя, который сдѣлалъ его восприемникомъ двухъ сыновей своихъ, св. Сергій продолжалъ держать себя смиренно, и только любовь его къ родинѣ заставляла его оставлять свои тяжелые труды и являться совѣтникомъ князя. За полгода до своей кончины, онъ передалъ санъ игумена ученику своему, Никону, а самъ проводилъ время въ безмолвіи и уединеніи и тихо скончался въ 1392 году на 78 году своей жизни.

При Никонѣ монастырь былъ опустошенъ Эдигеемъ; но братія спаслась вмѣстѣ съ настоятелемъ своимъ. Вернувшись по удаленіи непріятеля, преподобный Никонъ, съ помощью князя Звенигородскаго, воздвигнулъ новый храмъ во имя св. Троицы, и съ этихъ поръ обитель стала богатѣть и распространяться; государи наши не переставали заботиться о ней, дѣлали дорогіе вклады и ходили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ преподобнаго, открывшихся въ 1422 году, черезъ тридцать лѣтъ, послѣ кончины святаго. Такия путешествія назывались Троицкими походами и совершались не только лѣтомъ, но и зимою и особенно въ дни памяти св. Сергія: 5 іюля и 25 сентября. По дорогѣ цари и царицы собственноручно подавали милостыню нищимъ и дарили народъ.

Не смотря на богатство обители, монахи долго помнили заповѣдь св. Сергія, — сохранять во всемъ воздержаніе, и не выходить ни подъ какимъ предлогомъ за ограду церковную. Такъ, они не могли проводить въ половинѣ XV вѣка епископа Боровскаго Пафнутія, посѣтившаго ихъ, и сохраняли до временъ Іоанна Грознаго обычай не раздѣлять богатой трапезы, которой имъ приходилось угощать у себя именныхъ посѣтителей.

Передъ походомъ въ Казань, Іоаннъ IV обратился съ молитвой къ св. Сергію, и въ рѣшительный часъ битвы, прибылъ къ нему инокъ съ крестомъ, образомъ, святой водой и просфорой. Казань была взята, и Іоаннъ IV сдѣлалъ большія пожертвованія монастырю. — Онъ построилъ церкви во имя Сочествія Св. Духа и Преподобнаго Никона; пожертвовалъ въ Троицкій соборъ серебряную позолоченную раку св. Сергію, образъ живоначальной Троицы въ золотой ризѣ, украшенный драгоценными камнями, золотое блюдо, вѣсомъ въ 18 фунтовъ, и много другихъ драгоценныхъ вещей. Во второй половинѣ XVI вѣка, учреждена была архимандрія въ Троицкомъ монастырѣ. Преемники Грознаго, Феодоръ, а особенно Годуновъ, пожертвовали много драгоценностей монастырю.

Годуновъ украсилъ золотомъ и драгоценными камнями другой, чудотворный образъ св. Троицы, пожертвовалъ богатый покровъ на мощи св. Сергія и разные церковные сосуды, воздухи и т. под.

Кромѣ этихъ вещей, много было вкладовъ и пожертвованій отъ другихъ членовъ царской фамиліи и частныхъ лицъ, многіе монастыри, села и пустоши приписаны были къ Лаврѣ, и доходами съ нихъ пользовался монастырь. Все это составляло огромныя сокровища, которыми такъ сильно хотѣлось овладѣть полякамъ во времена самозванцевъ.

Разбивъ на голову полки, посланные Шуйскимъ ограждать дорогу къ Лаврѣ, — тридцатитысячная армія обложила обитель 23 сентября 1608 года; въ ней находились: поляки, литовцы, русскіе измѣнники, пришедшіе съ Тушинскимъ воровъ, татары, черкесы и казаки. Польскій воевода Сапѣга расположилъ свой станъ съ югозападной стороны монастыря, близъ нынѣшней Дмитровской дороги; Лисовскій — у Терентьевской роши, на берегу рѣчки. Польскіе воеводы писали къ троицкимъ воеводамъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая ихъ къ сдачѣ, обѣщаніями богатыхъ наградъ отъ самозванца и грозя, въ случаѣ сопротивленія, не пощадить никого при взятіи монастыря.

Укрѣпленія обители были не надежны. Еще Феодоръ

Іоанновичъ писалъ въ одной изъ своихъ грамотъ по управленію, что «Городу, то есть укрѣпленію монастыря, безъ подѣлки быть не мочно.» Въ этихъ-то непрочныхъ стѣнахъ, находилось всего до 2,500 человекъ, способныхъ защищаться, считая въ этомъ числѣ всю братію, слугъ монастырскихъ, жителей окрестныхъ селеній, сбѣжавшихся въ монастырь и 609 человекъ подкрѣпленія, присланнаго Шуйскимъ, подъ начальствомъ двухъ воеводъ: князя Долгорукова и Голохвастова. Остальное населеніе монастыря только могло быть въ тягость осажденнымъ: это были старики, дѣти, больные и женщины; между послѣдними находилась жена короля Лифляндскаго Марѳа Владиміровна, дочь князя Старицкаго; Ксенія, дочь Годунова и много другихъ монахинь и клирошанокъ, женъ ратниковъ и поселянъ, искавшихъ убѣжища въ монастырѣ, такъ какъ посады монастырскіе были разорены, по приказанію нашихъ воеводъ, боявшихся, чтобы они не достались въ руки непріятеля. Монастырь не обладалъ большими запасами провизіи, — только одного хлѣба было такъ много, что даже во время осады его вывозили въ Москву; но хлѣбъ этотъ былъ еще въ зернѣ, и мельницы находились за стѣнами монастырскими.

Не смотря на все это, архимандритъ Іосифъ и старцы отвѣчали польскимъ воеводамъ: «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо Православныхъ Христіанъ! Какая польза человеку, возлюбить тьму больше свѣта и предложить ложь на истину? Какъ же намъ оставить вѣчную, святую, истинную свою, Православную, Христіанскую вѣру, Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя Вселенскими Патріархами? или, какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего Государя-Царя и покориться ложному, врагу и вамъ латынѣ иновѣрной? Уподобиться жидамъ или быть еще хуже ихъ!»

Осада началась 3 октября. Стѣны и башни монастыря тряслись отъ залповъ 63 орудій, на нихъ направленныхъ; но вредъ, наносимый ими, былъ ничтоженъ.

Видя, что не такъ легко взять монастырь, непріятель сталъ вести подкопы подъ него, но осаждаемые мѣшали ему частыми вылазками.

13 октября, Сапѣга выступилъ изъ лагеря и двинулъ своихъ на приступъ; но осажденные мужественно встрѣтили напавшихъ и отразили ихъ. На другой день утромъ, они сожгли оставленные непріятелемъ орудія, и всѣ ходили съ образами по стѣнамъ монастырскимъ, благодаря Бога за счастливое избавленіе.

Не смотря на безстрашіе защищавшихся, которые иногда спускались по веревкамъ, чтобы нечаянно нападать на непріятеля, положеніе осажденныхъ было ужасно: каждый возъ сѣна, каждая связка дровъ стоили жизни; — все это приходилось отбивать у непріятеля. Осенью, пока еще было тепло, — толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; а когда начались морозы, то всѣ столпились въ келіяхъ. Отъ тѣсноты, сырости и недостатка свѣжей воды, открылась цынготная болѣзнь въ монастырѣ, истреблявшая иногда до ста человѣкъ въ день. Не было возможности предпринимать вылазокъ съ немногочисленнымъ и истощеннымъ народомъ; изъ Москвы подкрѣпленія присылались рѣдко и то не болѣе ста человѣкъ. Всѣ видѣли невозможность устоять при такихъ обстоятельствахъ, но о сдачѣ не думали, а только еще съ большимъ упованіемъ обращались съ молитвой къ святому Сергію, твердо вѣря, что онъ не оставитъ своей обители. И св. Сергій, вмѣстѣ съ другими святыми, не разъ являлся разнымъ лицамъ въ монастырѣ, поддерживалъ упавшихъ духомъ воиновъ и осажденныхъ и уничтожалъ замыслы измѣнниковъ, желавшихъ предать его обитель врагамъ.

Прошелъ годъ, монастырь все еще былъ окруженъ непріятелемъ; защищавшихся осталось не болѣе двухъ сотъ человѣкъ; на стѣны выходили всѣ, даже женщины; за неимѣніемъ достаточнаго количества снарядовъ, защищались камнями, кипяченой смолой, сѣрой и варомъ. Наконецъ, Скопинъ-Шуйскій, разбивъ непріятеля, 18 октября, при-

сталъ монастырю отрядъ въ девять сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Жеребцова. — Ободренные этою помощью, воины и поселяне съ новой силой стали нападать на непріятеля, и, наконецъ, Сапѣга долженъ былъ отступить 12 января 1610 года, послѣ безуспѣшной шестнадцатимѣсячной осады. Иноки не вѣрили своему избавленію и, только по прошествіи недѣли, рѣшились извѣстить объ этомъ царя. Въ память избавленія, установили ежегодный крестный ходъ по стѣнамъ монастырскимъ. Одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ, при осадѣ, архимандритъ Іосифъ, удалился, по благополучномъ окончаніи ея, въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, гдѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими иноками, при взятіи этого монастыря Самозванцемъ и войсками Сапѣги.

И такъ, когда Суздаль, Владиміръ, Переславль, Ростовъ и другіе сѣверные города охотно или по неволѣ признали Самозванца, Троицкая Лавра не только выдержала сильную и продолжительную осаду, но еще помогала Москвѣ. Такъ по просьбѣ Шуйскаго, келарь Авраамій велѣлъ отпустить изъ троицкихъ, московскихъ запасовъ двѣсти четвертей ржи и продавать ее народу, втрое дешевле противъ стоявшей тамъ цѣны. Еще до осады, — Шуйскій взялъ изъ обители 18,355 рублей и во время осады, Палицынъ снабдилъ его 1,900 рублями. По окончаніи осады, Троицкая Лавра продолжала помогать царю деньгами и сокровищами, не смотря на свое бѣдственное состояніе.

Послѣ Іосифа архимандритомъ Троицкой Лавры былъ кроткій Діонисій, тотъ самый, который, будучи простымъ монахомъ, смиренно отвѣчалъ поносившему его на рынкѣ: «Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, — а сидѣлъ бы въ своей келіи. Прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи.» — Но, въ августѣ 1611 года, нужно было не одно смиреніе монахамъ, — народъ нуждался въ помощи и поддержкѣ, и вотъ Діонисій

являетъ неутомимую дѣятельность: онъ вмѣстѣ съ келаремъ Аврааміемъ разсылаетъ грамоты, въ которыхъ убѣждаетъ народъ: «Постоять за благочестіе и отечество крѣпко и мужественно;» даетъ Ляпунову двѣсти пятьдесятъ чело-вѣкъ слугъ монастырскихъ и стрѣльцовъ, посылаетъ Пожарскому свинець, порохъ и даже снаряды, вынутые изъ осадныхъ орудій монастырскихъ, убѣждаетъ братію и слугъ монастырскихъ служить бѣдствующей братіи, кто чѣмъ можетъ, заводитъ въ подмонастырскихъ слободахъ странно-пріемные дома и больницы.

Братія согласились довольствоваться на трапезѣ овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлѣбъ для раненыхъ. По окрестнымъ лѣсамъ и дорогамъ разосланы были люди, собирать тяжело раненыхъ и приводить въ обитель и погребать мертвыхъ. Женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки больнымъ и саваны мертвымъ. Старецъ Дорофей, келейникъ преподобнаго Діонисія, днемъ и ночью разносилъ отъ него больнымъ и раненымъ платье, полотенца и деньги.

Какъ нуждался народъ въ поддержкѣ нравственной и физической, видно изъ описанія профессора Соловьева о состояніи народа во время втораго самозванца: «Русскіе тушинцы и казаки, пишетъ онъ — не только хладнокровно смотрѣли на поруганіе сана священническаго и иноческаго, — но и сами помогали иновѣрцамъ въ этомъ оскверненіи и поруганіи. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей; медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ; а птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ; искали темноты, — желали скорѣйшаго наступленія ночи, но ночи были ясны: вмѣсто луны, пожарное зарево освѣщало поля и лѣса; охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки. Козаки, если гдѣ не могли

истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали лишадыми; жгли дома, съ неистовствомъ истребля всякую домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкая двери и ворота, чтобы сдѣлать ихъ неспособными къ обитанію. Тушинцы и поляки вносили развратъ въ общество, продавая должности разнымъ недостойнымъ лицамъ, пользовавшимся всеобщимъ безпорядкомъ.»

«Когда Москва была разорена и казаки самозванца свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю, — и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены; у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обесѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдаться и приобщиться, а потомъ умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря и умирали на дорогѣ. Монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими.»

Пособіе всѣмъ страждущимъ и несчастнымъ подавала обитель во все время борьбы нашей съ поляками въ Москвѣ.

Когда Пожарскій медлилъ двинуть своихъ ратниковъ изъ Ярославля, то Діонисій посылалъ къ нему инока за инокомъ, убѣждая идти на поляковъ, и такъ какъ Пожарскій все еще не рѣшался двинуться къ Москвѣ, поѣхалъ къ нему самъ Авраамій келарь и такъ сильно подѣйствовалъ на него своими убѣжденіями, что 14 августа 1612 года, — Пожарскій съ своимъ войскомъ, былъ уже въ Лаврѣ; а 18-го архимандритъ Діонисій, совершивъ молебствіе, благословлялъ его и все христіанское воинство идти на поляковъ, за вѣру и отечество. Келарь Авраамій пошелъ вмѣстѣ съ ними и много содѣйствовалъ къ успѣшному занятію Москвы. Онъ то примирялъ ссорившихся воеводъ, то именемъ святаго Сергія ободрялъ воиновъ въ самой битвѣ, то убѣждалъ казаковъ не покидать войска; а когда казаки, показывая

свое изорванное платье, требовали платы отъ дворянъ, онъ предложилъ имъ послѣднія свои сокровища — священныя ризы. Казаки опомнились, не рѣшились взять облаченія и поклялись не отступать отъ столицы, пока не освободятъ ее отъ иноземцевъ.

Помогая во всемъ освободителямъ отечества, — монахи торжествовали и побѣду съ ними; такъ архимандритъ Діонисій вмѣстѣ съ другими духовными лицами служилъ благодарственный молебенъ на лобномъ мѣстѣ, послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ которомъ обыкновенно останавливались настоятели Троицкой Лавры, Авраамій Палицынъ собиралъ голоса, при избраніи царя земскимъ совѣтомъ. Онъ же повѣстилъ съ лобнаго мѣста народъ о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ къ вновь избранному государю. Проѣзжая въ Москву, царь пробылъ недѣлю въ Троицкой обители, готовясь молитвами къ трудному дѣлу правленія. По ходатайству Діонисія, государь подтвердилъ права монастыря и велѣлъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ вотчинъ монастырскихъ, возвращать на мѣсто.

Вскорѣ обитель оправилась отъ вреда, нанесеннаго ей непріятелемъ: стѣны и башни ея были исправлены, сторѣвшія и разрушенныя келіи перестроены, и приписанныя къ ея владѣніямъ крестьяне стали собираться и понемногу устраиваться.

Между тѣмъ новая опасность готовилась обители: Чаплинскій, идя въ 1618 году на соединеніе съ войсками королевича Владислава, явился 24 сентября подъ стѣнами Лавры; но жители посада и монастырскіе ратники вступили съ нимъ въ бой и вытѣснили его изъ стрѣлцкой слободы. Келарь Авраамій велѣлъ выжечь посады, готовился къ новому приступу, и точно, въ ноябрѣ, королевичъ, отраженный отъ Москвы, со всѣми своими силами двинулся къ монастырю, но не рѣшился напасть на него и вступилъ въ переговоры съ Москвою. 1 декабря, было заключе-

но между Польшей и Россією перемиріе на 14 лѣтъ, въ деревнѣ Деулинѣ, близъ Троицкой Лавры.

Не смотря на пользу, которую принесъ архимандритъ Діонисій своему отечеству,—онъ былъ обвиненъ въ ереси, вслѣдствіе попытки очистить требникъ отъ погрѣшностей, вкравшихся въ него.—Послѣ разныхъ пытокъ и униженій, хотѣли сослать его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но такъ какъ путь къ этому монастырю былъ еще занятъ поляками, то его заточили въ Новоспаскомъ монастырь, и только по возвращеніи митрополита Филарета изъ плѣна, Діонисій оправдался на соборѣ, созванномъ по этому случаю въ Москвѣ, и могъ удалиться въ свою обитель.

Государи продолжали искать въ стѣнахъ монастырскихъ успокоенія, нравственной поддержки, а иногда и защиты. Алексѣй Михайловичъ приносилъ въ обители святаго Сергія благодареніе Богу за побѣду надъ поляками. Правительница Софія, съ царями Іоанномъ и Петромъ, скрылась въ этотъ монастырь, узнавъ о возмущеніи Хованскаго, и пробыла въ немъ полтора мѣсяца, то есть все время смутъ стрѣльцкихъ послѣ казни Хованскихъ.

Петръ Великій два раза искалъ убѣжища въ этой обители: первый разъ вмѣстѣ съ Софьей, когда одинъ изъ стрѣльцовъ чуть не убилъ его въ самомъ алтарѣ одной изъ церквей монастырскихъ; другой разъ,—онъ прискакалъ въ Лавру въ шесть часовъ утра, 8 августа 1689 года, узнавъ о замыслѣ стрѣльцовъ на свою жизнь. Усталый и разстроенный, семнадцатилѣтній Петръ бросился на постель, какъ только вошелъ въ свои покои, и, заливаясь слезами, рассказалъ прибѣжавшему архимандриту Викентію о заговорѣ Шакловитаго и угрожающей ему опасности, прося у настоятеля защиты. Въ этотъ же день собрались въ монастырь мать государя, Наталія Кирилловна, его жена, сестра и разныя придворныя, преданныя ему лица.

Крѣпкія стѣны обители, защитивъ Петръ отъ враговъ его, помогли ему рѣшительно дѣйствовать въ дѣлѣ царевны и стрѣльцовъ. Отсюда онъ вытребовалъ Шакловитаго, Голи-

цына и другихъ заговорщиковъ; отсюда онъ писалъ старшему брату Іоанну о необходимости удалить Софью отъ правленія; отсюда пришло повелѣніе заточить ее въ Новодѣвичій монастырь.

Въ монастырѣ былъ пытанъ и казненъ Шагловитый съ его сообщниками; тутъ же было рѣшено сослать въ Пустозерскъ В. В. Голицина: словомъ, надежныя стѣны монастыря помогли Петру уничтожить враговъ своихъ и утвердиться на престолѣ; вельдствіе чего, онъ оказывалъ постоянное покровительство этому монастырю, и хотя и пользовался часто его богатствами (*), но оставилъ монастырь на особомъ положеніи: въ 1701 году, не были отписаны отъ него вотчины, какъ это было сдѣлано съ прочими монастырями; въ 1724 году не былъ ограниченъ въ немъ штатъ иноковъ и т. д.

Анна Іоанновна завела при монастырѣ семинарію, въ которой учили дѣтей духовныхъ и церковныхъ служителей древнимъ языкамъ, философіи, богословіи и т. п.

Изъ архимандритовъ Троицкой Лавры, особенно замѣчательны по своему необыкновенному уму и образованію: Платонъ Левшинъ и митрополитъ Московскій Филаретъ.—О послѣднемъ считаемъ лишнимъ говорить, такъ какъ всей Россіи извѣстны труды этого знаменитаго пастыря, скончавшагося въ 1868 г.

Платонъ же Левшинъ, будучи еще просто преподавателемъ въ Сергіевской семинаріи, обратилъ на себя вниманіе Екатерины, которая выбрала его въ законоучители къ наследнику престола, Павлу Петровичу. Возведенный въ архимандриты Троицкой Лавры, онъ постоянно заботился объ устройствѣ и украшеніи этой обители: перестроилъ и отдѣлалъ многія зданія, пришедшія въ ветхость,—въ томъ числѣ укра-

(*) Въ 1682 году, по указу Петра, взято изъ монастыря 14,000 рублей, въ 1605 году, по его же указу,—50,000 рублей, на ратныхъ людей; въ слѣдующемъ году: 40,000 рублей, для того-же,—изъ которыхъ возвращено было 20,000 рублей. Въ 1698 взято 7,000 на кораблестроеніе. Въ 1699 году: 30,000 на ратныхъ людей; 1701—5,000 рублей, для того же.

силъ живописью внутренность Троицкаго собора и построилъ ризницу, въ которую перенесъ всѣ монастырскія сокровища, и теперь въ ней хранящіяся.—Его содѣйствіемъ былъ сдѣланъ замѣчательный покровъ на престолъ, который оцѣненъ въ полтора милліона.

Собирая сокровища въ свою ризницу,—обитель охотно жертвовала изъ нихъ отечеству, въ тяжелыя для него времена; такъ въ 1807 году преосвященный Платонъ прислалъ на земское ополченіе двадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ семь тысячъ были отъ Лавры, двѣ тысячи—отъ самого преосвященнаго, а остальное—отъ монастырей, зависѣвшихъ отъ Лавры.—Потомъ въ 1812 году, онъ доставилъ еще правительству семьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, двѣ тысячи пять-сотъ рублей серебромъ и слишкомъ пять пудовъ серебра въ слиткахъ и посудѣ; и въ то время, когда Москву покидали несчастные жители, онъ явился въ нее, чтобъ благословить русскія войска на борьбу съ вторгнувшимся въ средину Россіи врагомъ, и еще разъ взглянуть на дорогую ему Москву. Въ народѣ говорили: «Еслибъ Платонъ появился на полѣ битвы передъ русскимъ воинствомъ, еслибъ онъ сказалъ»..... Но Платонъ былъ тогда до того престарѣлымъ, что едва передвигалъ, отказывающіяся служить ему, ноги. Онъ удалился въ Спасо-Виѣанскій монастырь, построенный имъ въ трехъ верстахъ отъ Лавры, болѣе извѣстный подъ именемъ Виѣаніи, такъ названной по Преображенскому своему собору, который отличается оригинальной архитектурой.

Внутри этой церкви сдѣлана искусственная гора, на подобіе Фавора, на которой въ память Преображенія Христова построенъ небольшой храмъ; гора убрана мохомъ, кустарникомъ, цвѣтами и даже маленькими животными; съ правой стороны идетъ входъ ко храму по лѣстницамъ, прикрытымъ выпуклостями горы, а по срединѣ проложены ступеньки, въ видѣ извивающейся тропинки, къ самымъ царскимъ вратамъ верхняго храма. Внутри горы устроенъ другой алтарь въ память Лазарева Воскресенія, бывшаго въ

Визаніи; верхній храмъ заключаетъ въ себѣ много рѣдкостей между иконами и утварью церковной: но вмѣстѣ съ изяществомъ отличается и простотой. Много другихъ замѣчательныхъ мѣстъ окружаютъ Лавру, какъ напримѣръ деревянная церковь, построенная еще архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Аврааміемъ, перенесенная митрополитомъ Филаретомъ въ Геосиманскій скитъ; вся дорога отъ Москвы до Троицы усѣяна памятниками прошлаго. Въ селѣ Алексѣевскомъ Карамзинъ засталъ еще деревянный одноэтажный дворецъ Алексѣя Михайловича, бани и другія строенія.

Въ селѣ Ростокинѣ, народъ встрѣчалъ Іоанна Грознаго, когда тотъ возвращался побѣдителемъ изъ Казани.

Селенія Большія и Малыя Мытицы замѣчательны своими водопроводами, снабжающими до сихъ поръ Москву чистою и свѣжею водою. Вода эта проведена въ Сухареву башню, которая служитъ ей резервуаромъ.

Въ селеніи Братовщина останавливались на перепутьи наши цари, во время своихъ походовъ на поклоненіе святому Сергію. — Тутъ находился ихъ лѣтній дворецъ съ вышками. Карамзинъ засталъ еще одинъ изъ боярскихъ теремовъ, для отдохновенія, — въ родѣ бесѣдки на столбахъ, гдѣ сквозной вѣтеръ освѣжалъ отдыхавшихъ въ знойное время. — Тутъ находились тоже дворцы Елисаветы и Екатерины II. Въ Братовщинѣ встрѣтили бояре и народъ избраннаго ими на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, ѣхавшаго въ Москву, послѣ усердной молитвы у гроба преподобнаго Сергія.

Въ 12 верстахъ отъ Лавры, немного влѣво, находится село Воздвиженское, куда удалилась правительница Софія съ братьями царями въ началѣ смуты стрѣleckой. Тутъ же былъ казненъ начальникъ стрѣльцовъ Хованскій съ сыномъ. — Въ этомъ же селѣ, дано было знать Софѣ въ 1689 году, что ей не дозволено ѣхать на свиданіе съ братьями въ Троицкій монастырь.

Вправо отъ дороги находится Хотьковъ монастырь, въ которомъ покоятся мощи родителей святаго Сергія.

Въ 8 верстахъ отъ Лавры видна старинная каменная часовня съ деревяннымъ крестомъ и образами внутри. Здѣсь братія встрѣчала обыкновенно святаго Сергія, всегда ходившаго пѣшкомъ, когда онъ возвращался въ свою обитель изъ Москвы или изъ котораго-нибудь изъ основанныхъ имъ монастырей.

Далѣе виднѣется гора Волкуша, на которой архимандритъ Діонисій благословлялъ войска, шедшія въ Москву съ Пожарскимъ. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря находится село Деулино, въ которомъ заключенъ былъ договоръ съ королевичемъ Владиславомъ, вслѣдствіе котораго онъ отказался отъ своихъ притязаній на російскій престолъ.

Еще далеко до Лавры, виднѣется ея высокая колокольня, равняющаяся по вышинѣ Ивану Великому. Приближаясь къ бѣлымъ стѣнамъ обители, невольно обратишь вниманіе на земляныя укрѣпленія бывшаго тутъ польскаго лагеря и на ровъ, выкопанный съ восточной стороны, для удержанія непріятели въ 1609 году. Теперь на немъ построены два каменные моста.

Смотря на восемь церквей обители, ея богатую ризницу, дворцы царскіе и прочія зданія, — вспоминаешь дремучій лѣсъ и въ немъ бѣднаго труженника, въ изорванномъ платьѣ, строящаго себѣ убогую келію, съ цѣлью заживо погребсти себя здѣсь. И изъ этой-то убогой келіи воздвиглась трудами и усердіемъ царей, монаховъ и народа обитель, столь замѣчательная въ исторіи нашего отечества.

34. Нижний-Новгородъ.

Нижній-Новгородъ, живописно раскинутый по высокому правому берегу Волги, у самаго впаденія въ нее Оки, занимаетъ одну изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей Поволжья. Наискось отъ него, въ углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Оки и правымъ берегомъ Волги расположена ярмарка, со-

ставляющая какъ бы отдѣльный городъ, съ своими храмами разныхъ исповѣданій, ярмарочной конторой, большимъ каменнымъ гостинимъ дворомъ, домомъ губернатора, театромъ и множествомъ другихъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Далѣе, вверхъ по Окѣ, тянется Кунавино. Эта слобода играетъ не послѣднюю роль въ ярмарочномъ быту; тутъ помѣщаются всѣ временные посѣтители ярмарки, вслѣдствіе чего слобода застроилась каменными домами, трактирами, гостиницами, лавками, погребками, булочными и т. п.; въ ней 2 каменныхъ церкви, 87 каменныхъ, 429 деревянныхъ зданій и 9 заводовъ; все это придаетъ ей чисто городской характеръ.

Нижній-Новгородъ основанъ былъ великимъ княземъ Суздальскимъ Юріемъ Всеволодовичемъ, въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія. Три побудительныя причины имѣлъ великій князь Суздальскій для основанія Нижняго-Новгорода: во-первыхъ, хотѣлъ имѣть свой Новгородъ (какъ воспоминаніе прежнихъ владѣній князей Суздальскихъ Новгородомъ-Великимъ,) во-вторыхъ, хотѣлъ имѣть сторожевой городъ противъ мордвы и болгаръ. Лучшаго мѣста онъ не могъ выбрать, находясь у Оки и Волги, Нижній могъ владычествовать и надъ мордвой, жившей по Окѣ, и надъ болгарями, жившими по Волгѣ.

Нижній-Новгородъ пережилъ набѣги мордвы и болгаръ и опустошенія татаръ, находясь въ составѣ Суздальскаго удѣла, и испыталъ, какъ сторожевой пунктъ восточной Россіи, всю тяжесть постоянной борьбы нашей съ кочевыми народами. Съ 1350 года Нижній сталъ называться столицею великихъ князей Суздальскихъ, съ тѣхъ поръ какъ Константинъ Васильевичъ сдѣлалъ его мѣстомъ своего пребыванія. Съ этого же времени начинается и соперничество Нижняго съ Москвою. Долго боролся онъ за свою независимость; но, наконецъ, Москва побѣдила, и онъ, подобно другимъ городамъ русскимъ, вошелъ въ составъ московскаго государства, и князья его при Іоаниѣ III стали называться только намѣстниками московскими.

Не смотря на это, Нижний-Новгородъ не утратилъ своего значенія, какъ въ политическомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи. Его Кремль, построенный еще въ 1508 году, дѣлалъ Нижній одной изъ важныхъ крѣпостей Россіи. Въ немъ особенно хорошо укрѣплена была сѣверная часть Кремля, выходящая къ Волгѣ, потому что татары появлялись большею частью съ этой стороны. Промышленность и торговля Нижняго были и тогда уже значительны. Онъ снабжалъ внутренніе города рыбою, хлѣбомъ и солью, доставляемою ему Строгоновыми изъ нынѣшней Пермской губерніи. Кромѣ того, нижегородцы торговали масломъ, сукномъ, шубами и овчинами. Для этого торга былъ выстроенъ въ нижнемъ посадѣ города деревянный гостиный дворъ, а для склада соли и хлѣба большіе магазины. Въ концѣ XVII столѣтія Нижній-Новгородъ считался по доходу шестымъ городомъ въ московскомъ государствѣ (онъ доставлялъ казнѣ ежегодно 7,000 руб. доходу) и имѣлъ сильное вліяніе на области, находившіяся отъ него къ востоку и юго-востоку, такъ какъ на него шель путь изъ нихъ въ Москву и другіе внутренніе города русскіе. Въ смутное время Нижній-Новгородъ не только самъ отбивался отъ полчищъ самозванца, но ходилъ усмирять поднявшуюся мордву и, соединившись съ войсками Ляпунова, пытался вытѣснить поляковъ изъ Москвы въ 1611 году. Наконецъ, въ самую тяжкую минуту для Россіи, когда Москва была занята поляками, когда вѣрѣ православной и самому существованію государства русскаго грозила явная опасность, нижегородцы, по вдохновенному слову своего простаго гражданина Минина и подъ предводительствомъ своего храбраго князя Пожарскаго, избавили Москву, а вмѣстѣ съ нею и Россію отъ поляковъ.

Успокоившись отъ вторженія иноземцевъ, Нижній-Новгородъ сталъ понемногу устраиваться вмѣстѣ со всею землею русскою; торговля его приняла правильный оборотъ, и онъ, изъ сторожеваго пункта, сдѣлался торговымъ центромъ восточной Россіи. Но особенно выигралъ Нижній-Новгородъ

отъ перенесенія въ него макарьевской ярмарки въ 1816 году. Ярмарка эта находилась прежде въ 80 верстахъ отъ Нижняго, на лѣвомъ, дуговомъ берегу Волги. Въ началѣ XV столѣтія св. Макарій построилъ тамъ Желтоводскій монастырь; но его векорѣ разорили татары, и св. Макарій долженъ былъ удалиться съ учениками своими на рѣку Унжу (притокъ Волги съ лѣвой стороны, въ Костромской губерніи,) гдѣ и скончался. Только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1624 году, былъ возобновленъ монастырь этотъ инокомъ Аврааміемъ, который перенесъ съ Унжи чтимую народомъ икону св. Макарія, на поклоненіе которой стали стекаться народъ въ Желтоводскій монастырь. Особенно бывало велико стеченіе народа каждое 25 іюля, въ день кончины св. Макарія, вслѣдствіе чего въ этотъ день тутъ устроился торгъ крестьянскими издѣліями: холстами, поярковыми шляпами, деревянной посудой, валенками, овчинами и т. п.; а затѣмъ онъ преобразовался въ ярмарку, названную Макарьевской.

Вскорѣ на Макарьевскую ярмарку перешла вся торговля Казани, а съ покореніемъ Сибири, она сдѣлалась важнымъ торговымъ пунктомъ между Москвою, сибирскими городами и Китаемъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія ярмарка такъ усилилась, что обратила на себя вниманіе правительства, и въ 1648 году, указомъ царя Алексѣя Михайловича, постановлено было торговать на ней беспошлинно только пять дней, а по прошествіи этого срока вносить плату по положенію. Въ концѣ XVII столѣтія на Макарьевскую ярмарку стали сѣзжаться московскіе и другіе иногородные купцы, а изъ указа 1691 года видно, что въ это время ярмарку стали посѣщать и иностранцы. Всѣ пошлины и доходы ярмарки были отданы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ монастырю и ярмаркой постоянно завѣдывали архимандриты. Преемники царя Михаила то отымали, то вновь возвращали эти доходы монастырю, и только Петръ Великій окончательно отнялъ ихъ у монастыря въ 1718 году.

Въ 1755 году были выстроены впервые казенные деревянные балаганы (до этого времени торговцы занимали помѣщенія монастырскія,) и доходы съ нихъ стали поступать въ казну, а въ 1809 году былъ открытъ казенный каменный гостиный дворъ. Но мѣстность, занимаемая Макарьевской ярмаркой, была очень неудобна для торговли: низменный лѣвый берегъ Волги, на которомъ она находилась, затоплялся ежегодно при разливѣ рѣки, а въ остальное время года песчаный грунтъ его составлялъ большія затрудненія при перевозкѣ и складѣ товаровъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудобствъ, не разъ являлась мысль перевести ярмарку на другое мѣсто: когда же, въ 1816 году, сгорѣлъ каменный гостиный дворъ, то проектъ этотъ не встрѣтилъ болѣе затрудненій, и ярмарка была переведена въ Нижній-Новгородъ. Для помѣщенія ея отвели мысъ, образуемый соединеніемъ Оки съ Волгой, или такъ называемую стрѣлку близъ Нижняго-Новгорода. Въ продолженіи пяти лѣтъ ярмарка помѣщалась во временныхъ деревянныхъ балаганахъ, а съ 1822 года занимаетъ каменный гостиный дворъ.

И до сихъ поръ Нижній-Новгородъ удерживаетъ за собою значеніе одного изъ доходныхъ и важныхъ пунктовъ Россіи: онъ ключъ къ востоку, онъ центръ всей нашей торговли съ Азіей. Черезъ него лежитъ путь въ Бухару, Китай и Туркестанъ, приобрѣтающій все болѣе и болѣе значенія для Россіи. Онъ заключаетъ въ себѣ громадный складъ всего того, что выработываютъ наши фабрики; онъ биржа Москвы, на которой рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла нашей внутренней торговли. Едва ли найдется, пишетъ г. Безобразовъ, — на всей нашей государственной территоріи пунктъ, болѣе важный по всей совокупности своихъ географическихъ условій, чѣмъ то мѣсто, на которомъ происходитъ нынѣ макарьевская ярмарка, эта главная уставщица всего ярмарочнаго торговаго всей внутренней нашей торговли. Это мѣсто—уголъ, образуемый насупротивъ Нижняго-Новгорода сліяніемъ Оки съ Волгой, на лѣвомъ берегу первой и на правомъ послѣдней. Здѣсь Волга, прикасающаяся сво-

ими истоками къ бассейну Балтійскаго моря и искусственно даже соединенная съ нимъ, а потому и со всѣми коммерческими путями Европы и всего образованнаго міра, и оканчивающая свое теченіе въ бассейнъ центральной Азіи, въ другомъ историческомъ мірѣ, — принимаетъ въ себя одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ своихъ притоковъ (Оку.) Не такъ далеко отъ впаденія Оки въ Волгу находится устье и другаго самаго великаго притока Волжскаго бассейна — Камы, соединяющей этотъ пунктъ съ самыми дальнѣйшими сѣверными и сѣверо-восточными краями Россіи — съ Ураломъ и Сибирью.

Такимъ образомъ нынѣшнее мѣсто магарьевской или нижегородской ярмарки болѣе или менѣе соединено, посредствомъ водяныхъ сообщеній, съ самыми противоположными и отдаленными краями Россіи, а водяныя сообщенія пока преобладаютъ надъ всѣми другими путями внутреннихъ нашихъ сообщеній и пока наиболѣе опредѣляютъ собою направленіе всѣхъ нашихъ коммерческихъ путей. Русскіе купцы въ сужденіяхъ о значеніи Нижегородской ярмарки справедливо указываютъ на воды, какъ на главное и неотъемлемое ея богатство. Дѣйствительно, едва ли найдутся у насъ въ другомъ мѣстѣ такія воды и съ такимъ настоящимъ и такимъ прошедшимъ. Чтобы вполне понять всю важность Волжскаго бассейна, стоитъ вспомнить только, что чрезъ Каму идетъ по Волгѣ въ Нижній: чай изъ Китая, марена и шелкъ изъ Бухаріи, мѣха изъ Сибири, соль изъ Перми, желѣзо съ уральскихъ заводовъ. Сама Волга несетъ безчисленное множество баржъ и другихъ судовъ: съ хлѣбомъ (доставляемымъ изъ нашихъ хлѣбныхъ губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской,) съ рыбой изъ Каспійскаго моря, Урала и Дона, съ солью изъ Эльтонскаго озера, съ саломъ изъ Самары, кожами изъ Казани. Пароходы доставляютъ по ней: марену изъ Астрахани, вино изъ Кизляра, горчицу изъ Сарепты, шелкъ съ Кавказа. Такъ какъ желѣзная дорога отъ села Иванова до Нижегородской желѣзной дороги еще не готова, то хлоп-

чатобумажные и льняные товары и другія произведенія Владимірской губерніи идутъ вмѣстѣ съ костромскими тоже по Волгѣ. Ока доставляетъ произведенія Тульской, Рязанской и отчасти Московской губерній. Сверхъ того Нижегородская ярмарка, какъ одно изъ важнѣйшихъ средоточій водныхъ сообщеній Россіи, какъ ближайшее къ Москвѣ и самое многолюдное средоточіе Волжскаго бассейна, представляетъ нынче наиболѣе удобствъ для пересылки товаровъ. Здѣсь не только главный на Волгѣ центръ пароходства и судоходства, но здѣсь также собираются подрядчики и для сухопутной доставки товаровъ въ самые отдаленные края Россіи. Всѣ эти операціи сосредоточены около ярмарочныхъ пристаней, которые составляютъ особый міръ на ярмаркѣ, и на которыхъ расположены въ шалашахъ и балаганахъ самыя конторы доставщиковъ товаровъ. И если, напримѣръ, иной разъ невозможно прямо отправить товаръ изъ какого-нибудь фабричнаго села Владимірской или Нижегородской губерній въ мѣсто, отстоящее на какую-нибудь сотню верстъ, то съ нижегородской ярмарки его легко отправить куда угодно, хотя на край свѣта. И для этого не нужно даже везти сюда самый товаръ. Но главное значеніе ярмарки заключается прежде всего и болѣе всего, въ распредѣленіи товаровъ внутренняго нашего потребленія между средними и мелкими или вообще розничными торговцами (такъ называемыми городовыми, то есть мѣстными купцами,) закупающими здѣсь товары изъ первыхъ рукъ, у самихъ фабрикантовъ или у гуртовщиковъ. Въ этомъ главная экономическая сила нижегородской ярмарки для внутренней торговли и фабричной промышленности Россіи, отчасти также и для иностранной. — Покупка товара городовыми купцами у гуртовщиковъ, съѣздъ *городовыхъ* къ Макарію, вотъ, кажется намъ, важнѣйшая часть этого торга, далеко преобладающая надъ всѣми другими его элементами, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни были значительны, и вотъ также причина того могущественнаго вліянія, которое имѣетъ макарьевскій торгъ на весь механизмъ нашего народнаго хозяйства.

Главный торгъ Нижегородской ярмарки состоитъ изъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, чая, желѣза, соли, сибирскихъ мѣховъ, кожъ и рыбы, и потому мы разберемъ подробнѣе торговлю этими товарами. Хлопчато-бумажное производство составляетъ одно изъ главныхъ производствъ Россіи; оно захватываетъ до 120 милліоновъ капитала, а на Нижегородскую ярмарку идетъ этого товара до 15 милліоновъ и болѣе. Ситцы и другія хлопчатобумажныя ткани доставляются на ярмарку преимущественно Владимірской, Московской и Костромской губерніями, цѣлыя селенія которыхъ заняты бумагопряденіемъ и ткачествомъ, а потому благо состояніе этихъ промышленныхъ губерній тѣсно связано съ Нижегородской ярмаркой, на которой производится главный сбытъ всѣхъ этихъ товаровъ. Если красный товаръ на ярмаркѣ шель хорошо, то зимою работа увеличится на фабрикахъ и потребуетъ болѣе рукъ; если же сбытъ и запросъ были плохи, то работниковъ потребуется меньше и фабричному народу труднѣе будетъ прокормить себя. Москва доставляетъ на ярмарку ситцы высшихъ добротъ, а Владимірская губернія, въ главномъ представителѣ своемъ селѣ Ивановѣ, заваливаетъ ее своими дешевыми, яркими ситцами, идущими въ большомъ количествѣ въ Азію и во всѣ деревни южно-восточной Россіи. Для ивановцевъ Нижегородская ярмарка важнѣе всѣхъ прочихъ ярмарокъ; на ней одной они сбываютъ товару болѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ ярмаркахъ, а ивановскіе фабриканты кромѣ того тутъ же получаютъ вѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ текущаго года, что для нихъ составляетъ вопросъ первой важности. Отъ рѣшенія вопроса, хорошъ или плохъ урожай, или, другими словами, много или мало останется у крестьянъ денегъ на покупку краснаго товара, зависитъ весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ фабричныхъ. На ярмаркѣ же фабриканты ситцевъ дѣлаютъ заказы фабрикантамъ миткалей, а тѣ въ свою очередь заказываютъ извѣстное количество пряжи, и такимъ образомъ закупщикамъ хлопка становится извѣстно, сколько приблизительно надо имъ закупить его къ слѣдующему

привозу. Какъ громаденъ долженъ быть сбытъ ивановскихъ красныхъ товаровъ, видно изъ одного того, что для ивановцевъ оказалось невозможнымъ помѣщать ихъ всѣ въ отвѣденныхъ для нихъ рядахъ каменнаго казеннаго гостинаго двора, и они должны были устроить на свой счетъ другіе ряды, идущіе отъ Армянской церкви къ Кунавину. Въ старыхъ ивановскихъ рядахъ идегъ торгъ оптомъ, а въ вновь выстроенныхъ производится розничная торговля, а потому тутъ большею частью торгуютъ кустарники и горшечники, т. е. мелкіе торговцы. Во все продолженіе ярмарки существуетъ постоянная связь между нею и фабриками, такъ что въ случаѣ недостатка въ какомъ-нибудь ситцѣ, тотчасъ же дается знать на фабрику, и тамъ, усиленной работой, изготовляется къ сроку нужное его количество. На большихъ ивановскихъ фабрикахъ могутъ изготовить до 300 кусковъ ситцу въ день. Тутъ же на ярмаркѣ азіатскіе купцы заказываютъ къ слѣдующему году ситцы въ азіатскомъ вкусѣ, съ узоромъ до того купнымъ и пестрымъ, что такой ситецъ только и можно продавать на Востокъ какимъ-нибудь киргизамъ и бухарцамъ, которые нынче стали тоже носить нашъ ивановскій ситецъ. Въ свою очередь, ситцевые фабриканты закупаютъ у азіатцевъ бухарскій хлопокъ и марену (краску для ситцевъ.) Но такъ какъ на азіатскихъ торговцевъ положиться никакъ нельзя, потому что у нихъ часто въ пробныхъ тюкахъ хлопокъ бываетъ лучшаго достоинства, а въ краску они насыпаютъ каменье для вѣсу, то хлопоты, сопряженныя съ такимъ надуваніемъ и недоброкачествомъ бухарскаго хлопка заставляютъ фабрикантовъ предпочитать ему американскій, — доставляемый черезъ Ливерпуль, хотя тотъ несравненно дороже, и бухарскій хлопокъ идетъ въ незначительномъ количествѣ и только на самыя низшіе сорты бумажныхъ тканей. Красные товары идутъ въ Нижній большею частью по Окѣ и Волгѣ, только Московская и Петербургская губерніи присылаютъ ихъ по желѣзной дорогѣ, и хотя станція нижегородской желѣзной дороги Новки и переименована въ Шуйско-Иванов-

скую, но на нее почти не доставляется товара, такъ какъ ивановцы находятъ болѣе дешевымъ отправлять его черезъ Плесь по Волгѣ. Къ сентябрю нынѣшняго года должна быть открыта Ивановская желѣзная дорога, по которой товаръ будетъ доставляться прямо изъ Иванова на нижегородскую желѣзную дорогу.

Не менѣе важна также торговля кяхтинскими чаями, которые, вмѣстѣ съ краснымъ товаромъ, устанавливаются, какъ говорятъ, цѣны всѣмъ остальнымъ товарамъ ярмарки, то есть, только когда установится на ярмаркѣ цѣна чаемъ и сдѣлаются заказы ситцамъ, начинается настоящій торгъ другими, не такъ важными для ярмарки, товарами, потому что большинство крупныхъ московскихъ купцовъ болѣе или менѣе заинтересовано въ дѣлахъ чайной и хлопчато-бумажной торговли, а другіе торговцы выжидаютъ, какой оборотъ примутъ дѣла этихъ *тузовъ*, для того чтобы возвысить или понизить цѣну своихъ товаровъ. Чай, какъ извѣстно, доставляется изъ Китая двумя путями: первая доставка его идетъ караванами изъ Кяхты, по большому сибирскому тракту на Иркутскъ, Томскъ, Тюмень и Пермь и, наконецъ, по Камѣ и Волгѣ въ Нижній. Это собственно русско-азиатская чайная торговля, въ которой не участвуютъ иностранные купцы. Вторая доставка идетъ моремъ изъ Кантона или изъ Шанхая и находится въ рукахъ англичанъ. Только съ 1862 года дозволено ввозить въ Россію чай, идущій моремъ изъ Китая или такъ называемый кантонскій, и въ этомъ же году онъ явился уже на нижегородской ярмаркѣ и произвелъ переворотъ въ кяхтинской торговлѣ, потому что вслѣдствіе этой конкуренціи русскіе торговцы стали обращать болѣе вниманія на достоинство доставляемаго ими чая. Переходъ чая отъ сибиряковъ въ первыя руки, или такъ называемая *расцѣпка чаевъ*, составляетъ первое дѣйствіе чайнаго торга на Макарьевской ярмаркѣ; къ нему приступаютъ послѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ совѣщаній, запитій и закусокъ. Отъ этого дѣйствія, называемаго также *развязкой* чайнаго дѣла,

зависитъ судьба товара на цѣлый годъ и судьба многочисленныхъ городскихъ купцовъ, въ теченіе недѣли и болѣе, ежели нужно, чающихъ движенія воды у дверей палатокъ партіонныхъ торговцевъ и комисіонеровъ, главенствующихъ въ своемъ каменномъ Китайскомъ ряду надъ всѣмъ людомъ чайнаго торга. Извѣстіе о развязкѣ, совершающейся посреди глубочайшаго молчанія участниковъ и окруженной таинственностію, на подобіе священнодѣйствія, мигомъ разносится по ярмаркѣ: «Чай пошелъ во вторыя руки.» Эта торжественная минута въ былое время и считалась самымъ трагическимъ моментомъ Макарьевской ярмарки, — моментомъ, господствующимъ надъ ея судьбой. Милліоны, уплаченные за кяхтинскій чай, приводятъ, говорили, въ движеніе всю ярмарку. Сибиряки закупаютъ и заказываютъ мануфактурные товары, фабриканты и торговцы мануфактурныхъ товаровъ расплачиваются съ своими кредиторами, покупаютъ и заказываютъ нужные для нихъ товары и матеріалы и т. д. Наконецъ, съ окончаніемъ чайной развязки, ярмарочный міръ и во главѣ его толстые сибиряки подымались къ развѣзду, *ко дворамъ* (какъ говорится по владимірски) и къ прощанью наставала самая шумная эпоха. Справедливъ или преувеличенъ господствовавшей въ прежнее время взглядъ на развязку съ чаемъ, нынѣ эта развязка вовсе не имѣетъ такого значенія для ярмарки.

Весь чай помѣщается на Сибирской пристани. Здѣсь въ концѣ этой пристани, позади ободьевъ, мочаль, тряпья, поташу и шадрику тянутся по обѣ стороны балахнинской дороги укутанные рогожами цибики съ чаемъ. Они поставлены въ ряду на длинныхъ шестахъ. По одну сторону отъ нихъ течетъ Волга, которая около этого мѣста наноситъ цѣлый островъ песку, на которомъ помѣщается складъ сырыхъ кожъ; по другую—обширное поле. Здѣсь одинъ изъ крайнихъ предѣловъ ярмарки. Отъ всемірнаго торжища долетаютъ сюда одни неясные звуки. Тамъ шумъ и гамъ, здѣсь тихо и мирно. Въ концѣ cadaго склада находится

баракъ, покрытый рогожами, гдѣ помѣщаются прикащики. Большею частію здѣсь вы встрѣтите кяхтинскихъ.

Но рѣшеніе чайнаго дѣла совершается не здѣсь, а въ каменныхъ рядахъ; сюда пріѣзжаютъ только посмотреть чай и достать совками пробы. Тамъ повѣряются чайныя фактуры. Каждый чайный комисіонеръ (не слѣдуетъ смѣшивать московскихъ комисіонеровъ съ кяхтинскими) имѣетъ у себя отъ тѣхъ лицъ, чай которыхъ ему данъ на продажу, особыя описанія каждаго цибика чая, съ означеніемъ его вѣса, сорта и достоинства. Такія описанія на торговомъ языкѣ называются *фактурами*. Каждый купецъ, желающій совершить покупку чая, по этимъ фактурамъ выбираетъ себѣ чай по желанію. Сорта же чая покупателямъ извѣстны и обмана при продажѣ не бываетъ. Иные цибикки вовсе не вскрываются.

Желѣзо составляетъ тоже важную отрасль ярмарочной торговли. Оно идетъ изъ Уральскихъ заводовъ по притокамъ: Чусовой и Бѣлой и является въ Нижній необработаннымъ и въ дѣлѣ. Перваго привозится несравненно болѣе, а именно на сумму отъ 5 до 6 милліоновъ. Такъ называемаго желѣза въ дѣлѣ привозится только на сумму до 1¹/₂ милліона, — но за то оно является въ самомъ разнообразномъ видѣ: въ видѣ ножей, ножницъ, винтовъ, проволокъ, цѣпей, петлей, подковъ, лопатъ, замковъ, топоровъ, ведеръ и т. п. вещей. Кромѣ Уральского желѣза, на ярмаркѣ является желѣзо съ малоизвѣстныхъ заводовъ Нижегородской и Владимірской губерній; но для послѣднихъ Нижегородская ярмарка не такъ важна, какъ для Уральскихъ, потому что заводы Нижегородской и Владимірской губерній, находясь въ многолюдной и промышленной части Россіи, могутъ продавать выдѣлываемое ими желѣзо на мѣстѣ. Заграничное желѣзо привозится на ярмарку только въ издѣліяхъ. Чугунъ привозится изъ губерній: Нижегородской, Тамбовской и Владимірской. Желѣзо обыкновенно идетъ на ярмарку на баркахъ, выгружается на берегу Оки и складывается въ особыхъ деревянныхъ балаганахъ, въ такъ назы-

ваемой желѣзной линіи. Для удобнѣйшей его доставки на желѣзную дорогу проведена отъ этихъ балагановъ къ платформамъ конножелѣзная дорога. Цѣна желѣза обыкновенно опредѣляется по прибытіи на ярмарку лицъ, слѣдившихъ въ продолженіи года за ходомъ работъ на Уральскихъ заводахъ. Отъ нихъ получаютъ точныя свѣдѣнія, какое количество привезено желѣза, какого оно достоинства, и сколько барокъ сѣло на мель при сплавѣ по Чусовой. (Рѣка эта подымаетъ барки съ желѣзомъ только въ продолженіи какихъ-нибудь семи дней; вообще она судоходна только весной, во время половодья, а лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти совсѣмъ пересыхаетъ.) Перейдя, подобно чаю, черезъ многія руки, желѣзо попадаетъ наконецъ къ городовымъ купцамъ, которые везутъ его въ Петербургъ, Москву, Ригу и во всѣ внутреннія промышленныя губерніи. За границу русскаго желѣза идетъ мало; лучшіе сорта его отправляются черезъ Петербургъ въ Англію, а худшіе—черезъ Астрахань въ Персію. Мѣди и олова привозится на ярмарку на сумму около милліона рублей.—И то и другое является больше въ дѣлѣ. Помѣщается оно вмѣстѣ съ желѣзомъ, хотя доставляется изъ Москвы, Арзамаса, Тулы, Ярославской и Вятской губерній. Всѣ мѣдныя и оловячныя издѣлія, состоящія изъ церковной утвари, колоколовъ, домашней посуды, колокольчиковъ, бубенчиковъ, петель, скобокъ и т. п., развозятся по близъ лежащимъ отъ Нижняго Новгорода городамъ, а посуда идетъ даже въ Сибирь и Среднюю Азію. Изъ вышесказаннаго нами видно, какъ трудна доставка желѣза по малосудоходной рѣкѣ Чусовой,—а потому заводчики ждуть съ петербургскимъ утвержденіемъ проекта желѣзной дороги, которая, соединивъ Тюмень съ Пермью или Елабугой, дастъ имъ возможность свободно доставлять по Волгѣ желѣзо, по мѣрѣ приготовления его на ихъ заводахъ, что, разумѣется, значительно удешевитъ товаръ и будетъ способствовать къ правильному обороту капиталовъ.

Теперь перейдемъ къ торговлѣ мѣхами.—На Нижегород-

ской ярмаркѣ торгъ идетъ преимущественно выдѣланными мѣхами, такъ какъ по большей части невыдѣланныя шкуры скупаются нашими и иностранными купцами на Ирбитской ярмаркѣ, выдѣлываются внутри Россіи и привозятся уже готовыми на Нижегородскую ярмарку. Но и невыдѣланныхъ мѣховъ привозится не мало въ Нижній. Изъ Сибири идутъ: *соболь*, ловлей котораго занимаются преимущественно якуты, *бѣлка*, большой ловъ которой происходитъ по берегамъ Оби, Енисея, Лены, *волки* и *медвѣди*, *хорьки*, *сурки*, *выхухоль*, *горностаи* и т. д. Кромѣ сибирскихъ, невыдѣланныхъ мѣховъ привозятъ много и изъ Европейской Россіи, на примѣръ изъ сѣверо-восточной части ея доставляются: бѣлка, волки, медвѣди, горностаи. Средняя часть ея снабжаетъ заячьими и кошачьими шкурками, а съ юга идутъ мерлушки. Кромѣ того сюда привозятся лисьи и волчьи шкуры изъ Бухаріи, выдра и лисица изъ Персіи. Торговцы мѣхами являются какъ продавцами, такъ и покупателями: они привозятъ готовые мѣха на ярмарку и закупаютъ тутъ же у прасоловъ невыдѣланныя шкуры. Выдѣлкою заячьихъ мѣховъ занимаются промышленники въ Ярославлѣ, Арамазѣ, Дуниловѣ и кромѣ Нижегородской ярмарки, продаютъ ихъ на коренной (въ Курскѣ,) Ильинской (въ Полтавѣ,) Успенской и Покровской (въ Харьковѣ.) Но лучшія скорняжныя заведенія находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Калугѣ и Казани.

Выдѣланныхъ мѣховъ привозится въ Нижній на сумму отъ 4 до 5 милліоновъ,—невыдѣланныхъ до 2 милліоновъ. Большая часть мѣховъ помѣщается въ каменномъ пушномъ ряду и въ новыхъ Ивановскихъ рядахъ и расходится съ ярмарки по всей Россіи, преимущественно же по Украинѣ. Не малая часть идетъ въ Западную Европу; меньше же всего отпускается теперь въ Китай, гдѣ мѣновая наша торговля замѣтно упадаетъ.

Не менѣе мѣховъ привозится на ярмарку и разныхъ кожъ: выдѣланныхъ сырыхъ и сушеныхъ, всего на сумму до 4 милліоновъ. Прасолы, ѣздя по всей Россіи, скупаютъ по

деревнямъ, заводамъ и городамъ кожи коровъ, телятъ, лошадей, жеребятъ, оленей и верблюдовъ, солятъ ихъ или сушатъ и везутъ на Нижегородскую ярмарку. Выдѣлываются кожи по всей Россіи; но особенно занимаются этимъ промысломъ въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Тверской, а кожевенный товаръ, т. е. сапоги, башмаки, коты, галоши и т. п. доставляютъ преимущественно Костромская и Тверская губерніи. Въ одномъ селѣ Богородицкомъ (Нижегородской губерніи) приготавливаютъ рукавиць до милліона паръ.

Остается теперь сказать намъ о послѣдней крупной торговлѣ ярмарки, въ которой болѣе всего заинтересована Астрахань,—о торговлѣ рыбою. На Нижегородскую ярмарку идетъ большая половина всего лова въ низовьяхъ Волги и Каспійскаго моря. О громадности этого лова можно заключить по доходу, получаемому съ бассейна Каспійскаго моря, который опредѣляютъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, отъ 11 до 13 милліоновъ руб. сер. Съ 1865 года произошелъ большой переворотъ въ рыбномъ промыслѣ; до этого времени берега Каспійскаго моря отдавались въ откупа, такъ что только крупные торговцы, внесшіе годовую плату за дозволеніе ловить рыбу, могли ловить ее у береговъ; мелкимъ же промышленникамъ дозволялось закидывать сѣти въ мѣстахъ не менѣе трехъ сажень глубиною,—а извѣстно, что на такой глубинѣ рыба ловится труднѣе. Указомъ 1865 года дозволено каждому рыбаку, купившему билетъ, выѣзжать въ лодкѣ на промыселъ и ловить рыбу тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе, такъ что теперь богачи имѣютъ только то преимущество передъ бѣдняками, что могутъ взять большее число билетовъ и выслать по нимъ большее количество лодокъ. Многіе находили, что казна понесетъ большой убытокъ, отказавшись отъ откуповъ и объявивъ ловъ вольнымъ; но въ результатѣ оказывается совсѣмъ другое: бравшіе на откупъ рыбныя мѣста въ Каспійскомъ морѣ платили прежде казнѣ отъ 150 до 160 тысячъ въ годъ, но съ каждымъ годомъ они находили предлогъ уменьшать эту пла-

ту, наконецъ довели ее до 118 тысячъ. Теперь же, съ учрежденіемъ платы по билетамъ, казна стала получать до 230 тысячъ.

На ярмарку идетъ рыба всѣхъ сортовъ, начиная съ такъ называемой красной, крупной рыбы, какъ напр. севрюга, осетръ, бѣлуга, бѣлорыбица и т. п., и кончая мелкой: судаками, лещами, окунями, сельдями и т. д. Все это доставляется въ баржахъ на гребневскую пристань, на сумму до 5 милліоновъ руб. сер. Цѣну на нее устанавливаютъ оптовые купцы; ея придерживаются и мелкіе торговцы, продающіе рыбу въ мелочныхъ рыбныхъ Нижегородскихъ рядахъ. Цѣна, установленная на Нижегородской ярмаркѣ, имѣетъ вліяніе на цѣны всей рыбной торговли Каспійскаго бассейна, и въ этомъ заключается главное значеніе этой ярмарки для торговли рыбою. вмѣстѣ съ рыбою доставляется на баржахъ икра севрюжья, бѣлужья и осетровая, на сумму до 200 тысячъ, тюлений жиръ и кожи до 400 тысячъ, рыбій клей и визига. Двухъ послѣднихъ идетъ менѣе всего на Нижегородскую ярмарку, потому что большая часть, вмѣстѣ съ икрою, отсылается чрезъ Царицынъ и Азовское море за границу.

Изложивъ поверхностно самые главные предметы торговли, нельзя не назвать еще нѣкоторые, имѣющіе тоже немаловажное значеніе на ярмаркѣ, какъ напримѣръ: сукна, которыя привозятся только съ фабрикъ внутреннихъ губерній, въ особенности изъ Москвы, на сумму до 4 милліоновъ; всего же русскаго товара, на который употребляется шерсть, привозится на сумму до 11 милліоновъ. Кромѣ того торгуютъ тутъ заграничными сукнами. Пока шла въ Кяхтѣ только мѣновая торговля, сукна составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ ярмарочной торговли; но теперь сибиряки принимаютъ только въ Нижнемъ партіи суконъ, заказанныхъ ими въ Москвѣ, по не покупаютъ болѣе на ярмаркѣ. Такой же чисто биржевой характеръ имѣетъ и торговля саломъ, доставляемымъ изъ Самарской губерніи. Въ самой Самарѣ находится 10 большихъ салотопенныхъ за-

водовъ, на которыхъ бьютъ ежегодно до 100,000 рогатаго скота и до 800,000 овецъ. Добываемаго тутъ сала малая часть идетъ черезъ Нижній, но главныя сдѣлки между иностранными купцами, закупающими его, и нашими купцами и заводчиками совершаются на Нижегородской ярмаркѣ. Кромѣ того не мало привозится товару, выдѣлываемаго изъ сала: свѣчь салныхъ доставляется на сумму до 100,000 руб. и болѣе, стеариновыхъ на сумму отъ 250 до 300 тысячъ, мыла тоже отъ 270 до 300 тысячъ.

Для возрастающей и улучшающейся у насъ льняной промышленности Нижегородская ярмарка тоже не служитъ главнымъ рынкомъ; тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего года крестьянки окрестныхъ губерній сносятъ въ Нижній выработываемые ими пестрядь и холстъ и продаютъ этотъ товаръ торговцамъ. На ярмарку же привозится полотна и холста на сумму около 380 тысячъ руб., а тикку и пестряди, выдѣлываемыхъ во Владимірской и Костромской губерніяхъ, на сумму до полумилліона рублей. На такую же сумму и болѣе привозится полотенецвъ, скатертей и салфетокъ.

Шелкъ идетъ на ярмарку болѣе выдѣланный, чѣмъ невыдѣланный. Послѣдній доставляется изъ Закавказья, Персіи и Бухары на сумму отъ 100 до 150 тысячъ,—а выдѣланный идетъ изъ Москвы и ея уѣздовъ, на сумму до 6 милліоновъ руб. сер. Особенно много расходуется на ярмаркѣ золотой насыпи, газа и парчи; послѣдняя стоитъ 45 руб. аршинъ и дороже. Все это идетъ на ризы и разныя церковныя принадлежности, а также на сарафаны мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ, и привозится на сумму до полумилліона. Золотыхъ и серебряныхъ позументовъ, для которыхъ также шелкъ необходимъ, привозится на сумму до 1½ милліона. Вино на Нижегородскую ярмарку доставляется изъ Кизляра, отъ 300 до 500 тысячъ ведеръ. Но всѣхъ товаровъ перечестъ трудно. Однихъ сундуковъ привозится на ярмарку до 200 тысячъ. Они идутъ преимущественно въ Среднюю Азію,—но не малое количество ихъ расходит-

ся и по Россіи. Сундуки эти бываютъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и достоинства. Тутъ вы увидите сундуки, сплошь окованные желѣзомъ, изъ села Павлова, Нижегородской губерніи, стоящіе отъ 50 до 75 руб. за штуку, и Московскіе деревянные, окованные, съ затѣйливыми замками, одинъ замокъ которыхъ стоитъ иногда 40 руб. Нижнетагильскіе сундуки, кедроваго дерева, и размалеванные макарьевскіе ольховые, обитые иногда жестяными листами, и наконецъ сундуки, продаваемые по 4 руб. за шесть штукъ. Тутъ привозится горчица изъ Сарепты (нѣмецкой колоніи Саратовской губерніи) 6 тысячъ пудовъ, на сумму отъ 40 до 45 тысячъ руб., и русскаго курительнаго табаку (преимущественно изъ Саратовской же губерніи) на сумму до полутора милліона руб. Москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ на сумму до 4 милліоновъ, часовъ на 500 тысячъ руб., модныхъ галантерейныхъ товаровъ на милліонъ, жемчугу на 25 тысячъ и сахару на 2 милліона руб., фортепіанъ и органовъ на 300 тысячъ, иконъ на 225 тысячъ. Кошмъ и войлоковъ (которые замѣняютъ нашимъ крестьянамъ тюфяки) на 600 тысячъ, мочалъ (изъ Уфимской губерніи) отъ 500 до 600 тысячъ руб., кулей (изъ посада Дубовки, Саратовской губерніи, по Волгѣ) на сумму отъ 200 до 250 тысячъ, поташу и шадрику на сумму до 180 тысячъ.

Весь оборотъ Нижегородской ярмарки можно опредѣлить отъ 100 до 120 милліоновъ—цифра, имѣющая громадное значеніе въ нашей торговлѣ, особенно если обратить вниманіе на то, что тутъ идетъ торгъ большею частью нашими русскими произведеніями. Изъ главныхъ отраслей ярмарочной торговли только одинъ чай не принадлежитъ Россіи, но и тотъ обогащаетъ нашихъ же сибирскихъ, московскихъ и ивановскихъ купцовъ, первыхъ—какъ торговыхъ посредниковъ между Китаемъ и Россіей, вторымъ же даетъ средства сбыть свои товары въ Азію.

Считаемъ не лишнимъ перечислить еще разъ, какіе города и губерніи Россіи болѣе всего заинтересованы Ниже-

городскою ярмаркой и какія изъ главныхъ ихъ производствъ идутъ на эту ярмарку. *Москва* сбываетъ здѣсь свои сукна, — хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя издѣлія, выдѣланные мѣха, золотыя и серебряныя вещи, парчи, позументы, церковную утварь, мѣдную и оловянную посуду, вызолоченныя и высеребряныя пуговицы, фортепіаны и органы, свѣчи, москательный русскій товаръ, перчатки, чулки, модный женскій товаръ, иконы, писанныя на холстѣ, книги. *Владимірская губернія*: ситцы и митгаль (Шуя и Иваново,) образа, (Холуй и Мстеры,) тигъ и пестрядь (села Дунилово и Васильевское,) стекла и хрусталь, яблоки, вишни, счеты, щетки, фабричныя полотна. *Нижегородская*: чугуныя, хорошо отлитыя издѣлія, — стальныя издѣлія сель: Павлова и Ворсмы, — (въ послѣднемъ находится знаменитая фабрика Завьялова,) косы, сундуки, росшивы, бѣлянки и другія суда, (*) мебель, щепныя, издѣлія (**), канаты, шляпы, валенки (***) , иконы на холстѣ, фабрикованныя вина. *Костромская*: разныя небольшія суда, хлопчатобумажныя издѣлія, лѣсъ, поташъ и шадрикъ, смолу и деготь, щепной товаръ, короба, топоры, колокола, фабричныя полотна и пестрядь. *Пермская*: соль, желѣзо и мѣдь (заводовъ Яковлева, Демидова и другихъ,) сундуки (съ Ниже-Тагильскаго завода,) воскъ. *Тульская*: стальныя, хорошо выдѣланныя, вещи, мѣдные самовары и кофейники, чугуны въ грубыхъ издѣліяхъ. *Калужская*: полупарусныя равендугы, флам-

(*) Въ 10 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, вверхъ по Волгѣ, въ селѣ Сорошовѣ, Балахнинскаго уѣзда, учреждена въ 1849 году вервь, на которой строятся желѣзные пароходы русскими мастерами и изъ русскихъ матеріаловъ; желѣзо для нихъ доставляется на здѣшнюю фабрику съ Уральскихъ заводовъ и изъ Костромской губерніи, — снасти съ фабрикъ Нижняго и Муромъ, а все остальное изготовляется на мѣстѣ и только однѣ трубки для трубчатыхъ котловъ выписываются изъ Англіи. Со времени основанія этой верви на фабрикѣ этой сдѣлано 15 паровыхъ машинъ.

(**) Въ Нижегородской губерніи находится 536 токарныхъ фабрикъ, на которыхъ выдѣлывается разныхъ деревянныхъ вещей на 11 милліоновъ.

(***) Изъ Балахнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ, гдѣ находится до 600 валичныхъ заведеній.

ское полотно, чугуныя грубыя издѣлія, стекла и хрусталь, выдѣланные мѣха. *Казанская*: хлѣбъ, козловый сапожный товаръ, выдѣланные мѣха, дорожные экипажи, колеса, телѣги, ободья, рогожи, мочалы, поташъ, шадрикъ, сало, сальныя свѣчи, воскъ, кумачъ. *Саратовская*: хлѣбъ, горчицу, табакъ, рыбу, яблоки, арбузы, кулей на сумму отъ 200 до 250 тысячъ, конскій волосъ. *Астраханская*: рыбу, икру, рыбій жиръ и клей, визигу, виноградъ. *Оренбургская*: желѣзо (съ заводовъ: Сухозанета и княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской,) поташъ и шадрикъ, ободья, сало, конскій волосъ, воскъ. *Симбирская*: хлѣбъ, лубъ, мочала, кули, поташъ и шадрикъ, пухъ и перья гусиныя. *Тверская*: сапожный товаръ (преимущественно изъ села Камры,) сафьянные сапоги и туфли, шитые золотомъ (изъ Торжка,) кожи. *Ярославская*: фабричныя полотна, скатерти, салфетки, полотенца, заячы мѣха. *Самарская*: хлѣбъ, кожи, сало. *Тамбовская*: хлѣбъ, простыя чугуныя вещи. *Вятская*: дорожные экипажи, колеса, телѣги, ободья, мочала, рогожи, лубъ, лапти, поташъ. *Пензенская*: хлѣбъ, пухъ, гусиныя перья.

Торговля русскими произведеніями замѣтно усиливается; особенно хорошо идутъ фабричныя издѣлія и товары, изготовляемые для крестьянъ.

Окончимъ описаніе Нижняго общемо его картиною во время ярмарки. Мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркою, давно уже наведенъ и во всю длину его, на цѣлую версту, разставлены оренбургскіе казаки, обязанные крикомъ «Легче!» останавливать и ретивый бѣгъ пары лошадей проѣзжаго помѣщика и легонькую побѣжку съ перебоемъ лошаденки извощика нижегородскаго на пролеткѣ или на колибрѣ и заѣзжаго казанца на своей оригинальной долгушкѣ. Положимъ, что вы уже на срединѣ моста, послѣшите обернуться назадъ и полюбоваться чуднымъ видомъ Нижняго-Новгорода, который уступить въ этомъ отношеніи только Костромѣ или Кіеву, но превосходить всѣ города Россіи. Городъ весь раскинулся на высокихъ горахъ. Далеко влѣво, за самую высокую гору цѣпляется зубчатая стѣна древняго кремля,

помнящаго доблестный подвигъ Пожарскаго и Минина. Ближе къ ярмаркѣ широкой змѣей вьется длинный подъемъ въ городъ; еще правѣе прилѣпились къ горѣ старинныя церкви и зданія Крестовоздвиженскаго монастыря; нѣсколько выше прикрѣплены полуразрушенные деревянные домики бѣдныхъ обывателей, раздѣленные густою зеленью садовъ, которые далеко отошли отъ домовъ ихъ владѣльцевъ. Дальше и выше за горою весь Нижний съ своими оригинальными домами, стѣны которыхъ большею частью выкрашены красною подъ кирпичъ краскою; но самаго герода уже не видать съ моста и только часть его «*Нижний-базаръ*,» имѣющій большое отношеніе къ ярмаркѣ, составляетъ красивую, сплошь каменную набережную Оки, надъ которою высится старинная церковь на каменной, довольно высокой насыпи. Обернитесь направо, и цѣлый сплошной рядъ мачтъ судовъ съ хлѣбомъ бросается вамъ въ глаза, мѣшая проникнуть дальше: кажется, всѣ суда Волги и Оки, всѣ эти расшивы, барки и т. п. собрались сюда, чтобы запрудить устье и всю Волгу направо и налево отъ города, и щегольнуть разнохарактерными, пестрыми флагами съ изображеніемъ цѣлыхъ картинъ въ родѣ похищенія Прозерпины, прогулки Нептуна съ огромною свитою nereидъ и тритоновъ, или ловли кита, бросающаго огромный столбъ воды въ лодку звѣропромышленниковъ. Тутъ васъ прежде всего поражаетъ пестрота, безвкусіе и безграмотность надписей именъ хозяевъ и названій судовъ, красующихся на кормѣ; самыя суда отъ верху донизу размазаны всѣми цвѣтами радуги и, кажется, въ самой пестротѣ этой спорятъ другъ передъ другомъ. Оглянитесь налево: широкая, глубокая, черная бездна Оки потянулась вдаль въ своихъ крутыхъ берегахъ; кое-гдѣ мелькаютъ по ней лодки, перевозящія пѣшеходовъ и управляемые русскими мужиками въ своихъ оригинальныхъ шляпахъ грешневиномъ. Между тѣмъ вы подвигаетесь дальше впередъ, ближе къ самой ярмаркѣ: мостъ какъ будто кончился, то есть вы не видите уже подъ нимъ черной Оки, которую смѣнили пески, разстилающіеся подъ вашими ногами направо и

налѣво застроенные амбарами для склада хлѣба и лѣсу, постоянными дворами для извозчиковъ или такъ называемымъ «*кругомъ*». Направо пестрѣютъ раскрашенные садки для рыбы. Толкотню на мосту встрѣчающихся экипажей смѣняетъ новая толкотня, не менѣе затрудняющая проходъ и проѣздъ. Толпятся огромныя кучи мужиковъ оборванныхъ, съ изнуренными, страшно загорѣлыми лицами. Здѣсь вы рѣшительно можете прислушаться ко всѣмъ нарѣчіямъ и встрѣтить ихъ представителя.

Нижегородская армарка въ полномъ разгарѣ: на двухъ башняхъ китайской архитектуры, обращенныхъ къ Оку, выкинуто два флага, въ гостиномъ дворѣ нѣтъ ни одного номера пустаго. Всѣ они наполнены произведеніями всѣхъ возможныхъ русскихъ городовъ. За Окой, на огромной песчаной косѣ, обрамленной съ другой стороны желтыми водами Волги, выстроился новый городъ, рѣшительно не имѣющій нужды и ничего общаго съ тѣмъ, который чудною панорамною раскинулся на горахъ противоположнаго берега. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ собора, армянской церкви и мечети до мѣстопробыванія военнаго губернатора и ямрочной конторы и оканчивая возможными удобствами обыденной жизни. Самый Нижній на время переселился сюда, закрывъ свой гостинный дворъ, и ежедневно отправляя за Оку чуть-ли не половину своего населенія. Двигаясь по мосту изъ города къ армаркѣ, вы встрѣтите толпы людей съ загорѣлыми лицами, по видимому совершенно праздныхъ, — но на самомъ дѣлѣ только временно праздныхъ — бурлаки, пришедшіе наниматься въ нынѣшній годъ уже на вторую путину. Завтра же, можетъ быть, они, по зову урядчика, по найму судо-хозяевъ, которымъ всегда нуженъ и дорогъ работникъ, накинута на плечи лямку и тяжелымъ, порывистымъ шагомъ въ перевалку побредутъ по луговой сторонѣ матушки Волги, въ предшествіи вѣчнаго своего шишки, челоуѣка, болѣе другихъ изможденнаго, но болѣе другихъ знающаго мѣстность. Запоютъ они свои заветныя пѣсни, которыя такъ хороши на Волгѣ и такъ одно-

образны и небогаты содержаніемъ. Только бы съ ноги не сбиваться, да подхватывать въ разъ,—а за словомъ у нихъ не стоитъ дѣло. Тамъ придуть они на завѣтный бугорокъ, гдѣ-нибудь на Телячьемъ броду, достануть изъ чередоваго мѣшечка горсточекъ пятокъ крупицы, да волюють въ котелокъ ведерко воды кормилицы Волги, и сытъ бурлакъ-трудоу челоуѣкъ, и опять онъ ломаетъ свою путину все дальше и дальше, все туже и туже.

Мостъ еще не кончился, но передъ вашими глазами начался уже рядъ лавокъ, въ которыхъ хотя и производится торговля, но мелочная; шапками, картузами, шляпами, сапогами и прочимъ добромъ, необходимымъ въ быту крестьянскомъ.

Между тѣмъ къ концу моста васъ окончательно начинаетъ поражать близость ярмарки: со всѣхъ сторонъ на встрѣчу тянутся длинные обозы, запирающіе проходъ дальше; толпа дѣлается гуще и разнообразѣе, говоръ становится громче и сильнѣе и нѣсколько напоминаетъ базаръ въ какомъ-нибудь маленькомъ дальнемъ городѣ или торговомъ селеніи; но еще нѣсколько десятковъ шаговъ — и вы уже на самой ярмаркѣ. Длинная, широкая улица потянулась съ моста, образуемая досчатыми балаганами, выстроенными наскоро, на живую нитку. Всѣ они выкрашены сѣренькой краской, какъ бы для того, чтобы скрыть ихъ вопіющій недостатокъ; но тутъ пока только старое платье, зазывныя приглашенія въ родѣ апраксинскихъ или гостинодворскихъ московскихъ, съ тѣми же неудачными приглашеніями купить то, что уже у васъ есть, и съ такою же настойчивостію. И здѣсь также готовы васъ ухватить за руки и силою втащить въ лавку, если дадите хоть малѣйшій поводъ къ этому. Мужиковъ и бабъ подгородныхъ торгаши просто таскають за руки силоу.

Вамъ двѣ дороги—одна налево, мимо грудъ дынь и арбузовъ къ центру ярмарки, двумъ завѣтнымъ флагамъ и такъ называемому главному дому, — другая прямо, къ театру. Выберите послѣднюю и будете имѣть удовольствіе видѣть Новинское или Исакіевскую площадь во время святой недѣли

или масляницы. Цѣлая площадь обстроена балаганами съ заманчивыми картинами и вывѣсками. Тамъ намалевано цѣлое поле сраженія; здѣсь цѣлая пирамида людей, исковерканныхъ въ различныхъ фантастическихъ положеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ балагановъ раздаются выстрѣлы, — одинъ сильнѣе прочихъ. Проходившая толпа праздныхъ мужиковъ ухаесть. Мужики переглянутся, улыбнутся, отпустятъ замороженную остроту и пройдутъ дальше.

Между тѣмъ вы дѣлаете еще нѣсколько шаговъ впередъ и передъ вами большое сѣрое зданіе театра, все облепленное афишами, на которыхъ буквами въ вершокъ обозначены имена заѣзжихъ столичныхъ артистовъ. Тѣ же афиши пестрятъ всѣ городскіе фонарные столбы сверху до низу; но публики привлекають, противъ ожиданія, мало. Обогнувши театръ и повернувши немного налѣво, вы вскорѣ очутитесь въ самомъ центрѣ ярмарки, который можно считать у главнаго дома. Отъ него прямо потянулись ряды каменныхъ корпусовъ гостинаго двора, раздѣленныхъ между собою на двѣ половины узенькимъ бульваромъ. Бульваръ этотъ ведетъ до огромнаго ярмарочнаго собора съ одной стороны, а съ другой примыкаетъ къ главному корпусу, въ которомъ временно помѣщается ярмарочное управленіе. Здѣсь находятся магазины персидскихъ товаровъ, съ своими горбоносими, смуглыми, краснощежими хозяевами въ пестрыхъ халатахъ, съ длинными, ни къ чему не нужными рукавами, и въ высокихъ мерлушечьихъ шапкахъ. Тутъ же, въ одномъ углу, пріютились издѣлія Екатеринбурга: всѣ эти топазовыя, аметистовыя, сердоликовыя печатки, перстни, вазы, тарелки, чашечки и проч. Попадаютъ на глаза и небольшіе шкапчики, въ которыхъ пріѣзжій оптикъ разложилъ свои инструменты и токарь — свои бездѣлушки. По вечерамъ здѣсь играетъ музыка и бродятъ толпы городскихъ фатовъ и иногородныхъ заѣзжихъ гостей, между кучами сундуковъ, ящиковъ, на которыхъ чинно-важно сидятъ уставшіе.

Одинъ выходъ изъ главнаго дома ведетъ васъ къ Окѣ. Онъ съ двухъ сторонъ окруженъ цѣлымъ рядомъ извоци-

ковъ, потому что это главный подъездъ изъ города, — а другой выходитъ на бульваръ. Отъ послѣдняго главный домъ отдѣленъ небольшою площадкой. Это мѣсто сходки для мелочныхъ торгашей: тутъ и мальчишка лакей, стащившій у барина нѣсколько томовъ журналовъ старыхъ годовъ, и человѣкъ, приплывшій изъ Москвы продавать свою ваксу, которая способна сдѣлать сапоги ваши на цѣлую недѣлю чище зеркала и которая не боится ни дождя, ни грязи, ни пыли, а въ сущности дрянъ, какую только себѣ представить можно; тутъ же протискается впередъ и казанскій татаринъ съ коробкой мыла. Всѣ эти люди съ утра, вытащившись изъ своихъ конуръ, гдѣ-нибудь въ подвалѣ Кунавина, начинаютъ обыкновенно свое путешествіе по трактирамъ; мимоходомъ только останавливаются они у главнаго дома и Богъ вѣсть, въ какихъ занятіяхъ проводятъ вечеръ.

Всюду вы видите это кропотливое желаніе продать, навязать вамъ товаръ, какъ это встрѣчается на любой толкучкѣ въ столицахъ; но этого торговаго движенія цѣлой Россіи, движенія нѣсколькихъ милліоновъ рублей, собственно предполагаемой вами ярмарки, въ томъ значеніи, какъ вы привыкли понимать это относительно другихъ губернскихъ городовъ нашихъ, вы, рѣшительно, противъ ожиданія, не видите не замѣчаете. Все это сосредоточено въ трактирахъ, такъ какъ тамъ рѣшаются важнѣйшія торговыя дѣла. Нерѣдко, впрочемъ, увидите вы передъ рядами, въ которыхъ производится оптовая продажа, десятокъ возовъ, которые нагружаются шерстью, цыбиками чаю, бочками сахару, винъ и пряностей. Возы эти, нагружаемые татаринომъ, даютъ вамъ еще нѣкоторое право заключить о близости коммерческихъ сдѣлокъ; но посмотрите въ то же время на дороги, ведущія отъ Нижняго на Вятку, Кострому, Казань и Москву и тогда уже вамъ дѣлается несомнѣннымъ полный разгаръ ярмарки. Нѣтъ, кажется, никакой возможности пробраться вашему экипажу между безконечными вереницами возовъ, уставившихъ въ своемъ медленномъ движеніи всю дорогу, съ сво-

ими неизмѣнными мужиками по сторонамъ. Молча плетутся они, страдая отъ всѣхъ, переменъ прихотливой погоды и только по привычкѣ перенося скуку однообразнаго пути, на который обрекли они себя по нуждѣ и по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Три-четыре раза успѣваютъ они отправить довѣренный имъ товаръ на своемъ страхѣ и полной ответственности за его цѣлость. Хозяева отправляютъ съ ними только одного прикащика, а сами ѣдутъ уже въ концѣ ярмарки, на тройкѣ, въ тарантасѣ.

Но вернемся на ярмарку: мимо мечети и рядовъ, наполненныхъ цѣлыми кучами невыдѣланныхъ кожъ, гдѣ хозяевами сидятъ исключительно одни татары, вы можете пройти на сибирекую пристань. Но здѣсь, кромѣ огромныхъ грудъ всякаго товару, безчисленнаго множества воевъ, то и дѣло прибывающихъ и отъѣзжающихъ, вы ничего не встрѣтите, но за то ясно видите результатъ ярмарки. Это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ она принимаетъ свой настоящий видъ; тутъ уже не видно прогуливающихся, какъ въ гостиномъ дворѣ, но все это трудъ; здѣсь суетливость не бесполезна, но направлена къ извѣстной, прямо положенной цѣли. Если утомителенъ для васъ этотъ однообразный видъ ломовой работы, видъ роговъ, веревокъ, крючьевъ, — поспѣшите на ярмарку, — тамъ, вѣроятно, уже играетъ по рядамъ музыка, направляющаяся къ главной цѣли своей (на цѣлый вечеръ,) подъ арки главнаго дома. Но пройдите всѣ ряды, два, три, нѣсколько разъ взадъ и впередъ и здѣсь вы не найдете ничего оригинальнаго. Здѣсь тѣже наряды и тоже гулянье, тѣже перерыванья въ лавкахъ, однимъ словомъ, все то же, что и вездѣ, и Нижній въ этомъ случаѣ не представляетъ ничего самобытнаго.

Между тѣмъ незамѣтно настаетъ вечеръ: густой мракъ опустился на всю ярмарку и ея окрестности; ярче другихъ мѣстъ освѣщены площадки передъ главнымъ домомъ, гдѣ толпятся неопредѣленные тѣни, съ одной стороны для найма извозчиковъ въ городъ, — съ другой съ неопредѣленною цѣлью. По бульвару шмыгаютъ взадъ и впередъ другія тѣни;

нѣкоторыя сидятъ на скамейкахъ, — сколько позволяетъ различить это тусклый свѣтъ фонарей, слабо мерцающихъ у гостинаго двора, который весь уже запертъ, кромѣ пятишести чередовыхъ магазиновъ. Хозяева ихъ забрались наверхъ своихъ номеровъ, гдѣ въ маленькихъ комнатахъ пьютъ въ десятый разъ чай и ужинаютъ, вмѣстѣ съ главными прикащиками. Вотъ уже въ рѣдкихъ окнахъ надъ лавками мерцаютъ огоньки, бросающіе свой слабый свѣтъ на бульваръ и мостовыя; подъ арками главнаго дома еще гремитъ нѣкоторое время музыка и толкается огромная масса гуляющихъ. Музыка къ десяти часамъ кончится; персіане и армяне къ одиннадцати спѣшатъ выпить чаю и, закусивъ въ сухомятку, запереть свои магазины, чтобъ тутъ же улечься спать до другаго утра. Толпы гуляющихъ, послѣ ухода музыкантовъ, дѣлаются все рѣже и рѣже; подъ арками становится тише, огонь гаснетъ. Сквозь отворенную дверь къ Окѣ несется прохлада, слышенъ стукъ сторожей въ доски, дальній лай собакъ изъ города, и послѣдній звукъ рожка отъѣзжающаго омнибуса.

35. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ первыхъ годахъ прошедшаго столѣтія Петербурга еще не существовало. Мѣсто, занимаемое имъ, было совершенно пусто и безлюдно: разбросанные острова, поросшіе мохомъ, кустарникомъ и хвойнымъ лѣсомъ, представляли большею частью непроходимыя болота и чащи, гдѣ водились дикіе звѣри, что доказываютъ самыя названія этихъ острововъ, каковы: Березовый (петербургскій,) Заячій (гдѣ теперь крѣпость,) Лосій (Васильевскій,) Дикій или Еленевый (Аптекарскій,) и такъ далѣе; и только по правому берегу Малой Невки, гдѣ нынѣ Выборгская сторона, да по берегамъ Охты и Большой Невы виднѣлись кое-гдѣ разбросанныя финскія селенія, жители которыхъ занимались рыболовствомъ. Къ нимъ-то обращались обыкновенно за лодчанами, хорошо изучившими фарватеръ Невы, суда, шедшія къ Ніеншанцу,

шведской крѣпости, расположенной подлѣ небольшого, нѣкогда торговаго городка, на берегу Невы при впаденіи въ нее Охты, немного ниже теперешней корабельной верфи, а въ 1701 походившее на селеніе.

Стоило ли, кажется, вести такую упорную войну изъ-за этихъ болотистыхъ мѣстъ? Стоило ли, въ особенности, возобновлять ее Петру, хорошо понимавшему всю трудность борьбы нашей съ такимъ сильнымъ и хорошо дисциплинированнымъ и прекрасно вооруженнымъ войскомъ, каково было войско Карла XII. «Зѣло чудесно,» писалъ Петръ къ Апраксину въ іюнѣ 1701 года, «что отразили злобнѣйшихъ Шведовъ..... Поздравляю съ нечаяннымъ счастіемъ!»

Послѣ побѣды Шереметева при Эрестфорѣ, онъ писалъ: «слава Богу! мы дошли до того, что можемъ побѣждать Шведовъ, — сражаясь двое противъ одного, но скоро станемъ побѣждать ихъ и съ равными силами.»

Важна должна была быть причина, побуждавшая Петра Великаго продолжать эту трудную войну и вести наступательныя движенія. Цѣль эта была: во что бы то ни стало, — утвердиться на Балтійскомъ морѣ, и тѣмъ сблизить Россію съ западной Европой. И, вотъ, отнявъ у Шведовъ Нотебургъ, прежній новгородскій Орѣшекъ, переименованный потомъ Петромъ въ Шлюссельбургъ (ключъ къ морю,) войска русскія двинулись въ апрѣлѣ 1703 года внизъ, по правому берегу Невы. Шли они лѣсами большими и малыми и завидѣли наконецъ шведскій городокъ, занимавшій не болѣе десятины земли: то были Канцы или Ніеншанць, сторожившій устье Невы. Противъ городка, за Охтою, тянулся посадъ, состоящій изъ четырехъ сотъ домиковъ, госпиталя и двухъ церквей: нѣмецкой и шведской. Осмотрѣвъ невское устье, приступили 30 апрѣля вечеромъ къ бомбардированію крѣпости, и 1 мая Канцы сдались. Преображенскій полкъ, въ рѣдахъ котораго находился царевичъ Алексѣй, занялъ крѣпость, которую вскорѣ Петръ переименовалъ въ Шлотбургъ. Петръ Великій лично принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ самъ командовалъ лодками,

когда тѣ спускались внизъ по Невѣ, для рекогносцировки шведскаго флота, стоявшаго близъ устья рѣки.

Поздравляя Петра со взятіемъ Шлотбурга, Виніусъ писалъ: «Этимъ отверзошася пространная порта, безчисленныхъ вамъ прибытковъ.»

Разрушивъ до основанія шведскую крѣпость, Петръ, вскорѣ послѣ побѣды, осматривалъ пріобрѣтенную имъ мѣстность и выбиралъ удобное мѣсто, для заложения новой крѣпости, которая бы охраняла устья Невы.

На берегу пустынныхъ волнъ,
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдалъ глядѣлъ.... Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; — бѣдный челвъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманъ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ....

И думалъ онъ:

«Отсель, грозить мы будемъ Швецу,
Здѣсь будетъ городъ заложень
На зло надменному сосѣду;—
Природой здѣсь намъ суждено,
Въ Европу прорубить окно, —
Ногою твердой стать на морѣ.
Сюда, по новымъ ихъ волнамъ,
Всѣ олаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ!»

И вотъ, 16 мая, на безлюдномъ Лосьемъ острову, застучалъ топоръ и началась строиться батарея, для охраненія петербургской крѣпости, заложеной на Заячьемъ островѣ, переименованномъ Петромъ въ Лустъ-Эйландъ (веселый островъ.) Въ этомъ же году, для прегражденія непріятелю входа въ Неву, заложена у Финскаго залива, на островѣ Котлинѣ, крѣпость и названа Кроншлотомъ (Кронштадтъ.) Проектъ укрѣпленія былъ составленъ самимъ Петромъ, а исполнителемъ его былъ Меньшиковъ.

Обезпечивъ Петербургъ отъ внезапнаго нападенія съ моря, Петръ занялся устройствомъ такъ давно желаемаго имъ флота на Балтійскомъ морѣ и повелъ дѣло такъ быстро, что при осадѣ Выборга (въ маѣ 1710 года,) посланная имъ въ подкрѣпленіе Апраксину флотилія, пробравшаяся съ изумительною рѣшимостью сквозь льдины, покрывавшія еще Финскій заливъ, — состояла уже изъ двухъ сотъ двадцати шести судовъ. Устройство флота не мѣшало Петру принимать личное участіе въ постройкѣ петербургской крѣпости, бастіоны которой строились подъ надзоромъ самого государя и его приближенныхъ; вслѣдствіе чего, каждый бастіонъ сохранилъ названіе своего распорядителя: Государевъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Зотовъ, Головкинъ и Меньшиковъ.

Въ этой деревянной крѣпости съ шестью бастіонами въ 1705 году находились: деревянная церковь Петра и Павла, выстроенная на берегу канала, вырытаго вдоль всего острова, для снабженія водою гарнизона въ случаѣ осады. Церковь эта была выкрашена снаружи подъ желтый мраморъ и оканчивалась тремя шпицами, на которыхъ по праздничнымъ днямъ развивались флаги. Подъ однимъ изъ острокопечныхъ шпицовъ помѣщалось нѣсколько колоколовъ, на которыхъ, за неимѣніемъ часовъ, нарочно приставленный Петромъ, мастеръ вызванивалъ музыкальную піесу и потомъ ударами повѣщалъ жителей о времени дня. Подлѣ Петропавловскаго собора, на каналѣ же, стояла лютеранская церковь святой Анны, а противъ собора находился арсеналъ или цехаузь, небольшое деревянное строеніе, выкрашенное такъ же, какъ и церковь.

На Петербургскомъ острову, соединенномъ съ крѣпостью деревяннымъ подъемнымъ мостомъ, построенъ былъ еще въ 1703 году деревянный дворецъ или домикъ Петра Великаго, до сихъ поръ сохранившійся, благодаря каменному зданію, построенному Екатериной II и покрывающему его въ видѣ футляра. Дворецъ этотъ состоитъ изъ небольшихъ сѣней съ двумя свѣтелками по сторонамъ, стѣны которыхъ

обиты холстомъ. Одна изъ нихъ обращена теперь въ часовню, въ которой постоянно толпятся и богатые, и бѣдные, и взрослые, и малые. Снаружи, домъ выкрашенъ подъ кирпичъ въ голландскомъ вкусѣ, и крыша его украшена по срединѣ мортирой, а по бокамъ зажженными бомбами. Не далеко отъ дворца помѣщались деревянные палаты князя Меншикова, деревянный дворецъ вдовствовавшей супруги царя Иоанна, нѣсколько домовъ и хоромъ, въ которыхъ жили знатнѣйшія лица. Тутъ же были построены торговые ряды, состоявшіе изъ бревенчатыхъ лавокъ, грубо обтесанныхъ на манеръ избъ. Далѣе находилась первоначальная биржа. Наискось отъ дворца, недалеко отъ берега Невы, стояла знаменитая Австерія фрегатомъ, въ которой часто пиновалъ Петръ Великій, потѣшая своихъ гостей фейерверками. Сюда же заѣзжалъ онъ, послѣ обѣдни съ своими приближенными, выпить чарку водки передъ обѣдомъ.

Адмиралтейская часть, застроенная теперь лучшими зданіями Петербурга, была въ то время почти совсѣмъ пуста. Въ ней находилось адмиралтейство, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь; но тогда оно состояло изъ деревянныхъ магазиновъ, окружавшихъ съ трехъ сторонъ квадратную площадь, открытую на Неву. На этой площади строились корабли и спускались на воду. Противъ открытой на Неву стороны, надъ главными воротами, находились комнаты, для засѣданія адмиралтействъ-коллегіи, крыша которыхъ оканчивалась довольно высокимъ шпцомъ. Адмиралтейство было огорожено землянымъ валомъ и палисадомъ, за которыми шли дома или скорѣе избы для работающихъ на верфи.

На Царицыномъ лугу стояло лагеремъ войско. На островахъ: Аптекарскомъ, Васильевскомъ, Каменномъ видѣлись разныя батареи, а по берегу Фонтанки тянулись деревни, батареи, построенныя русскими, и развалины древнихъ шведскихъ укрѣпленій. Вообще весь городъ въ 1705 году походилъ на обширную деревню, постройки которой то жались другъ подлѣ друга, то были разбросаны среди лѣсовъ и болотъ. Низкій деревянный домикъ въ два-три окна, съ

острою крышей, крытою дранью, берестой или просто соломой, съ наружнымъ крыльцомъ, тѣсными сѣнями и съ двумя, рѣдко съ тремя комнатами, считался приличнымъ жилищемъ для важнѣйшаго лица. Таковъ былъ парадизъ, въ которомъ отдыхалъ душою Петръ Великій, утомленный тяжелой борьбой съ врагами внутренними и внѣшними.

Но «Петербургъ строился экспромтомъ,» говоритъ Бѣлинскій, — «въ мѣсяць дѣлалось то, чего бы стало на цѣлый годъ. Казалось, сама судьба хотѣла забросить столицу Россіи въ этотъ непріязненный и враждебный человѣку край, гдѣ небо блѣдно-зелено, тощая травка мѣшается съ ползучимъ верескомъ, сухимъ мохомъ, болотными порослями и сѣрыми кочками;—гдѣ царствуетъ колючая сосна и печальная ель, и не всегда нарушаетъ ихъ однообразіе чахлая береза; гдѣ болотистыя испаренія разливаютъ въ воздухъ сырость и проникаютъ въ каменные дома и кости человѣка; гдѣ нѣтъ ни весны, ни лѣта, ни зимы, но круглый годъ свирѣпствуетъ гнилая и мокрая осень, которая пародируетъ то весну, то лѣто, то зиму.... Казалось, судьба хотѣла, чтобы, спавшій дотолѣ непробуднымъ сномъ, русскій человѣкъ, кровавымъ потомъ и отчаянною борьбою — выработалъ свое будущее. Можетъ быть, въ болѣе благопріятномъ климатѣ, среди менѣе враждебной природы, при отсутствіи неодолимыхъ препятствій, русскій человѣкъ скоро возгордился бы своими легкими успѣхами и его энергія снова уснула бы, не успѣвъ даже проснуться вполне.» Въ самомъ дѣлѣ, въ 1703 году, въ Петербургѣ работало уже около двадцати тысячъ человѣкъ, преимущественно плѣнныхъ шведовъ и финновъ; впоследствии, по указу Петра, собирались сюда работники со всѣхъ концовъ Россіи: русскіе, татары, калмыки, козаки, финны и т. д. Какъ не охотно шли они на работы, видно даже изъ народныхъ пѣсень того времени. И какъ было охотно идти имъ, когда ихъ ждала неблагодарная, болотистая почва, гдѣ съ трудомъ находили сносную землю и за нѣсколько верстъ таскали ее въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ и просто въ полахъ своего платья. Вдали отъ род-

ныхъ и семьи, работающимъ приходилось терпѣть страшный недостатокъ во всемъ, не смотря на раздаваемое имъ жалованье. Народу собиралось столько, что не доставало помѣщенія и часто даже необходимой пищи. Укрывались въ шалашахъ, посреди болотъ и питались часто одними тощими овощами и тухлой рыбой, — вслѣдствіе чего гибли тысячами. По примѣрнымъ вычислениямъ современниковъ, сооруженіе петербургской крѣпости стоило жизни ста тысячамъ переселенцевъ. Работники такъ привыкли видѣть умирающихъ и мертвыхъ, что относились къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: вынесутъ мертвеца на видное мѣсто, зажгутъ передъ нимъ восковую свѣчу и ждутъ подаенія на похороны, состоявшія въ томъ, что мертвеца обертывали въ рогожу, обвязывали веревкой и опускали въ могилу. Самыя работы были страшно изнурительны по недостатку рабочихъ инструментовъ, и разумѣется, каждый старался отдѣлаться отъ этихъ работъ. Кто былъ побогаче, тотъ откупался, и изъ этихъ-то суммъ шло работникамъ жалованье по шести рублей на шесть мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ они обязаны были постоянно работать.

Въ первыя десять лѣтъ существованія Петербурга невозможно было ничего достать въ окрестностяхъ его, кромѣ дичи, рыбы и нѣсколькихъ тощихъ овощей; въ хлѣбъ и другихъ необходимыхъ припасахъ чувствовался сильный недостатокъ, потому что вслѣдствіе перемѣщенія въ него множества рабочихъ, истощался весь небольшой запасъ страны и при малѣйшемъ замедленіи подвоза сѣбѣстныхъ припасовъ изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, цѣны на нихъ страшно возвышались и рабочимъ приходилось голодать. Не только мѣстность самаго города, но и окрестности его были низки и болотисты, покрыты густымъ лѣсомъ, безъ дорогъ и тропинокъ, такъ что, покинувъ большую дорогу, путешественникъ рисковалъ попасть въ болото. На всю страну было два торныхъ пути, до того плохо устроенныхъ, что весной и осенью встрѣчались десятками лошади, издохнувшія въ упряжи между трясинами. Всюду виднѣлись

только кустарникъ да тундра, почти не встрѣчалось воздѣланныхъ полей; деревни, мызы и селенія попадались только на значительномъ другъ отъ друга разстоянїи; къ нимъ не было проложено дорогъ, и крестьянинъ пробирался по навыку и сноровкѣ. Волковъ было такъ много, что они даже въ городѣ нападали на людей и запряженныхъ лошадей. Въ 1714 году волки напали въ Петербургѣ на часоваго у литейнаго двора, свалили его съ ногъ и такъ поранили, что онъ умеръ отъ ранъ, а товарищъ его, прибѣжавшій на помощь, былъ разорванъ и съѣденъ волками. Въ самомъ центрѣ города, не далеко отъ дома Меншикова, одна женщина была съѣдена голодными волками. Подобные случаи были тутъ не рѣдкость.

Въ первыя двадцать лѣтъ существованія Петербурга, въ садахъ его, голландцы и нѣмцы не могли развести ни плодовъ, ни ягодъ, не смотря на всѣ свои старанія и, только на Васильевскомъ островѣ, въ садахъ Меншикова дождались наконецъ ягодъ.

Какъ Москва страдала отъ пожаровъ, такъ Петербургъ бѣдствовалъ отъ наводненій. Еще до основанія Петербурга, прибрежные жители вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ разливовъ Невы не строили себѣ прочныхъ жилищъ, а жили въ небольшихъ рыбацкихъ хижинахъ, и лишь только, по ихъ примѣтамъ, можно было ждаты сильной бури съ моря; они разбирали свои жилища, складывали ихъ въ плоты и, привязавъ къ деревьямъ, спасались сами на Дудерову гору. До 1725 года было въ Петербургѣ шесть наводненій; при одномъ изъ нихъ 5 ноября 1721 г., Нева произвела страшное опустошеніе въ Петербургѣ. Юго-западный вѣтеръ, дувшій въ продолженіе девяти дней, поднялъ воду болѣе чѣмъ на 1 сажень выше обыкновеннаго уровня, и она произвела убытку на семь милліоновъ рублей:—многіе дома были разрушены до основанія; подвалы съ товарами наполнились водою; всѣ сады были затоплены и перепорчены. Крѣпостныя работы тоже много пострадали. Началось это наводненіе въ 11 часовъ утра. Вода проникала въ улицы и дома съ необыкновенно

венною силою. Рѣка представляла страшное зрѣлище; множество оторванныхъ судовъ пустыхъ и съ людьми неслись по водѣ; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ, и только около половины втораго часа вода стала убывать.— Не смотря на всѣ эти бѣдствія, Петербургъ росъ и украшался и вскорѣ, изъ небольшой крѣпостцы, окруженной плохими деревянными домами и узкими, неправильными улицами, онъ сталъ главнымъ городомъ Ингерманландской губерніи. Самая заселенная часть его была въ то время Петербургская сторона: тутъ мы видимъ въ 1715 году набережную, убитую крѣпкими деревянными сваями, и нѣкоторыя улицы уже мощеными. По правую сторону крѣпостнаго кронверка селились преимущественно важныя государственныя лица и приближенные Петра, такъ что на набережной среди мазанковыхъ домовъ красовались каменные палаты Головкина и Шафирова. (Въ залѣ послѣдняго, славившейся своею обширностью, происходило въ 1726 году первое засѣданіе академіи наукъ.) На довольно обширной площади стоялъ деревянный Троицкій соборъ, сохранившійся до нашихъ временъ, благодаря Елисаветѣ Петровнѣ, обновившей его въ первоначальномъ его видѣ. Площадь, окружающая соборъ, была свидѣтельницей самыхъ разнообразныхъ зрѣлищъ: тутъ Петръ дѣлалъ парадные разводы, тутъ праздновалась Полтавская годовщина, при чемъ служили благодарственный молебенъ въ шатрѣ. По этой же площади двигались, выдѣлывая разные фарсы, пестрые толпы разнообразныхъ масокъ во время маскарардовъ, длившихся по цѣлымъ недѣлямъ; тутъ же наказывали и казнили преступниковъ. Окружающая соборъ мѣстность была самое бойкое и торговое мѣсто Петербурга.

На Большой Невкѣ противъ Выборгской стороны стояли сотнями струга, на которыхъ привозили изъ Ладоги, Новгорода и другихъ мѣстъ разные товары и съѣстные припасы. За Кронверкомъ на Сытной площади, загроможденной лавчонками и лотками, бывала такая толкотня, что покупавшіе рисковали потерять виѣсть съ шляпами и свои

напудренные парики. Это былъ первый толкучій рынокъ Петербурга.

Въ крѣпости былъ уже оконченъ каменный Петропавловскій соборъ, а земляной валъ крѣпости и такіе же бастіоны замѣнены массивными каменными зданіями съ казематами. По лѣвую сторону крѣпости, на самомъ берегу Невы, стоялъ деревянный Мытный дворъ, крытый лубками. Тутъ складывались: мука, горохъ, сало и прочіе необходимые продукты. По берегу Малой Невы тянулась русская слобода, гдѣ жили самые небогатые люди.

Такова была въ 1714 году Петербургская сторона, самая аристократическая и промышленная часть города. Черезъ Большую Невку отъ нея, на Выборгской сторонѣ, стояли каменные госпитали и заводы, а противъ Карповки находилась церковь св. Самсонія Страннопримца, построенная въ память побѣды подъ Полтавою. На кладбищѣ этой церкви, находившейся уже внѣ городскихъ строеній, вѣчно было хоронить всѣхъ, не разбирая вѣроисповѣданій.

Адмиралтейская часть тоже сильно измѣнилась. Отъ адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю, основанному въ 1710 году, Петръ велѣлъ прорубить въ 1713 году прямую дорогу въ лѣсу, получившую названіе большой перспективы или Невского проспекта. Подлѣ Адмиралтейства, на берегу Невы поставлена была деревянная церковь Исаакія Далматскаго, — первообразъ нынѣшняго Исаакіевскаго собора, построенная изъ разобранныго чертежнаго амбара, принадлежавшаго адмиралтейству; недалеко отъ нея помещался Большой канатный дворъ, на которомъ приготовлялись канаты и другія корабельныя оснастки; — далѣ шли дома корабельныхъ и шлюпочныхъ мастеровъ.

На берегу Невы близъ устья Фонтанки, гдѣ теперь Лѣтній садъ, стоялъ уже каменный двухъ-этажный лѣтній дворецъ Петра. Выстроенъ онъ въ голландскомъ вкусѣ съ позолоченными рамами и расписанными внутри стѣнами. Сохранившіяся въ первобытномъ своемъ видѣ комнатныя украшенія, рѣзба изъ дерева, часть мебели и наконецъ

огромныя изразцовыя печи кухни, изъ которой кушанья подавались прямо въ столовую, чрезъ нарочно для этого устроенное отверстіе, наглядно знакомятъ насъ съ тогдашними потребностями общества и домашнею жизнью Петра Великаго. Садъ, окружающій дворецъ, былъ уже тогда обширенъ и красивъ: длинныя аллеи его, усаженныя липами, дубами и даже плодовыми деревьями, привлекали и тогда, какъ и теперь, толпы гуляющихъ. На сѣверной сторонѣ сада находились три длинныя, открытыя галлерей, въ которыхъ танцовали и закусывали на ассамблеяхъ. Въ саду были фонтаны и помѣщался звѣринецъ и оранжерея.

На мѣсто новаго эрмитажа стоялъ каменный зимній дворецъ Петра. Далѣе по Невѣ шли дворцы разныхъ лицъ царской фамиліи и при одномъ изъ нихъ была устроена, любимой сестрой царя Наталіей Алексѣевной, богадѣльня для старухъ и больныхъ женщинъ; это было первое подобнаго рода учрежденіе въ Петербургѣ.

Дворцы эти были меньше и бѣднѣе домовъ, красующихся нынче на Дворцовой набережной; они были выведены въ одинъ этажъ съ тяжелыми и неуклюжими каменными мезонинами.

На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца, стоялъ большой мазанковый почтовой дворъ. Въ немъ останавливались пріѣзжіе. Это была казенная гостиница, въ которой Государь давалъ часто ассамблеи или другое знатное увеселеніе; въ этихъ случаяхъ, разумѣется, всѣмъ пріѣзжимъ приходилось перебираться отсюда. Нынѣшняя литейная часть, несившая въ то время названіе Московской стороны, была застроена только по берегу Невы, и кончалась большимъ дворомъ, въ которомъ помѣщалась смола для судовъ, и гдѣ теперь институтъ для дѣвицъ (Смольный монастырь,) получившій отъ него свое названіе. Затѣмъ пространство между Фонтанкою, Мойкою и Невскимъ Проспектомъ оставалось почти не застроеннымъ до 1725 года и гдѣ теперь находятся наилучшія улицы Петербурга: Караванная, Итальян-

ская, Малая Садовая и Михайловская, тамъ росли еще густые лѣса.

Петръ, нетерпѣливо желавшій украсить свой парадизъ, запретилъ «подъ опасеніемъ лишенія всего имѣнія и ссылки, производить каменные строенія гдѣ-либо въ Россіи, кромѣ Петербурга» а такъ какъ въ послѣднемъ очень трудно было доставать камень, то всѣ суда, приходившія съ Ладожскаго озера, и всѣ подводы, доставлявшія въ Петербургъ какой-нибудь матеріалъ или товаръ, обязаны были привозить по нѣскольку камней, цифра и вѣсъ которыхъ съ точностію были опредѣлены, и сдавать ихъ оберъ-коммиссару, завѣдывавшему постройками въ Петербургѣ.—Кромѣ того, Петръ велѣлъ переселиться въ Петербургъ тремъ-стамъ пятидесяти богатымъ дворянскимъ семействамъ, богатымъ купцамъ и зажиточнымъ мастеровымъ и строить въ немъ себѣ дома въ отведенныхъ для этого мѣстахъ по утвержденному Государемъ плану. Городскіе дома предписано было строить мазянковые, на каменныхъ фундаментахъ съ черепичными или дерновыми крышами, а кто не былъ въ состояніи вывести вдругъ каменный фундаментъ, тому дозволялось ставить домъ на столбахъ, а потомъ подводить подъ него фундаментъ. За несоблюденіе этихъ постановленій, провинившіеся «наказывались съ жестокостію, —яко явные преступники.» Освобождались отъ насильственнаго переселенія только русскіе, бывшіе за границей или посылавшіе туда своихъ дѣтей.

Понятно, какъ неохотно бояре оставляли свои полуазіатскіе московскіе дома, для Петербурга, — «обильнаго, — по словамъ ихъ, — только слезами, да болотами!» Когда царь уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, то надобно было прибѣгать къ военной силѣ, чтобы принудить знатныхъ и придворныхъ выѣхать изъ Москвы въ новую столицу.

Петръ Великій не только заботился о самомъ городѣ Петербургѣ, но и объ окрестностяхъ его, и въ 1714 году существовали уже многіе загородные дворцы и между прочимъ Екатерингофскій, построенный въ память побѣды,

одержанной тутъ надъ шведами въ 1703 году, вслѣдствіе чего устроено гулянье каждое 1 мая. Обычай этотъ сохраняется и до сихъ поръ. Деревянный дворецъ этотъ, подаренный Петромъ Екатеринѣ, сохранился почти въ томъ же видѣ до сихъ поръ.

Съ 1718 года началъ застраиваться Васильевскій островъ. Петръ, замѣтивъ неудобства низменной Петербургской стороны, рѣшилъ: оставить тутъ только плохенькіе домики мастеровыхъ, а всѣ хорошія зданія перенести на Васильевскій островъ, такъ что къ концу царствованія Петра на островѣ ужъ находились: Государствъ-Коллегія, въ двѣнадцати отдѣльныхъ корпусахъ, гдѣ теперь помѣщается университетъ, Академія Наукъ, таможня, переведенная съ Троицкой площади, удивлявшая современниковъ своими золотыми и серебряными обоями, и гостинный дворъ.

Меньшиковъ и тутъ явился однимъ изъ первыхъ исполнителей желаній государя, построивъ подлѣ Коллегіи огромный трехъ-этажный, каменный домъ, крытый желѣзными листами краснаго цвѣта, фронтоны и украшенный шестью большими статуями; по боковымъ выступамъ находились балконы съ огромными княжескими коронами, комнаты были со сводами и отличались своей роскошной мебелировкой и разными драгоценными украшениями. Домъ этотъ превосходилъ обширностію и изяществомъ всѣ тогдашніе дворцы, такъ что иностранные принцы и посланники дивились его громадности и великолѣпію; въ обширной его залѣ, находившейся въ среднемъ этажѣ, происходили обыкновенно всѣ торжественныя собранія, пиры и свадьбы знатныхъ лицъ. Домъ этотъ существуетъ и теперь; въ немъ помѣщается Первое Павловское военное училище. Отъ этого дома шелъ громадный садъ, доходившій до Малой Невы. Въ немъ помѣщались разныя строенія, принадлежавшія тоже князю, — какъ напр. деревянный посольскій домъ, каменная церковь съ куполами, обитыми жемчужною, и съ курантами на башнѣ, домъ его дворцоваго Соловьева, считавшійся однимъ изъ лучшихъ домовъ тогдашняго времени, оранжереи, скотный

дворъ и даже мельницы. Садъ украшенъ былъ цвѣтниками, фонтаномъ и обведенъ затѣйливой рѣшеткой. Отъ этого сада шла аллея ко взморью, поперегъ всего Васильевского острова (нынѣшній Большой проспектъ,)—и оканчивалась башней, служившей маякомъ. Съ этой башни видны были всѣ окрестности. Отсюда начиналась Галерная гавань, заселенная морскими нижними чинами. За Галерной гаванью шла французская слобода, въ которой жили мастеровые и ремесленники.

Итакъ самая видная часть Васильевского острова была занята строениями, принадлежавшими князю Меншикову, что объясняетъ намъ, почему весь островъ назывался одно время Меншиковымъ. Его же имя носилъ и рынокъ, находившійся на мѣстѣ нынѣшней Румянцевской площади; этотъ рынокъ былъ перенесенъ потомъ къ церкви св. Андрея Первозваннаго, отъ которой получилъ свое теперешнее названіе.—Далѣе на островѣ, по берегу Невы къ взморью, находились подворья: Новгородскаго епископа Теофана Прокоповича, Рязанскаго Стефана Яворскаго, Троицко-Сергіевскаго монастыря, Рязанское и Казанское. Остальныя части острова были всѣ покрыты еще лѣсомъ, который дозволялось безпрепятственно рубить еще при Петрѣ II.

Устраивая любимую столицу, Петръ не терялъ изъ виду ея назначенія и старался поставить ее во главѣ заграничной торговли съ Западомъ, подобно тому, какъ Москва стояла во главѣ нашей внутренней и восточной торговли. Въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, онъ дѣйствуетъ круто, и идетъ прямо къ цѣли: въ 1713 году издаетъ указъ вести весною главные отпускные товары—пеньку и юфть не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ; а остальные товары доставлять туда же изъ всѣхъ близкихъ къ новому порту мѣстъ. А чтобы дать возможность доставлять товары къ новому порту и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, Петръ въ 1719 г. кладетъ начало къ осуществленію своей давнишней мысли, соединить Неву съ Волгою, велитъ рыть каналъ Ладожскій,

для предохраненія судовъ отъ бурнаго озера, и позволяетъ вырыть частному лицу Вышневолоцкій каналъ.

Эти каналы открыли удобный водяной путь къ С.-Петербургу, обезпечили дальнѣйшіе успѣхи его торговли и сдѣлали его центромъ торговли съ Западомъ. Въ шестидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, когда отмѣнена была стѣснительная мѣра противъ архангельской торговли, среднее число кораблей, приходившихъ къ этому городу, доходило до сорока, — тогда какъ въ Петербургъ приходило ихъ до 300.

Водяныя системы Тихвинская и Маріинская, сдѣлавъ сообщеніе еще удобнѣе, сблизили Петербургъ съ отдаленнѣйшими городами Россіи, и онъ сосредоточилъ въ себѣ по отпуску и привозу заграничныхъ товаровъ болѣе трети всей внѣшней торговли.

Главный вывозъ изъ Россіи чрезъ этотъ портъ состоитъ изъ необработанныхъ продуктовъ: хлѣба, сала, пеньки, льна, желѣза, грубаго холста, канатовъ и веревокъ, простой кости, невыдѣланныхъ кожъ, щетины и лѣснаго товару. Изъ иностранныхъ товаровъ на особенно большія суммы привозятся въ Петербургъ по Балтійскому морю: хлопчатая бумага, виноградныя вина, машины и колониальныя товары. По Варшавской дорогѣ идутъ въ Петербургъ преимущественно заграничныя мануфактурныя издѣлія. Вообще въ настоящее время къ Петербургу приходитъ до 2,500 кораблей, а торговые обороты его составляютъ свыше 120 м. р., т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ оборотовъ нашей внѣшней торговли.

Сверхъ того Петербургъ поглощаетъ столько съѣстныхъ припасовъ и разныхъ мануфактурныхъ произведеній, что имѣетъ большое вліяніе на внутреннюю торговлю хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, равно какъ и на сбытъ бумажныхъ московскихъ товаровъ, ярославскихъ, архангельскихъ и другихъ полотень и разныхъ другихъ русскихъ издѣлій. Такихъ товаровъ привозится въ Петербургъ на 50 м. р.

Съ легкой руки Петра Великаго, при которомъ въ Петербургѣ уже существовало 38 фабрикъ, между тѣмъ какъ

ихъ было тогда въ Москвѣ только 39, а во всей Россіи 230, число—фабрикъ въ Петербургѣ быстро увеличивалось и изъ цыфры 86 существовавшихъ при Екатеринѣ II, мы встрѣчаемъ въ отчетахъ 1865 года цыфру 346 фабрикъ, занимающихъ видное мѣсто между другими мануфактурами Россіи, не смотря на то, что произведенія ихъ расходятся большею частью только между жителями этого города и одни сахарные заводы снабжаютъ, черезъ Москву и Нижній, многія наши внутреннія губерніи. На этихъ четырехъ заводахъ рафинируется сахарный песокъ на сумму болѣе 7½ милліоновъ рублей. Песокъ этотъ доставляется преимущественно изъ свекловичныхъ заводовъ южныхъ нашихъ губерній.

Петербургскія фабрики отличаются прочностью выдѣлываемыхъ на нихъ вещей и красивою отдѣлкою ихъ,—вслѣдствіе чего, произведенія ихъ идутъ въ значительномъ количествѣ въ губернскіе города и расходятся между богатымъ народонаселеніемъ ихъ; а взамѣнъ, въ Петербургъ доставляются, для небогатаго сословія разныя дешевыя, плохой выдѣлки, издѣлія Москвы и другихъ городовъ нашихъ. Кромѣ того, по недостаточному количеству выдѣлываемаго товара на здѣшнихъ заводахъ, доставляются сюда, въ немаломъ количествѣ, разныя фабричныя издѣлія нашихъ внутреннихъ фабрикъ.

Итакъ, не смотря на все предсказанія о скоромъ паденіи этого города, вызваннаго изъ болотъ, по словамъ нѣкоторыхъ, однимъ капризомъ великаго человѣка, Петербургъ по мановенію этого же человѣка не только удержалъ значеніе столичнаго города, но сдѣлался первымъ торговымъ и фабричнымъ городомъ Россіи.

Послѣ кончины Петра Великаго Петербургъ не переставалъ украшаться. Такъ при Елисаветѣ Петровнѣ начали строить, въ 1754 году, великолѣпный зимній дворецъ, по плану одного изъ замѣчательныхъ архитекторовъ того вре-

мени, графа Растрели. По планамъ же Растрели были тоже построены на Невскомъ: Аничковскій дворець, Гостинный дворъ и домъ Воронцова. Въ царствованіе Елисаветы въ Петербургѣ уже считалось 150 т. жителей. Но до Екатерины Великой въ Петербургѣ еще много было деревянныхъ домовъ; поэтому современники Екатерины II имѣли полное право говорить, что Екатерина приняла городъ деревянный, а оставила каменный. Дѣйствительно, при ней было построено много красивыхъ и полезныхъ зданій, какъ-то: публичная бібліотека, арсеналь, Академія художествъ, мраморный и Таврическій дворцы, каменный театръ; при ней, начали строить нынѣшнюю биржу и знаменитый мраморный Исаакіевскій соборъ, начатый по плану Ринальда, а оконченный въ 1858 году, по плану Монферана. При ней лѣвый берегъ Невы, Екатерининской каналъ и Фонтанка были обложены дикимъ камнемъ, сооруженъ монументъ Петру I и знаменитая рѣшетка Лѣтнаго сада.

Но, не смотря на гранитныя набережныя, великолѣпные дворцы и замѣчательные дома придворныхъ, Петербургъ и при Екатеринѣ II не былъ еще похожъ на теперешній. Между кварталами, застроенными огромными и красивыми домами, являлись улицы, какъ будто перенесенныя изъ дальняго глухаго городка или деревни, болотистые пустыри и рощи. Адмиралтейская площадь отъ бульвара и начала Невскаго проспекта, была совершенно почти пуста, и только въ 1788 г., Екатерина выстроила тутъ три огромные каменные дома, на мѣстѣ нынѣшняго главнаго штаба. Дворцовая площадь и весь кварталъ отъ нея къ Милліонной и Невскому представляла сырой лугъ, поросшій изрѣдка кустарниками, среди которыхъ паслись дворцовыя коровы; Конюшенная улица была застроена лачужками. За Михайловской, плохо обстроенной улицей, гдѣ теперь дворець Михаила Павловича съ его пристройками, построенными при Александрѣ I, тянулись огороды. Фонтанка служила чертою города и лѣвый берегъ ея состоялъ изъ топкаго болота, черезъ которое мѣстами только шли насыпи. Охотничій дворъ, въ которомъ

изъ-за низкаго забора выглядывали полуразвалившіяся избы, занималъ мѣсто нынѣшняго Технологическаго института, и все пространство между Обуховскимъ и Загороднымъ проспектами занималъ пустырь. Эта пестрота и рѣзкіе переходы отъ красиво застроенныхъ улицъ къ пустырямъ сильно поражали непривычный глазъ иностранца. Хотя Екатерина II совершенно отмѣнила принудительныя мѣры къ заселенію столицы, но народонаселеніе ея продолжало увеличиваться и въ 1796 году считалось въ Петербургѣ болѣе двухъ-сотъ двадцати восьми тысячъ жителей, и для большаго удобства въ полицейскомъ управленіи, городъ съ его предмѣстьями раздѣленъ былъ на девять частей: три Адмиралтейскія, Васильевская, Выборгская, Литейная, Рождественская, Каретная и Московская.

Александръ I такъ украсилъ Петербургъ, что его не узнавали пріѣзжіе. При немъ были сооружены: Казанскій соборъ, Адмиралтейство, главный штабъ, Ассигнаціонный банкъ, горный корпусъ, артиллерійское училище, медико-хирургическая академія и многія другія зданія, окончена биржа, перестроенъ Большой театръ, сгорѣвшій въ 1812 году, и устроены бульвары и площади. При этомъ государь Петербургъ сильно пострадалъ въ наводненіе 7 ноября 1824 года, которое было сильнѣе всѣхъ, когда-либо здѣсь происходившихъ. Въ городъ и его окрестностяхъ погибло 480 человекъ, 462 дома совершенно уничтожены, а 3,681 зданіе повреждены. Кромѣ того погибло много товаровъ и домашняго скота.

Очевидецъ такъ описываетъ это страшное наводненіе: «Канунъ 7 ноября предвѣщалъ готовившееся несчастіе: дождь шелъ съ самаго утра, вѣтеръ былъ рѣзокъ, холодень и дулъ съ чрезвычайной силой; къ ночи вода уже значительно возвысилась; но жители города, отвыкшіе отъ наводненій, не предпринимали никакихъ мѣръ для спасенія своего имущества, предполагая, что по обыкновенію вода убудетъ къ утру. Въ ночь однако поднялся свѣжій, юго-восточный вѣтеръ и, съ часу на часъ усиливаясь, превра-

тился наконецъ въ сильную бурю. Въ исходѣ 10 часа утра о гранитную набережную Невы, противъ дворца, съ шумомъ разбивались уже волны, непрерывно гонимыя бурей. Выраженіе какого-то недоумѣнія, удивленія или любопытства, видѣлось на лицахъ толпившагося тутъ народа. Они еще не предвидѣли близкаго и неотразимаго несчастія. Вскорѣ вода брызнула изъ подземныхъ трубъ, потомъ хлынула черезъ гранитные затворы рѣкъ и каналовъ, — и, съ смутнымъ шумомъ, широкими волнами полилась по улицамъ, не захватывая только трехъ частей: Литейной, Каретной и Рождественской. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны и орошавшихъ его брызгами, почти до верхняго этажа.

На Невѣ вода кипѣла какъ въ котлѣ, и съ неимоверной силой обратила вспять теченіе рѣки. Дома на набережной казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ. Всѣ мосты были сорваны и разнесены на части. — Два судна съли на гранитный парапетъ, противъ Лѣтняго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись, какъ щепки, вверхъ по рѣкѣ. Люди оцѣпенѣли въ ожиданіи неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

Съ другой стороны дворца, на площади, подъ небомъ, почти чернымъ, темнозеленоватая вода вертѣлась, какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко поднимаясь и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крышъ строившихся зданій главнаго штаба и буря играла ими, какъ пухомъ. Длинные деревянные тротуары, соединявшіе заборы этихъ недоконченныхъ зданій, представляли плотину, на которую съ ревомъ напирала волна; наконецъ, поднявшись выше этой преграды, вода полилась въ Малую Милліонную. Большая Милліонная была перегороджена огромною баркою, вдвинутою водою изъ узкаго переулка, выходившаго на Неву. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и бал-

коны домовъ, взбирались на верхушки деревьевъ, окаймлявшихъ бульвары, садились на имперіалы каретъ. Лошади тонули въ запряжкѣ.

На набережной Васильевского острова происходило такое же опустошеніе. По Невѣ плыли брусья краснаго дерева, ящики и тюки съ товарами. У перваго кадетскаго корпуса, нынѣ Павловскаго училища, стояла барка съ сѣномъ; такія же двѣ помѣстились подлѣ нынѣшняго Университета. По линіямъ еще были разметаны барки съ дровами и углемъ. Къ балкону одного дома прибило два большихъ транспортныхъ судна; часть разбитаго сельдянаго буйна, находившагося на Васильевскомъ островѣ, занесена была на Петербургскую сторону, гдѣ близъ Троицкой церкви стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ.

По улицамъ первой Адмиралтейской части плавали кресты, занесенные съ дальнихъ кладбищъ.

Въ мѣстахъ, около залива расположенныхъ, бѣдствія были еще ужаснѣе, — вода тутъ доходила до шестнадцати футовъ. — Въ Гавани на Канонерскомъ и Гутуевскомъ островахъ, въ Екатерингофѣ и деревняхъ, расположенныхъ на берегу залива, люди почти не находили себѣ никакого спасенія. Рабочіе чугунаго завода, хотя и были распущены при началѣ наводненія, но не успѣли возвратиться въ свои жилища и, спасаясь на крышахъ завода, видѣли гибель своихъ близкихъ и всего своего имущества.

Въ два часа по полудни, петербургскій военный губернаторъ Милорадовичъ ѣздилъ въ катеръ по Невскому проспекту, спасая погибающій народъ; многія частныя лица помогали ему на своихъ лодкахъ. Въ началѣ третьяго часа вода стала убывать и къ ночи не покрывала болѣе улицъ, оставленныхъ ею въ самомъ жалкомъ видѣ: фонари всѣ были переломаны, вслѣдствіе чего мракъ господствовалъ всюду. Во многихъ мѣстахъ образовались провалы, по многимъ улицамъ не было проѣзду. Сотни людей рыдали надъ тѣлами близкихъ или оплакивали потерю всего своего состоянія. Сотни людей остались безъ пріюта, безъ хлѣба,

почти безъ одежды и грустно сидѣли на остаткахъ уничтоженныхъ жилищъ своихъ.»

На другой день начались добровольныя пожертвованія въ пользу пострадавшихъ, и правительство приняло всѣ мѣры для пособія несчастнымъ.

Обводный каналъ, опоясывающій Петербургъ отъ Александро-Невской лавры вплоть до устья Невы противъ Рѣзваго острова, охраняющій его отъ сильныхъ и опасныхъ разливовъ Невы, вырытъ въ царствованіе Николая I. При немъ же продолжалось сооруженіе Исаакіевскаго собора, оконченнаго только въ настоящее царствованіе. Онъ же поставилъ замѣчательную колонну Александру I, перестроилъ Зимній дворецъ послѣ пожара 1837 года, отдѣлалъ Мраморный—для Константина Николаевича и утвердилъ планы дворцовъ Николая и Михаила Николаевичей, построилъ и отдѣлалъ Новый эрмитажъ, дозволилъ Стенбокъ-Фермору выстроить Пассажъ, построилъ зданія Сената и Синода, Технологическій институтъ и театры: Александринскій и Михайловскій, расширилъ прежнія улицы и проложилъ новыя. Но самымъ замѣчательнымъ памятникомъ его царствованія послѣ Обводнаго канала, Благовѣщенскій, нынѣ Николаевскій каменный мостъ съ чугунными перилами, перекинутый черезъ Неву, недалеко отъ дворца Николая Николаевича. (*) Мостъ этотъ установилъ постоянное сообщеніе между центромъ Петербурга и Васильевскимъ островомъ, а чрезъ послѣдній съ Выборгской и Петербургской сторонами, тогда какъ до него эти части бывали совершенно разъединены съ центромъ города во все время движенія льда по Невѣ, такъ какъ всѣ деревянные мосты Невы не могутъ выдержать напора льда, вслѣдствіе чего ихъ и разводять.

(*) Мостъ этотъ построенъ нашимъ русскимъ инженеромъ Кербедемъ, которому приходилось бороться со всеми трудностями, встрѣчающимися при работахъ этого рода, сосредоточенными здѣсь вмѣстѣ: 1) большая ширина рѣки, 2) большая глубина, 3) большая скорость теченія и 4) жидкій иловатый грунтъ дна на глубину превышающую глубину рѣки,—все это затрудняло работу.

Нынѣ царствующій государь, заботясь болѣе всего о спокойствіи и удобствахъ жизни вѣреннаго ему народа, обратилъ вниманіе и на вѣшнія удобства столицы: при немъ выстроены красивыя и хорошо расположенныя зданія Александровскаго рынка за Вознесенскимъ мостомъ, Александровская и Маріинская линіи по Садовой противъ Гостиного двора, перестроена и очищена Сѣнная площадь, возвышенъ берегъ, на которомъ помѣщается Галерная гавань, проведены конножелѣзные дороги отъ Васильевскаго острова до Московской желѣзной дороги и отъ Никольскаго рынка до Невскаго проспекта, многіе площади обращены въ сады, при церквахъ разводятся палисадники, нѣкоторые дворцовые сады открыты для публики, дома и улицы содержатся въ чистотѣ и опрятности и освѣщены газомъ; водопроводы снабжаютъ жителей Петербурга чистою невскою водою и избавляютъ его отъ пыли и пожаровъ. Вслѣдствіе всего этого Петербургъ по красотѣ и въ гигиеническомъ отношеніи не уступаетъ лучшимъ столичнымъ городамъ западной Европы. Къ несчастію, городъ расположенъ на такомъ плоскомъ мѣстѣ, что нельзя любоваться частями его, не помѣстившись на верху какого-нибудь очень высокаго зданія, какъ на примѣръ Адмиралтейства, съ верхней галлереей котораго мы и представимъ видъ города. Повернитесь на востокъ, къ Охтѣ, и вы увидите на правомъ берегу Невы, за тупымъ мысомъ лѣваго берега, то мѣсто, гдѣ находились 165 лѣтъ тому назадъ укрѣпленія города Ніена, жителямъ котораго и не снилось, какъ застроятся, впродолженіи полутора столѣтій, эти пустынные берега протекавшей между лѣсомъ Невы. Теперь взгляните на сѣверъ. Передъ вами бывшая лучшая часть столицы: Петербургская сторона, изрѣзанная узкими улицами и широкими садами и огородами. Тутъ теперь живетъ самое небогатое населеніе Петербурга, мимо котораго мчатся лѣтомъ изъ душнаго центра дорогіе экипажи, относящіе своихъ богатыхъ владѣльцевъ на острова, красивыми группами лежащіе къ сѣверо-западу отъ Петербургской стороны. Передъ массой зелени, Петров-

саго парка видѣется большое зданіе военной гимназіи; за нимъ глаза ваши еще остановятся на большомъ красномъ зданіи Первой военной гимназіи, а тамъ невольно мелькомъ пробѣгутъ незамѣтную Петербургскую сторону, чтобы отдохнуть на красивыхъ островахъ.

Вправо отъ крѣпости, за деревяннымъ, сохранившимъ свой древній стиль Троицкимъ соборомъ, хранится какъ святыня едва замѣтный маленькій домикъ великаго чело-вѣка, вызвавшего «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи благи» громадный городъ. Площадь, окружающая эти два дорогіе для насъ памятника, видѣла много веселыхъ и грустныхъ событій, большей части которыхъ мы не можемъ болѣе сочувствовать, благодаря гениальному Петру, такъ круто выведшему свой народъ на путь развитія.

На востокъ, за Большой Невкой тянется Выборгская сторона съ Медико-хирургической Академіей, прекрасно устроенными госпиталями и разными заводами. Между громадными каменными зданіями и скромными деревянными домиками жителей, выдѣляется своей древней архитектурой церковь Самсонія и переноситъ насъ опять во времена Петра.

Но пора обратиться къ теперешнему центру города. Отъ Лѣтняго сада, помнящаго ассамблеи и банкеты Петра, идетъ по набережной Невы сплошной рядъ роскошно отдѣланныхъ домовъ, перемежающійся дворцами и оканчивающійся громаднымъ и строгаго стили зданіемъ Зимняго дворца, занимающаго пространство уѣзднаго города и заключающаго въ залахъ своихъ громадныя богатства и рѣдкости. Особенно наполненъ имъ Новый Эрмитажъ, — великолѣпное и изящно отдѣланное зданіе, пристроенное ко дворцу, въ громадныхъ, поражающихъ своей роскошью, залахъ котораго помѣщаются собранія картинъ и статуй иностранныхъ и русскихъ художниковъ, богатая библіотека и собраніе рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей въ такъ называемой Петровской галлерей. Высокія, темныя стѣны дворца мѣшаютъ вамъ рассмотреть Дворцовую набережную; но вы можете ее видѣть съ обсер-

ваторіи Академіи Наукъ и налюбоваться вдоволь на зеркальную поверхность Невы, отражающую въ себѣ всѣ эти мастерскія произведенія человѣческихъ рукъ, такъ великолѣпно украсившія ея берега.

Обратясь на юго-востоку, вы увидите противъ Зимняго дворца, по ту сторону огромной Дворцовой площади, украшенной памятникомъ Александру I, громадный полукругъ главнаго штаба съ триумфальными воротами, образующими посрединѣ замѣчательную арку, украшенную трофеями и колесницей какого-то триумфатора. Отъ Адмиралтейства, подобно расходящимся лучамъ, тянутся вдоль всего Петербурга три главные проспекта: Невскій, Гороховый и Вознесенскій. Невскій вначалѣ идетъ между двумя почти сплошными стѣнами магазиновъ, подражающихъ Парижу своими роскошными, завлекающими и красиво расположенными вещами, манящими прохожихъ изъ-за цѣльныхъ зеркальныхъ стеколъ. Тутъ самая капризная барыня можетъ найти все ей необходимое, начиная съ щегольскихъ ботинокъ и кончая тончайшими духами; тутъ любитель изящнаго залюбуется на эстампы и гравюры, выставленные у Вегрова, Дацیارо, Фельтена и т. д., и непременно зайдетъ взглянуть на картины русскихъ современныхъ художниковъ, наполняющихъ залы постоянной выставки. Тутъ, рядомъ съ конторой извѣстнаго нотаріуса или банкира, помѣщается французскій парикмахеръ или перчаточникъ; подлѣ книжной лавки, выглядывають изъ оконъ кондитерской сладкіе пирожки и конфеты; а возлѣ тысячныхъ бриліантовыхъ вещей, гордо красующихся на бѣлыхъ подставкахъ, бѣдный мальчикъ продаетъ въ корзинкѣ спички, бумагу или что нибудь подобное. До Казанскаго моста вы не встрѣтите тутъ ни одного дома, неиспещреннаго съ верху до низу вывѣсками всевозможныхъ размѣровъ. Тутъ вы на всякомъ шагу видите неистощимое умѣнье показывать свой товаръ лицомъ и неудержимое желаніе затмить сосѣда и переманить къ себѣ покупателя. Недаромъ же отъ 3 до 5 часовъ послѣ полудня торцовая мостовая Невскаго проспекта покрывается блестя-

щими экипажами, и широкіе его плитные тротуары исчезаютъ подъ несмѣтной толпой гуляющихъ. Особенно хорошъ Невскій вечеромъ, когда освѣщенъ газомъ: всѣ эти безчисленные магазины кажутся чѣмъ-то волшебнымъ. Но Казанскій соборъ, модель церкви Петра и Павла въ Римѣ, быстро измѣняетъ картину. Передъ вами вдругъ открывается большая площадь съ храмомъ, отъ котораго огромнымъ полукругомъ тянутся колоннады изъ известковаго желто-сѣраго камня. Замѣчательно, что зданіе это выстроено одними русскими мастерами безъ участія иностранцевъ. Иконостасъ главнаго алтаря поражаетъ своимъ богатствомъ: онъ весь изъ листаго серебра съ колоннами изъ сибирской яшмы. На него пошло 100 пудовъ серебра. Изъ нихъ 40 пудовъ пожертвовано казаками, которые, отбивъ у французовъ въ 1812 году часть награбленнаго ими въ Россіи серебра, состоявшую преимущественно изъ окладовъ образовъ и церковныхъ сосудовъ, переплавили его въ слитки и отдали на украшеніе собора. Рѣшетка у трехъ иконостасовъ тоже литая, серебряная. Чудотворный образъ Казанскія Божіей Матери украшенъ драгоценными камнями; но большая часть другихъ образовъ храма безъ окладовъ и написана лучшими нашими художниками; между ними особенно замѣчательны образа Брюлова и Бруни, находящіеся въ алтарѣ. Передъ колоннадами собора, по обѣимъ сторонамъ площади, стоятъ памятники Кутузову и Барклаю де-Толли. Съ этого мѣста, только лѣвая сторона Невскаго сохраняетъ свой характеръ, правая же его сторона становится менѣ пестрой: тутъ вы видите низкіе некрасивые ряды фруктовыхъ лавокъ, наполненные всѣми гастрономическими затѣями, начиная отъ земляники въ декабрѣ мѣсяцѣ до американскихъ пикльсъ. Далѣе идутъ такія же низенькія, но только съ колоннами, серебряныя лавки, за ними Городская Дума съ тяжелыми гранитными ступенями, у которыхъ скромно пріютилась маленькая деревянная книжная лавочка, за ней Гостиный дворъ, съ своими полуазиатскими крытыми наружными галереями. За Гостинымъ дворомъ вы непременно

остановитесь передъ огромнымъ, прекрасно устроеннымъ зданіемъ публичной библіотеки и отдохнете на немъ отъ всей этой пестроты, отуманившей васъ на минуту. Тутъ напоминаетъ вамъ, что въ Петербургѣ есть небогатый классъ добросовѣстныхъ труженниковъ и поклонниковъ науки и литературы, классъ этотъ не малъ, если Екатерина нашла для него нужнымъ устроить эту громадную библіотеку. На площади, отдѣляющей зданіе библіотеки отъ Аничкова дворца, стоитъ нашъ русскій театръ, помнящій и Асенькову, и Мартынову, и Самойловыхъ и многихъ другихъ артистовъ, не мало способствовавшихъ къ развитію вкуса въ зрителяхъ. За сквѣромъ театра, начинается Аничковъ дворецъ, построенный еще при Елисаветѣ. Вамъ страннымъ покажется, какъ въ такое отдаленное время, когда Невскій былъ еще малозастроеннымъ бульваромъ, съ двумя триумфальными воротами, могли тутъ появиться подобныя зданія; но взгляните на Фонтанку и вспомните, что при Елисаветѣ преимущественно застраивался правый берегъ этой рѣки, и васъ не удивитъ болѣе домъ-дворецъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, помѣщающійся по ту сторону Аничкова моста, украшеннаго великолѣпными лошадьми работы извѣстнаго русскаго скульптора барона Клодта. За этимъ мостомъ вы начинаете чувствовать, что приближаетесь къ концу Невскаго: торцовая мостовая прекращается, дома, хотя все еще громадные, не такъ испещрены вывѣсками, и вотъ вы наконецъ у воксала Московской желѣзной дороги. До двадцати улицъ, пересѣкающихъ съ обѣихъ сторонъ Невскій проспектъ, наполнены тоже большею частью магазинами; но есть между ними и такія, въ которыхъ преобладаютъ дома аристократовъ, какъ на примѣръ Большая Морская, ведущая на Исаакіевскую площадь, посрединѣ которой стоитъ Исаакіевскій соборъ, а передъ нимъ памятникъ Николаю I. Площадь застроена громадными и великолѣпными зданіями, между которыми находится дворецъ В. К. Маріи Николаевны, заключающій въ стѣнахъ своихъ много рѣдкостей, между прочимъ превосходныя картины лучшихъ ино-

странныхъ и русскихъ художниковъ. Но величина всёхъ этихъ зданій теряется передъ громадностью Исаакіевскаго собора, фундаментъ котораго занимаетъ площадь, имѣющую въ длину отъ востока къ западу 52 саж. 12 верш., а въ ширину отъ юга къ сѣверу 45 саж. 2¹/₂ арш. Соборъ можетъ вмѣстить въ себѣ болѣе 5 тысячъ человѣкъ. Чтобы дать хотя малое понятіе о громадности этого зданія, мы приведемъ цифры главныхъ размѣровъ его. Наружныя стѣны нижняго корпуса въ 16 сажень 1 арш. вышины, а все зданіе въ 47 сажень 2 арш., считая отъ фундамента до креста средняго большаго купола. Золоченый червоннымъ золотомъ куполь этотъ видѣнъ болѣе чѣмъ за 30 версты въ окружности; крестъ его желѣзный, рѣзной и обложенъ мѣдными золочеными листами. Стѣны собора выведены снизу изъ гранита, а выше изъ кирпича, обложеннаго плитами сѣраго финляндскаго мрамора. Наружныя колонны и ступени изъ красно-сѣраго гранита, а статуи и барельефы темной бронзы. Колонны, поддерживающія портикъ, почти въ 8 саж. вышины, по величинѣ своей считаются между первыми монолитами въ мірѣ. Но онѣ не поразятъ васъ своею громадностію, потому что онѣ совершенно пропорціональны относительно главныхъ дверей, вышиною въ 7 саж. и оконъ въ 5 саж. На сооруженіе собора пошло разныхъ металловъ 110,108 пуд. (*). Внутри собора стѣны выложены бѣлымъ и цвѣтнымъ мраморомъ и краснымъ порфиромъ; полъ изъ мраморныхъ цвѣтныхъ плитъ, а ступени и площадь передъ алтаремъ, за золоченой бронзовой рѣшеткой, краснаго порфира. Три арки иконостаса тянутся во всю ширину церкви и маскируютъ предѣлы ея. Весь иконостасъ изъ бѣлаго мрамора и покрытъ снаружи образами, въ промежуткахъ которыхъ помѣщены 10 мѣдныхъ колоннъ, обложенныхъ малахитомъ, съ бронзовыми золочеными базами и капителями. Эти колонны вышиной въ 16 арш. и на

(*) Золота пошло 6 пудовъ, бронзы—18 тысячъ пуд., мѣди—2,939 пуд., кованаго желѣза—29,374 пуд., чугуна 59,789 пудовъ.

нихъ пошло 1,200 пудовъ малахиту, добытаго въ Пермской губерніи.

Образа главнаго иконостаса будутъ сдѣланы всѣ мозаиковые; но теперъ изъ нихъ готовы только 8 виживихъ иконъ, а на мѣстахъ остальныхъ остаются еще пока прекрасной живописи оригиналы нашихъ лучшихъ художниковъ. Образа вставлены прямо въ бѣлый гладкій мраморъ иконостаса, карнизы котораго покрыты бронзовыми массивными украшеніями, что составляетъ какъ бы рамы иконамъ. Царскія врата вылиты изъ бронзы и украшены по бокамъ колоннами изъ драгоцѣннаго яшма-лазури. Въ придѣлахъ иконостасы бѣлаго гладкаго мрамора съ малахитовыми украшеніями и превосходными бронзовыми группами Пименова. Бѣлыя мраморныя стѣны, отдѣляющія ихъ отъ главнаго алтаря и служащія сѣверными дверями послѣднему, покрыты превосходной рѣзбѣй, также какъ и всѣ бордюры большихъ образовъ, помѣщающихся на красивыхъ, бѣлаго мрамора, аркахъ собора.

Отъ Исаакіевскаго собора къ Невѣ виднѣются: стройная и прекрасныхъ размѣровъ Конногвардейская церковь Благовѣщенія, дворецъ великаго князя Николая Николаевича, Сенатъ и Синодъ; а подлѣ нихъ, на площади, знаменитая статуя Петра I, указывающая Россіи на Неву, соединяющую ее съ Балтійскимъ моремъ и Западной Европой.

Самая торговая, изъ выходящихъ на Невскій, улицъ — это Большая Садовая. Она ведетъ отъ Гостиного двора прямо на Сѣнную площадь, застроенную деревянными балаганами, въ которыхъ продается разная живность, рыба, зелень, дешевые фрукты, фаянсовая, деревянная и глиняная посуда и т. п. Рынокъ этотъ особенно оживляется за недѣлю до Рождества. Въ это время вся часть Садовой, прилегающая къ Сѣнной, и Обуховскій проспектъ вплоть до моста, загромождаются деревенскими санями, съ которыхъ крестьяне прямо продаютъ привозимую ими живность. Неуклюжи наскоро сколоченные балаганы, бѣдны и грубы простыя сани, мѣшающія провѣду экипажей; но за то тутъ,

этотъ толпящійся народъ, выводящій изъ терпѣнія мимо проходящихъ, можетъ купить всю необходимую для него провизію по самой дешевой цѣнѣ. Говорятъ, что скоро площадь будетъ очищена отъ этихъ деревянныхъ построекъ, которыя замѣнятся правильными рядами. За Сѣнной, по обѣ стороны Обуховскаго моста, находятся многія огромныя каменные зданія, какъ напримѣръ Институтъ Путей сообщенія, Обуховская больница, Константиновское военное училище, Технологическій институтъ и такъ далѣе.

Теперь повернитесь на сѣверо-западъ и полюбуйтесь видомъ совершенно въ другомъ вкусѣ. Передъ вами Васильевскій островъ, соединенный съ Адмиралтейскою частью постояннымъ каменнымъ мостомъ, своей смѣлостью удивляющимъ инженеровъ Европы. Въ концѣ моста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются подвижныя части его, стоитъ граціозная гранитная часовня съ мозаиковымъ изображеніемъ св. Николая внутри и св. Александра Невскаго снаружи, вправо отъ моста вы видите прочное массивное зданіе Академіи художествъ, залы которой прекрасно передѣланы въ нынѣшнемъ году и въ нихъ мастерски сгруппированы и разставлены разныя художественныя произведенія. Въ нихъ же находится драгоценная галлерея графа Куселева-Безбородко, завѣщанная графомъ академіи. Противъ этого зданія, по обѣимъ сторонамъ широкихъ гранитныхъ ступеней, ведущихъ къ Невѣ, стоятъ два громадныхъ гранитныхъ сфинкса, привезенныхъ изъ Египта въ царствованіе Екатерины II. На Румянцовской площади между Академіей и Павловскимъ военнымъ училищемъ разбитъ скверъ, составляющій какъ бы рамку для памятника графа Румянцева. Далѣе за Павловскимъ училищемъ, вдоль гранитной набережной вы видите: университетъ, академію наукъ съ замѣчательнымъ, въ научномъ отношеніи, кабинетомъ рѣдкостей, бѣлое зданіе Биржи, пестрые маяки и такъ далѣе.

Взгляните налѣво, и васъ поразитъ цѣлый лѣсъ мачтъ купеческихъ кораблей, между которыми рѣзко отдѣляются красныя и черныя трубы большихъ и малыхъ пароходовъ,

пристани которыхъ кажутся цѣлыми домами, правда очень ничтожными сравнительно съ большими каменными зданіями, окаймляющими набережную Невы, между которыми возвышаются морской корпусъ и горный институтъ. Этотъ блестящій рядъ домовъ кончается темной полосой фабрикъ и заводовъ, занимающихъ всю оконечность острова, называемую Чекушами.

Бросимъ послѣдній взглядъ на Петербургскую сторону, съ которой мы начали обзоръ нашъ, съ которой сталъ застраиваться Петербургъ по волѣ гениальнаго человѣка, предвидѣвшаго все его громадное будущее значеніе, и вспомнимъ слова великаго поэта:

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи благодать
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ изъ низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ; нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣнятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

36. Русь въ пословицахъ.

1. Столицы и губернскіе города.

Новгородъ — отецъ, Кіевъ — мать, Москва — сердце, Петербургъ — голова.

- Питеръ — кормило, Москва — кормъ.
Москва создана вѣками, Питеръ — миллионами.
Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.
Матушка Москва бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосо-
льная, православная, словоохотливая.
Славится Москва невѣстами, колоколами, да калачами.
Москва людна и хлѣбна.
Въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей.
Въ Москвѣ каждый день праздникъ. (По множеству цер-
квей.)
Новгородъ, Новгородъ, и постарше стараго.
Псковичи — капустники, мягинники, ершефды.
Тверитяне въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ.
Ярославль городъ — Москвы уголокъ.
Ярославцы: красавцы, бѣлотѣльцы, пѣсенники, запѣвалы,
чистоплюи, конфетчики, кукушкины дѣтки (потому что му-
жики дома не сидятъ.)
Нижній — сосѣдъ Москвѣ ближній: дома каменные, люди
железные. Воды много, а почерпнуть нечего. (Хотя Нижній
лежитъ на двухъ большихъ рѣкахъ, но нуждается въ водѣ.)
Вятскіе ребята хватскіе: семеро одного не бояться, а кто
больше съѣсть, — тотъ и молодецъ.
Владимірцы стерлядники, каменщики, клюковники. По
клюкву, по ягоду клюкву.
Орловцы — безменщики.
Тулякъ — стальная душа. Блоху на цѣпь посадили. При-
сядь, бачка, чижи летятъ. (Туляки оружейники, птицеловы.)
Смоляне — крупеники, мезговники. — (Мезга — сосновая
заболонь, куторую мѣшаютъ въ хлѣбъ.)
Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ
жаба.
Архангельцы — моржефды, шанежники.
Астраханцы — икорники, бѣлужники. Въ Астрахани и
коровы рыбу ѣдятъ (соленую.)
Донцы — осетерники, балычники, станичники. На Дону
ни ткуть, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Крымцы — сеledники, садовники.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

2. У ѣзды.

Бѣлозерцы — бѣлозерскіе сметки.

Демьянцы — гаршечники; по гаршки.

Валдайцы — колокольники.

Боровичане — волнушечники, водохлебы (т. е. чайники,) луковники. Луку, луку, зеленаго. (*)

Осташи — ершеѣды, сапожники, золотошвей.

Кимряки — лѣтомъ штукатуры, зимой чеботары (**).

Ростовцы — огородники, птичники, каплунники.

Романовцы — схорони концы. Барана въ зыбкѣ закачали (укравъ спеленали положили въ зыбку, чтобы спрятать). (***)

Галичане — овчинники, мѣховщики.

Кинешемцы и Рѣшемцы — суконники.

Ветлужане — санники. Санникъ да тележникъ, а выѣхать не на чемъ.

Варнавицы — медовики.

Судиславцы — грибовники (****).

Васильцы — стерлядники.

Княгининцы — шапошники. Шапками обозъ задавили.

Мурашкинцы — тулупники.

(*) Бѣлозерскъ, Демьянскъ, Валдай и Боровичи — уездные города Новгородской губерніи.

(**) Осташковъ уезд. гор. Тверской губерніи. Кимры — село Корчевскаго уезда Тверской губерніи.

(***) Ростовъ, Романовъ и Борисоглебскъ — уезд. гор. Ярославской губ.

(****) Галичъ, Кинешма, Ветлуга, Варнавицъ, Судиславль уезд. города Костромской губерніи. Решма — село Кинешемскаго уезда.

Городъ Балахна стоитъ по́лы распахня (потому что растянулась по Волгѣ версты на три.)

Арзамазцы — гусятники, луковники, малеваны (иконописцы.)

Семеновцы — теплый, валеный товаръ. (*)

Суздальцы — богомазы, Георгія за мѣсто Пятницы (св. Параскевіи) промѣняли (т. е. продали, потому что образа не продаютъ, а мѣняютъ.)

Въ Суздаля да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напитокъ.

Юрьевцы — Китешники.

Ковровцы — офени, коробейники, приходимцы; картавые (за офенскій языкъ) (**).

Вязмици — прямишники, коврижники. Мы люди неграмотные, ѣдимъ прямики неписаные. Вязма въ прямикахъ увязла (***)

3. Народы.

Русскимъ Богомъ да русскимъ царемъ святорусская земля стоитъ.

Русскій народъ — царелюбивый.

Русская кость тепло любитъ.

Русскій человѣкъ хлѣбъ соль водить.

Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти.

Русскій терпѣливъ до зачина.

Русскій человѣкъ — добрый человѣкъ.

Русакъ уменъ, да заднимъ умомъ.

(*) Васильсурскъ, Княгининъ, Балахна, Арзамасъ, Семеновъ — уѣздные города Нижегородской губерніи. Мурашкино — Княгининскаго уѣзда той же губерніи.

(**) Суздаль, Вязники, Шуя, Юрьевъ, Ковровъ — уѣздные города Владимирской губерніи.

(***) Вязма — уѣзд. гор. Смоленской губ.

Бей русскаго — часы сдѣлаеть. Русскій, что увидить,
то и сдѣлаеть. Русскій догадливъ, себѣ на умѣ. — Русскій
человѣкъ любитъ авось, небось, да какъ нибудь.

Русскій человѣкъ и гулливъ и хвастливъ.

Въ русскомъ брюхѣ и долото сгниеть.

Что русскому здорово, то нѣмцу смерть.

Калмыкъ подъ собой кобылу съѣлъ. Ай, молодца: широка
лица, глаза узенька, кость пятка.

Татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ.

Цыгану безъ обмана дня не прожить.

Фараоново отродье.

Гдѣ жидъ не прошелъ, тамъ цыганъ пролѣзеть.

Цыганъ, что голоднѣе, то веселѣе.

Рѣка Обь — остяцкій богъ.

Гдѣ два оленя прошло, тамъ тунгусу большая дорога.

Упрямъ, какъ рыжій зырянинъ.

Черемиса, что миса: чистое и поганое пожираеть.

Чуваши, хоть сто человѣкъ, — всѣ вмѣстѣ говорятъ.

Чудь бѣлоглазая. Лопъ — сырофды. Колдуны.

Литвины: мякинники. Литовскій колтунъ. Лапотники.

Магерки (бѣлыя валенныя шляпы.)

К О Н Е Ц Ъ .

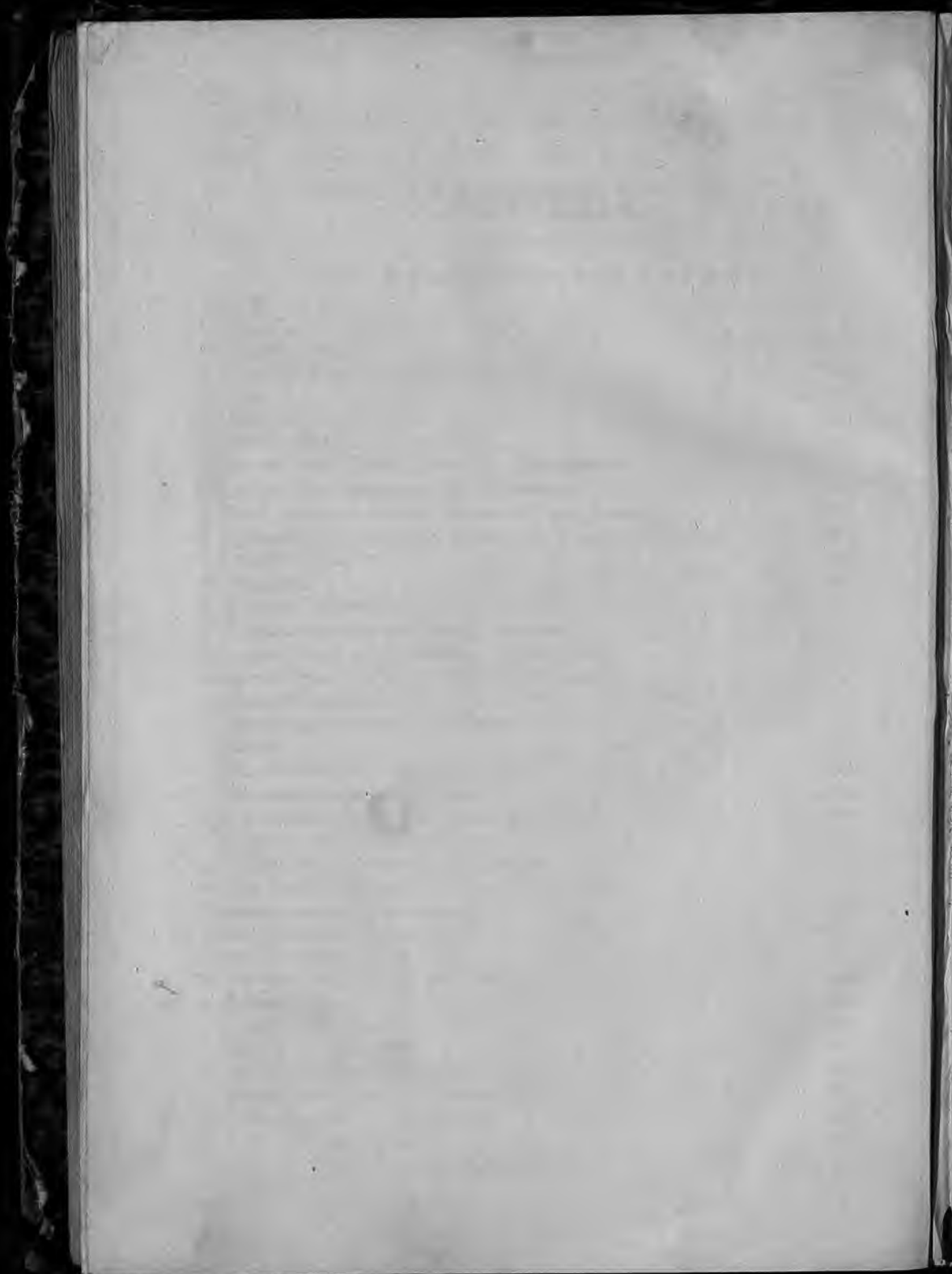
ОГЛАВЛЕНІЕ.

VIII. ВЕЛИГОРУССКІЙ КРАЙ.

	стр.
1. Алаунская возвышенность. Бабета	3
2. Ладожское озеро.	15
3. На озеръ Пльменъ. Ялушкіна.	25
4. Волга	42
5. Историко-географическое значеніе Волги. Бабета.	64
6. Львеной пожаръ. Гр. Толстаго	68
7. Луговой берегъ Оки въ покосъ. Григоровича.	74
8. Русскіе, какъ колонизаторы. Ешевскаго.	76
9. Пища, одежда и жилище рязанскихъ крестьянъ	83
10. Народныя предразсудки и повѣрья въ Рязанской губерніи.	95
11. Сельскіе праздники	106
12. Масляница	112.
13. Посидки. Ялушкіна.	117
14. Свадебныя обряды въ Галичѣ. Свинына	123
15. Старообрядцы и раскольники. Мельникова	127
16. Русскій купецъ XVII столѣтія. Костомарова	140
17. Волжскіе бурлаки	146
18. Львопромышленники. Потѣхина.	167
19. Озени	181
20. Долгій извощикъ. Маркова.	201
21. Иностранцы Казанской губерніи	214
22. О мочальномъ промыслѣ. Кешени.	254
23. Лубочныя картины. Снегирева	261
24. Промышленная выставка въ Костромѣ	264
25. Село Холуй. Ладова.	272
26. Село Богородское. Мельникова	275
27. Село Павлово. Мельникова	279
28. Село Иваново. Безобразова	288
29. Сарепта. (Изъ пис. о пут. Наслѣд)	306
30. Рыбинскъ	319
31. Великій Новгородъ	326
32. Москва. С. Макаровой.	357
33. Троицко-Сергіевская Лавра.	398
34. Нижній-Новгородъ. С. Макаровой.	420
35. С.-Петербургъ. С. Макаровой	446
36. Русь въ пословицахъ.	475

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs, but the characters are too light and blurry to transcribe accurately. A small, dark circular mark is visible near the center of the page.

23